
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт российской истории

В.Ф.Зима

ЧЕЛОВЕК И ВЛАСТЬ

в СССР в 1920–1930-е годы:
политика репрессий

СОБРАНИЕ

МОСКВА 2010

УДК 94(47).084.(3+5+6)

ББК 63.3(2)613

362

© Зима В.Ф., 2010

© Учреждение Российской академии наук

Институт российской истории РАН, 2010

ISBN 978-5-9606-0090-3

© Оформление. ООО «Издательство «Собрание»», 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
----------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТАНОВЛЕНИЕ ДЕСПОТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В РОССИИ.....	13
--	----

Глава первая

ВЛАСТЬ ПРОТИВ ОППОЗИЦИОННЫХ ПАРТИЙ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	18
1. Уничтожение партии социалистов-революционеров	18
2. Большевики против меньшевиков	31
3. Преследование оппозиционной интеллигенции. Ликвидация республиканской и монархической партий	44

Глава вторая

ОТ ЛИКВИДАЦИИ НЭПА — К НАСИЛЬСТВЕННОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ	62
1. Усиление роли ГПУ-ОГПУ-НКВД при Сталине	62
2. Необъявленная война с советским крестьянством в 1930–1933 гг.....	74
3. Испытание голодом.....	97

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР В СССР 1936–1939 гг. 115

Глава первая

СТАЛИНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ 1936 г. И ВЫБОРЫ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР В 1937 г.	117
1. Подготовка и принятие нового текста Конституции СССР	117
2. Начало массовых репрессий и выборы в органы власти по новой Конституции	125

Глава вторая

ТЕХНОЛОГИЯ ТЕРРОРА ПРОТИВ «ВРАГОВ НАРОДА» В 1937–1938 гг.	134
1. Начало «ежовщины».	134
2. Ликвидация «военно-фашистского заговора»	146
3. Борьба с «диверсантами и агентами» империализма.	157

Глава третья

ОХОТА НА «ПРАВЫХ» В ГОСАППАРАТЕ И ПАРТИИ	171
1. Дело председателя профсоюза железнодорожников А.М.Амосова	171
2. Продолжение расправы с инакомыслием.	182
3. «Антропофагия» власти	194
4. Дело наркома земледелия СССР Р.И.Эйхе	204

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	214
----------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ	218
----------------------	-----

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	229
-----------------------------	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	236
-----------------------------	-----

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время историографию новейшей истории России и СССР захлестнул вал научных и научно-популярных публикаций: больших и малых форм авторские монографии и статьи, различного объема документальные сборники. Однако проблема противостояния человека и власти в 20–30-е годы XX века оставалась не изученной. Благодаря введенным в научный оборот новым архивным документам, появляется возможность осветить данную проблему с новых исторических позиций. Основное внимание обращается на роль человеческого фактора, так как центральной фигурой всех событий были люди.

Социально-политическую жизнь людей в СССР в 1930-е гг. невозможно понять без краткого знакомства с событиями, происходившими в предшествующее десятилетие. В связи с этим первая глава посвящена социально-политической атмосфере 1920-х гг., когда закладывались основные черты единоличной власти как наверху, так и на местах. После подавления сопротивления оппозиции власть не смогла сдерживать свою революционную агрессивность и дошла до антропофагии в ненависти и насилии над людьми. Политическое значение слова «антропофагия» заключается в том, что деспотическая власть, опасаясь возмущения масс, постоянно запугивала их репрессиями, подавляла морально и физически уничтожала лучших представителей общества.

При написании данной монографии были использованы коллективные труды, а также многотомники документов: «Лубянка — Сталину» под редакцией Г.Н.Севостьянова и А.Н.Сахарова; «Общество и власть. Российская провинция», ответственный редактор А.Н.Сахаров; «Трагедия советской деревни» под редакцией В.П.Данилова, Р.Маннинг, Л.Виола¹, сборники документов, посвя-

¹ Совершенно секретно: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 1–7. М., 2001–2004; Общество и власть. Российская провинция. Т. 1. 1917 — середина 30-х годов. М., 2002; Т. 2. 1930 — июнь 1941 г. и Т. 3. Июнь 1941 — 1953 г. М., 2005; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Докум. и матер. В 5 т. М., 1999–2004 и др.

щенные тяжелым испытаниям заключенных ГУЛАГа, а также по реабилитации необоснованно пострадавших в послесталинский период¹.

Большой интерес представляют работы по истории становления репрессивного аппарата Советской власти². Политика репрессий, направленная против партии левых эсеров во главе с Марией Спиридоновой, боевой организации эсеров Бориса Савинкова, интеллигенции, духовенства, крестьянства, освещена в монографиях и сборниках документов³. Не осталось без внимания и время голода 1932–1933 гг.⁴

Ряд монографий о сталинизме и терроре 1937–1938 гг. были написаны зарубежными авторами⁵.

В Москве, Ленинграде и других городах вышли мартирологи расстрелянных людей, необоснованно пострадавших от репрессий⁶.

В нашей монографии были использованы многочисленные фонды и описи пяти центральных архивов.

¹ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. Сб. докум. М., 2002; Дети ГУЛАГа. 1918–1956. Сб. документов. М., 2002; Реабилитация: как это было. Т. II. Февраль 1956 – начало 80-х годов. М., 2003; и др.

² Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник / Сост. Н.В.Петров, К.В.Скоркин. М., 1999; Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. Документы. М., 2003 и др.

³ Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.) М., 1999; *Ивницкий Н.А.* Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.) М., 2000; *Лавров В.М.* Партия Спиридоновой (Мария Спиридонова на левозеро-ских съездах). М., 2001; Борис Савинков на Лубянке: Документы. М., 2001; *Марочко В., Хиллиг Г.* Репрессированные педагоги Украины: жертвы политического террора (1929–1941). Киев, 2003. (На укр. яз.) и др.

⁴ *Conquest R.* The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror – Famine. L., 1986; *Осколков Н.Е.* Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932–1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов н/Д., 1991; *Осокина Е.А.* Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. М., 1993; *она же.* Жертвы голода: сколько их? // История СССР. 1991. № 5; *Данилов В.П., Зеленин И.Е.* Организованный голод. К 70-летию общекрестьянской трагедии // Отечественная история. 2004. № 5 и др.

⁵ *Фицпатрик Ш.* Сталинисты крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001; *она же.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001; *Viola L.* Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. New York, 1996; *Getty J.A., Naumov O.V.* The Road to Terror. Stalin and Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. New Haven and London, 1999 и др.

⁶ Бутровский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий: В 4 вып. М., 1997–2000; Ленинградский мартиролог 1937–1938 гг. Т. 2. СПб., 1996; и др.

В личном фонде И.В.Сталина были изучены важнейшие стенограммы его выступлений, бесед, интервью, писем, а также редакторская работа с документами и подготовка им очередных томов к изданию собрания своих сочинений.

В фонде управления делами Совета народных комиссаров СССР были проанализированы важнейшие постановления и распоряжения правительства, связанные с реализацией директив Политбюро ЦК ВКП(б) по проведению репрессий во время коллективизации, засекречиванию фактов голода 1932–1933 гг., а также по освоению раскулаченными необжитых районов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Жалобы, письма граждан к М.И.Калинину были взяты из фонда секретариата Президиума Верховного Совета СССР. Там же были найдены материалы о подготовке текста сталинской Конституции 1936 г.

В фондах ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД изучались личные следственные дела осужденных, содержащие ордера на арест и обыск, тексты допросов и признательных показаний, заявлений подследственных на имя Н.И.Ежова, Л.П.Берии и др. Особое внимание автор уделил изучению информационных писем и меморандумов Г.Ягоды, оперативных приказов, циркуляров, ориентировок и разработок Н.Ежова и Л.Берии.

Некоторые документы были изданы частично или полностью в популярных периодических изданиях без указания на источник, поэтому в примечаниях мы даем название книги или журнала, где были впервые опубликованы документы, а также ссылку на архивный фонд, опись и дело.

Фактографический материал содержит малоизвестные нам сведения об острой борьбе в рядах партийного и государственного руководства по поводу внешней и внутренней политики, социалистического строительства, коллективизации и раскулачивания в деревне, темпов индустриализации, голода 1932–1933 гг., репрессий и террора 1930-х гг.

Не меньший интерес представляют особенности взаимоотношения властей с гражданами, нарастание противоречий между народом и властью. 1930-е гг. занимают особое место в истории Советского государства, так как именно тогда конфликт между человеком и правящей верхушкой достиг своего апогея. Необъявленная война власти против народа окончилась победой партийно-государственного режима И.В.Сталина и его сподвижников.

Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И.В.Сталин, с помощью созданного им партийного аппарата, вытеснил со всех государс-

твенных и политических постов своего главного оппонента — Л.Д.Троцкого. Затем он добился высылки Троцкого из страны за антипартийную и антисоветскую деятельность. Вот как в начале 1930 г. представитель германского посольства в Москве дипломат Т. объяснял победу Сталина над Троцким: «Почему Троцкий в 1924 г., когда он стоял во главе Красной Армии... не выступил против Сталина? Причины этого в том, что Троцкий являлся лишь литератором и краснобаем, в то время как Сталин — человек действия и воли, который знает, чего хочет. Троцкий — крупный писатель. Однако, несмотря на все свое искусство, он не может отрицать того, что Сталин, — безразлично какими средствами, — захватил в свои руки всю власть и является настолько абсолютным диктатором, какого до сих пор вообще не было. Он обладает необходимыми для этого качествами. Одними только интригами этого нельзя достигнуть, и, в конечном счете, каждый диктатор каким-либо образом захватывал власть. Применять к этому моральный масштаб кажется мне чрезвычайно мелочным, в особенности сравнивая его с таким характером, как у Троцкого, который стоит на 100% ниже.

Сталин — человек, который все ставит на карту. Человек с железными нервами, гигантской волей и ужасающей последовательностью. Будет ли его политика иметь успех, никто не может сказать; в данный момент положение кажется даже очень смутным... Я также думаю, что он окончательно разорит Россию, но, в конце концов это ведь соответствует сущности большинства диктаторов, которые для осуществления своей личной идеи счастья всего мира не задумываются перешагнуть через судьбу собственной нации»¹.

На гребне борьбы и интриг внутри самой правящей большевистской партии состоялось укрепление политического положения Сталина. Он умело привлекал на свою сторону талантливых лидеров, а затем избавлялся от них. Так он поступил с Бухариным, Рыковым и другими, когда те не поддержали курс на форсирование индустриализации за счет деревни.

Сталин обновил аппарат ЦК ВКП(б) молодыми кадрами. В Политбюро партии вошли его доверенные лица: Г.К.Орджоникидзе, С.М.Киров, В.М.Молотов, Л.М.Каганович, А.И.Микоян, которые поддержали его в борьбе со «старой гвардией», — все это обеспечило Генеральному секретарю полную победу. На XV съез-

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 184. Л. 41об. (Письмо было перехвачено иностранным отделом ОГПУ и передано Сталину.)

де ВКП(б) 2–19 декабря 1927 г. Сталин закончил свое выступление словами: «К победе коммунизма в нашей стране, к победе коммунизма во всем мире — вперед!»¹ Его речь неоднократно прерывалась бурными, продолжительными аплодисментами, а в конце все участники съезда встали и устроили Сталину овацию.

Позиции Сталина подкреплялись репрессиями, бывшими в начале 1930-х гг. еще спорадическими. Так, 29 января 1933 г. на имя председателя Совнаркома СССР В.Молотова из Баку поступила телеграмма-резолюция по докладу секретаря Закавказского комитета ВКП(б) Л.Берии. В ней сообщалось о перевыполнении в 3 раза плана первой пятилетки по коллективизации и о невыполнении за истекший 1932 г. плана по добыче азербайджанской нефти, о разворачивании мероприятий по борьбе за нефть путем решительного проведения принципов единоначалия. Актив Бакинской парторганизации одобрял решение Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) об исключении из партии как буржуазных пережденцев Н.Б.Эйсмонта и В.Н.Толмачева и вывода из состава ЦК А.П.Смирнова. Актив приветствовал решение ЦК ВКП(б) о чистке партии. Телеграмма, подписанная Берией, заканчивалась лозунгом: «Да здравствует ленинский ЦК ВКП(б)! Да здравствует вождь и руководитель ленинской партии — организатор и учитель масс трудящихся — тов. Сталин!»²

Не меньший интерес для исследователей представляют особенности не прямых контактов граждан с властью, нарастание противоречий между ними. В некоторых случаях люди пытались предупредить руководство страны от разбухания партийно-государственного аппарата. Вот что написал в своем письме в марте 1931 г. Ф.С.Глинский из села Крамлино Парфеновского района Западной области в редакцию газеты «Социалистическое земледелие», которая направила послание М.Калинину: «Ленин был утопистом. Владимир Ильич думал, что окажется очень много людей, выбранных и отчасти назначенных в уполномоченные, в комиссары, которые будут исполнять свою работу бескорыстно, почти бесплатно. Предположение Ленина почти совсем не осуществилось. Последние 10–12 лет по всему громадному Союзу ССР расплодилось многочисленное комиссары, бригадиры, ударники, многочисленные кашцелярии. Если наш великий русский писатель Н.В.Юголь сообщал, что при нем в России имелось до 30 тыс. столоначальников, то теперь в административных учреждениях

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 10. М., 1949. С. 353.

² ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 18. Л. 276–281.

находятся сотни тысяч чиновников (мелких, средних и крупных) и всем платится жалование. Бесплатно, ради общественного блага никто из них служить не соглашается. Крестьяне и горожане последние 12 лет обложены громадными непосильными налогами, взыскиваемыми весьма жестоко с наложением значительной пени за каждый пропущенный день, вплоть до описи имущества и продажи его за неуплату налога в срок»¹.

Сталин полностью подчинил партийному влиянию Совнарком СССР, силовые структуры — ОГПУ и Красную Армию. В середине 30-х гг. вся высшая власть в СССР была сосредоточена в руках ЦК ВКП(б) во главе с Политбюро, которое выражало интересы узкого круга нарождавшейся политической и экономической элиты (т.н. номенклатуры). Академик-физиолог И.П.Павлов определил создавшееся положение в стране одной фразой: «Государство, власть — все. Личность... — ничто».

Анализ документов позволяет нам утверждать, что трагические события, проходившие в стране в 1930-е гг., были спровоцированы правящей верхушкой. Вследствие ожесточенной борьбы с гипертрофированной оппозицией принимались неадекватные, идеологизированные, человеконенавистнические политические и государственные решения, которые шли вразрез с состоянием реальной политики, экономики, уклада страны, менталитета народа и настроения его основной массы. Важнейшие решения, без проработки, без апробации, принимались узким кругом людей в рамках Политбюро ЦК. Государственные задачи по форсированной индустриализации, насильственной сплошной коллективизации, по проведению массовых репрессий были реализованы революционными методами. В итоге, после мнимых выгод и кажущихся успехов, последствия таких мероприятий оказывались разрушительными для народной жизни и хозяйства страны. Силовые методы решения экономических проблем себя не оправдали. Постоянный нажим власти на человека в СССР, помимо ненависти и страха, вызывал у него апатию ко всему происходившему.

В 1929–1933 гг., т.е. параллельно с насильственной коллективизацией сельского хозяйства, происходило надругательство государственной власти над духовной сферой человеческого существования: проводилось административное закрытие православных церквей, мечетей, синагог и представительств других конфессий; попытки верующих помешать произволу предупреждались силой оружия. Многие священнослужители и верующие были арестова-

¹ Там же. Ф. 1235. Оп. 66а. Д. 79. Л. 21–25.

ны. Поскольку большинство из них проживало в деревне, то это был очередной удар по сознанию советского колхозного крестьянства. Таким образом, власть избавлялась от конкурирующей религиозной идеологии.

Антирелигиозная кампания обрушилась и на города. Председатель Постоянной комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросам культа П.Смидович, отвечая на вопросы корреспондента газеты *Observer* С.Чемберлина, подчеркивал, что «в Москве до 1917 г. существовало около 500 православных церквей, считая и находящиеся внутри гражданских зданий (домовые церкви). В настоящее время в руках православных верующих находятся 90 специальных молитвенных зданий. Домовых церквей не существует. Синагог в Москве было 10, осталось 4. Мечетей было 3, осталось 2. До 1917 г. было 53 902 православные церкви, а к настоящему времени по РСФСР числится 26 830 православных церквей, находящихся в руках верующих. Таково же примерно отношение синагог и мечетей»¹.

Сталину и его окружению для получения крупных денежных кредитов у США, Англии и других нужна была видимость демократизации. В партийных и советских кругах вынашивалась идея создания конституции для внешнего пользования, которая смогла бы убедить Запад в том, что правительство СССР принимало решительные меры по либерализации советской системы. Таким образом, предполагалось разрушить укрепившееся у западной общественности мнение об СССР как о стране-концлагере, значительная часть населения которого находилась в ГУЛАГе. Сталину требовался такой текст конституции, который по содержанию не уступал бы текстам развитых буржуазных стран. В конце 1936 г. была принята новая конституция, а на следующий год состоялись выборы в Верховный Совет СССР, которые совпали с новым витком разгула государственного террора.

Советская пропаганда утверждала, что репрессии были направлены против врагов народа: шпионов и предателей. Однако, люди видели, что арестам по доносам чаще подвергались простые рабочие и крестьяне, авторитетные и известные всем партийные и государственные деятели. По заданию ЦК ВКП(б) средства массовой информации оправдывали репрессии, тем самым усиливая напряжение и раскол в обществе.

Изучение событий 1930-х гг. под углом взаимоотношений и противостояния человека и власти показали, что в то время завер-

¹ Там же. Д. 118. Л. 6-7.

шился процесс формирования деспотического режима в СССР, выражением которого была неограниченная диктатура Сталина. Советская действительность тех лет напоминала войну власти с народом. По архивным данным, от голода 1932–1933 гг. погибло около 7 млн человек, от ликвидации так называемого кулачества — 2 млн, в 1937–1938 гг. — 1 млн советских граждан. Итого — 10 млн человек.

Последствия преступных экспериментов, в которые народ был ввергнут политикой Сталина, до сих пор сказываются на нашей жизни. Пережитки прошлого проявляются в неуважении и подавлении взглядов и мнения человека, стремлении навязать ему свою точку зрения. Член-корреспондент РАН А.Н.Сахаров в своей монографии пришел к выводу: «Сталинизм — это одновременно небрежение к личности человека. Это утопление личности в коллективизме»¹. В этом случае был прав Н.М.Карамзин, предупреждавший россиян о том, что «жизнь тирана есть бедствие для человечества»².

Данная монография выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Общественный потенциал истории».

¹ Сахаров А.Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М., 2004. С. 853.

² Карамзин Н.М. История государства российского. Т. IX. Кн. III. М., 1989. С. 259.

Часть первая

СТАНОВЛЕНИЕ
ДЕСПОТИЧЕСКОГО
РЕЖИМА В РОССИИ

Первая мировая война, революция и Гражданская война в России привели к разорению народного хозяйства страны. X съезд Российской коммунистической партии большевиков, состоявшийся в марте 1921 г., отмечал: «Истощение от нужды и бедствий, связанных с семилетней войной и разорением... настолько обострилось в настоящее время, что требует экстренных мер от Советской власти»¹. Под давлением недовольства народных масс тяжелым материальным положением в стране на съезде было принято решение о переходе к новой экономической политике (нэп). В той обстановке нэп был вынужденной и временной мерой большевиков, направленной на укрепление своих позиций путем уступки рыночным отношениям в городе и в деревне.

X съезд партии объявил о замене грабительской продовольственной разверстки натуральным налогом в деревне. В документах съезда было сказано: «Для обеспечения правильного и спокойно-го ведения хозяйства на основе более свободного распоряжения земледельцем своими хозяйственными ресурсами, для укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности, а также в целях точного установления падающих на земледельцев государственных обязательств разверстка как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража заменяется натуральным налогом»².

Предоставление некоторой свободы частному сектору в деревне и в городе под контролем советского режима, по мнению большевиков, должно было способствовать скорейшему восстановлению транспорта и промышленности в России. Партийные и советские органы, удерживая финансовые и административные рычаги управления экономикой, осуществляли постоянный контроль за ростом и развитием советской буржуазии.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. (1917–1924). М., 1970. С. 258.

² Там же. С. 256.

Делая уступку в экономической сфере, новая власть продолжала укреплять политические позиции. С началом нэпа возросла роль Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) в управлении народным хозяйством. В телеграмме от 1 ноября 1922 г. В.И. Ленин предлагал председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому возглавить народный комиссариат путей сообщения. Цель такого назначения состояла в том, чтобы подчинить себе управление железнодорожным транспортом страны. В конце телеграммы он писал: «Думаю, что в роли партийного и политического вождя железных дорог Вы необходимы...»¹ С легкой руки Ленина авторитет главы ВЧК в управлении экономикой страны возрастал, в 1924 г. Дзержинский был назначен главой Высшего совета народного хозяйства Советской республики.

Все экономические мероприятия государства и частного сектора находились под надзором ВЧК, но главное на что был нацелен аппарат «чрезвычайки» — это контроль за политической обстановкой в стране. В 1922 г. ВЧК была преобразована в Главное политическое управление (ГПУ). Общая численность внутренних, пограничных и конвойных войск, подчиненных ГПУ, составляла 117 тыс. человек, а численность так называемых секретных осведомителей составляла 60 тыс. человек. 10 декабря 1923 г. комиссия в составе Я.Э. Рудзутака, Р.В. Владимирова и Г.Г. Ягоды установила фонд зарплаты на 18 тыс. секретных сотрудников. Руководству комиссии было предоставлено право внутри своего ведомства распорядиться указанным фондом по личному усмотрению².

После смерти Ленина советская политическая полиция — Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) — получила от властей внесудебные полномочия. 28 марта 1924 г. Председатель ЦИК Союза ССР М.А. Нариманов и секретарь ЦИК А.С. Енукидзе подписали Положение о правах ОГПУ по административной высылке, ссылке и заключении людей в концентрационные лагеря. ОГПУ было разрешено высылать и заключать в лагеря всех граждан, заподозренных в преступной деятельности и признанных социально-опасными. Вынесение постановлений о высылке, ссылке и заключении в лагерь было возложено на особое совещание, состоящее из 3 членов коллегии ОГПУ. Высланные и сосланные граждане лишались избирательных прав, а также прав членства в общественных организациях и

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 306.

² Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар государственной безопасности: Сб. документов. Казань, 1997. С. 295–301.

права свободного передвижения. В Положении говорилось, что особое совещание при коллегии ОГПУ отчитывалось только перед Президиумом ЦИК СССР. Приказом ОГПУ № 250 от 12 июня 1924 г. за подписью Дзержинского в состав Особого совещания были введены: В.Р.Менжинский, Г.Г.Ягода и Г.И.Бокий¹.

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 1. Л. 30–33.

Глава первая

ВЛАСТЬ ПРОТИВ ОППОЗИЦИОННЫХ ПАРТИЙ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

1. Уничтожение партии социалистов-революционеров

В начале нэпа ЦК РКП(б) и Совнарком усилили борьбу против оппозиционных партий и течений. Более всего Советскую власть беспокоила партия социалистов-революционеров. После подавления антисоветского мятежа левых эсеров летом 1918 г. их лидеры во главе с М. Спиридоновой были арестованы. В июне–августе 1922 г. в Москве состоялся судебный процесс над правыми эсерами, после которого видные деятели правых также оказались в советской тюрьме. Некоторые из них позднее были освобождены, другие оказались в ссылке. Часть членов ЦК партии эсеров успела уйти на Запад, в том числе вождь партии, бессменный член ЦК Виктор Чернов.

ВЧК следила за членами партии социалистов-революционеров, ушедшими в подполье в Советской России. С 1920 г. каждой крупной чекистской операции предшествовали циркулярные письма по конкретной политической задаче момента. Содержание писем было строго секретным, ответственность за их разглашение возлагалась на председателей губернских чрезвычайок. Для рядовых сотрудников ЧК эти письма выполняли информационно-пропагандистскую функцию.

В ВЧК опасались влияния эсеров на основную массу народа — крестьянство и недавно вышедших из деревни рабочих. В циркулярном письме ВЧК № 10 от 31 января 1921 г., подписанном начальником секретного отдела Т. П. Самсоновым и управляющим делами Г. Г. Ягодой констатировалось: «Среди всех контрреволюционных партий, вступавших в борьбу с диктатурой рабочего класса, партия социалистов-революционеров является самой опасной... потому, что она имеет среди них наиболее надежд вернуться к власти, и в особенности потому, что она стремится опереться на самый многочисленный класс русского населения — крестьянство, и использовать в интересах контрреволюции его мелкобуржуазные предрассудки и интуитивную неприязнь к коммунизму»¹.

¹ Там же. Д. 5. Л. 2, 19.

Как отмечалось в исторической справке, партия социалистов-революционеров образовалась в 1901 г. из нескольких народнических и народовольческих групп. Она враждебно выступала против марксистов, членов Российской социал-демократической рабочей партии. В отличие от социал-демократов, социал-революционеры называли себя партией, объединяющей всех трудящихся: рабочих, крестьян и интеллигенцию. Считая себя преемницей народничества 70-х гг. XIX в., партия социал-революционеров отрицала возможность для России стадии капитализма и утверждала, что предстоящая русская революция будет не буржуазной, а трудовой и не даст утвердиться в России капитализму.

Эсеры в 1902–1903 г. устраивали в деревнях, особенно Черноземной полосы — Тамбовской, Воронежской и смежных губерниях, крестьянские братства, которые в 1905 г. вошли в организацию «Крестьянский союз». Далее, пользуясь полудеревенским характером отдельных слоев русского рабочего класса, эсеры сумели своей аграрной программой социализации земли привлечь на свою сторону также часть пролетариата.

После Октября 1917 г. партия эсеров находила опору в зажиточной крестьянской среде и сельской интеллигенции, особенно среди учителей. В сентябре 1920 г. состоялась нелегальная Всероссийская конференция партии социалистов-революционеров. Местные представители были резко настроены против Советской власти, для борьбы с которой они предлагали самые крайние средства (вплоть до террористических). Всю свою тактику конференция строила из предположения о неизбежности широкого повстанческого движения против большевиков, и потому очередной задачей партии считалась работа по подготовке восстания.

В циркулярном письме ВЧК от 31 января 1921 г. давалась оценка тактики крайне правого фланга партии социалистов-революционеров и группы Б.Савинкова, которая готова была на все для свержения Советской власти. Давалась характеристика парижской группы правых, состоявшей из Н.Д.Авксентьева, М.В.Вишняка, В.М.Зензинова и др. В обзоре идейного состава партии обращалось внимание на влиятельную силу центра во главе с В.М.Черновым, которая представляла основную массу партии социалистов-революционеров. Взгляды и планы этого центра также были направлены на непримиримую борьбу с большевизмом. В заключение утверждалось, что партия социалистов-революционеров принципиально отвергает диктатуру рабочего класса и советскую форму власти. Она признает только буржуазно-полити-

ческий строй, основанный на предоставлении равных только на словах политических прав всем классам.

По мнению большевиков, вина эсеров заключалась в том, что в 1920–1921 гг. они организовали крестьянское восстание против Советской власти на Тамбовщине под предводительством А.С.Антонова. В действительности восстание было стихийным и выражало крайнее возмущение политикой «военного коммунизма», заключавшейся в систематическом изъятии вооруженными продотрядами хлеба из крестьянских хозяйств, что явилось одной из причин массового голода в Поволжье 1921–1922 гг.

Центральный комитет партии социалистов-революционеров пытался взять под свой контроль вооруженное выступление тамбовцев. Посланцы партии встречались с Антоновым, именовавшим себя независимым эсером, с целью навязать ему партийную тактику. Антонов на словах обещал учесть их указания, а на деле проводил свою «партизанскую тактику»¹. Кроме того, партии эсеров приписывалось похищение золотого фонда Республики в Казани, который впоследствии пошел в руки адмирала Колчака².

Далее из письма следовало, что руководство ВЧК считало целью эсеров низвержение Советской власти и установление буржуазного строя под флагом «народовластия». Они пытались создать в деревне антисоветское настроение, организовывали жалобы и петиции крестьян, а затем и активные выступления против власти, в расчете, что при благоприятных условиях последует массовое восстание крестьян, которое они намеревались возглавить. На тот счет у них существовал детально разработанный план (ссылка на письмо ЦК партии социалистов-революционеров ко всем местным организациям от 13 мая 1920 г.). В письме для проведения активных выступлений было рекомендовано создать специальную организацию в виде беспартийного крестьянского союза под названием «Союз трудового крестьянства». Основой его должны были стать сельские «братства для защиты народных прав», которые входили бы в волостные, а затем в уездные и губернские союзы. Эсеры ставили задачу собрать воедино все антисоветские элементы деревни и объединить их во Всероссийский союз, создать массовую силу под своим идейным влиянием, чтобы при необходимости начать восстание.

¹ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»): Документы и материалы. Тамбов, 1994. С. 11–13.

² ЦА ФСБ РФ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

План «колоссального заговора» в деревне против Советской власти тогда же, в 1920 г., мог быть приведен в исполнение. Мирская приговорная кампания в деревне против большевиков будто бы проводилась в Московской, Нижегородской, Владимирской, Витебской, Тамбовской, Пензенской губерниях. Однако чекисты не верили, что эсеры смогут осуществить такой план, поскольку они постоянно контролировали ситуацию, а нелегалам такая задача была не по плечу. Эсеры были ослаблены поражениями. Чекисты опасались, что озлобленные эсеры могли перейти к индивидуальному террору против вождей Советской Республики.

Большевики не принимали на веру заявление ЦК эсеров, опубликованное в листовке от 17 ноября 1920 г., о том, что все газетные сообщения о возобновлении партией эсеров террористической деятельности являлись «сплошным вымыслом». В очередной листовке от 5 декабря 1920 г. ЦК эсеров утверждал, что партия социалистов-революционеров в борьбе с коммунистами никогда не прибегала к террору, и выражал протест против попытки связать партию с Б.Савинковым, который был исключен из эсеровской партии еще летом 1917 г. Вторая листовка ЦК эсеров заканчивалась угрозой, что в случае насилия над эсерами, взятыми большевиками в заложники, партия вынуждена будет прибегнуть к оружию для их защиты¹.

В городах эсеры вели свою агитацию на фабриках и заводах, а чекисты вели за ними наблюдение с целью выявления наиболее видных и активных агитаторов. Через них выяснялось местонахождение и состав местных городских организаций и их связь с провинцией и деревней, равно как с ЦК эсеров и с границей. Наиболее уязвимым для Советской власти пунктом ВЧК считала деревню, где планировались особенно решительные меры по ликвидации эсеровских ячеек. В городах было рекомендовано не производить аресты эсеров без санкции центра, кроме случаев, не терпящих отлагательства и требовавших быстрого принятия решительных мер. В 1921 г. ВЧК приступила к ликвидации партии социалистов-революционеров².

В 1923 г. советское правительство поручило Ф.Э.Дзержинскому ликвидировать оставшиеся разрозненные группы левых эсеров и эсеров-максималистов. Подготовкой и проведением операции занимались начальник секретного отдела ГПУ Т.Д.Дерибас, сов-

¹ Там же. Л. 12–14.

² Там же. Л. 23.

местно с начальником 5-го отделения И. Решетовым. Секретный отдел входил в состав Секретно-оперативного управления ОГПУ, возглавлявшегося В.Р. Менжинским, который одновременно являлся заместителем Ф.Э. Дзержинского. Проводившаяся операция отличалась от прежних силовых акций. Новая тактика чекистов состояла в том, чтобы при ограниченных арестах членов партии левых социалистов-революционеров довести ее до полного развала. Причиной начала операции послужило выступление нескольких лидеров партии левых социалистов-революционеров на вечере памяти идеолога революционного народничества П.Л. Лаврова в Москве. За контрреволюционные публичные речи и другие действия, направленные против Советской власти и Коммунистической партии, большинство членов Центрального бюро партии эсеров были арестованы.

На воле оставалось трое ответственных руководителей ЦБ партии, которые не составляли кворума, следовательно, не могли решать серьезные задачи принципиального характера. Поэтому на повестку дня Центрального бюро левых эсеров был поставлен вопрос о созыве расширенного совета организации или же о созыве съезда, на которых надо было доизбрать или кооптировать не достававших членов и разрешить ряд других партийных вопросов, предотвращавших развал работы в центре и на местах.

Сотрудники секретного отдела ГПУ во главе с Т.Д. Дерибасом приложили все усилия для того, чтобы парализовать деятельность левых эсеров. Чекисты осторожно усилили перлюстрацию корреспонденции, поступавшей на имя известных руководителей левых эсеров, а также ее конфискацию. На местах попытки наладить организационную и практическую работу всячески тормозились, в Московскую и другие организации объединения левоэсеровского направления были внедрены надежные осведомители для того, чтобы заблаговременно узнавать о решениях и действиях левых эсеров в центре и на местах¹. Но левые эсеры после ряда ударов, нанесенных им большевиками, ушли в глубокое подполье и соблюдали в своей деятельности строгую конспирацию. Вместе с тем эсеры активно использовали легальные возможности, открывавшиеся в условиях нэпа, для борьбы против Советской власти, используя производственную и профсоюзную работу кооперативных артелей пекарей, кустарей и проч. За счет таких мер к концу 1923 г. левые эсеры смогли расширить свою деятельность в центре и на местах. Секретный отдел ГПУ в своем отчете за 12 декабря

¹ Там же. Л. 117-118.

1923 г. вынужден был признать провал своей операции против левых эсеров.

Дерибас пытался свалить вину за это на губернские отделы ГПУ, которые не только не усилили работу, а, наоборот, ослабили ее. По его мнению, в некоторых губерниях местные ГПУ даже не имели осведомителей среди левых эсеров, в других имели осведомителей, но не умели пользоваться информацией, а потому довольствовались регистрацией информационного материала в своих отчетах. Секретный отдел ГПУ выражал недовольство тем, что постоянная связь местных органов с центром отсутствовала, информация своевременно не поступала, доклады и сводки были неполные и посылались в секретный отдел с большим опозданием.

Предполагая возможную утечку информации, руководство секретного отдела ОГПУ предлагало своим коллегам в провинции до максимума усилить активность в деле борьбы против левых эсеров во всероссийском масштабе. Оно требовало срочно прислать подробный отчет и план, списки осведомителей с личной, семейной, общественной и служебной характеристикой каждого из них, выслать явки осведомителей и их связи¹.

В декабре 1923 г. секретный отдел ОГПУ провел операцию по левым эсерам подполья: было арестовано руководство, технические работники. Захвачено оборудование подпольной типографии, паспортное бюро (бланки, документы, печати), партийный архив. Тогда же разгромили левоэсеровскую студенческую организацию.

Как было на самом деле, проверить теперь трудно. В циркулярной записке, распространенной во всех ведомствах политуправления, Дерибас хотел показать успешную работу своего отдела. Он писал, что центральная и московская организации левых эсеров подполья ликвидированы. Вместе с тем он оставлял себе «поле» для тактического маневра, заявляя, что левые эсеры смогут восстановить работу не ранее чем через 4–6 месяцев при условии переброски партийных работников из провинции в Москву. Чекисты торопили события.

Активное ядро центральной и Московской организаций левых эсеров подполья составляли работники с мест (Влас, Семятицкая, Федя Ильин [Суворин], Рейтер, Сувалов, Попов и др.). Все они нелегально были перебросены в Москву для возобновления работы после последнего разгрома левоэсеровского центра в апреле-мае

¹ Там же. Л. 145–146.

1923 г. В августе-сентябре подпольная деятельность левых эсеров в Москве была уже восстановлена. Центральные органы большевиков узнали об этом поздно, так как не были вовремя информированы губернскими отделами. В ЦК большевистской партии и правительстве понимали, что программа эсеровских организаций находила глубокий отклик в крестьянской массе и в их идеологии, поэтому партийные функционеры и агитаторы социалистов-революционеров растворялись в народной среде и были неуловимы¹.

Секретный отдел уделял большое внимание связям нелегальных левоэсеровских организаций в Советской России с зарубежными центрами, откуда переправлялась пропагандистская литература. 31 марта 1924 г. Дерibas информировал руководство о том, что 20 марта в Германии вышел первый номер журнала «Знамя победы», издававшегося заграничной делегацией Центрального бюро объединения левых эсеров и эсеров-максималистов специально для распространения в Советской России. Журнал во многих экземплярах высылался по почте в адрес не только местных организаций левых эсеров и отдельных членов, а также видным работникам совучреждений и др. организаций. В ОГПУ не сомневались, что левые эсеры предпринимали попытки наладить нелегальную доставку журнала в Россию.

В письме подчеркивалась идеологическая опасность распространения журнала для граждан Советской России, поскольку он содержал критику режима власти. Предлагалось усилить надзор за перлюстрацией корреспонденции из Германии и конфисковать экземпляры журнала, независимо от того, в чей адрес таковые были направлены, исключая те, которые следовало пропускать по адресу из агентурных сообщений. В случае выявления нелегальных мест переправы журнала через границу от местных отделов требовалось незамедлительно проинформировать секретный отдел ОГПУ².

На примере противостояния с эсеровской партией видно, что борьба большевиков с другими политическими группами, принимавшими активное участие в революции в России, была напряженной, трудной и бескомпромиссной. Несмотря на то, что главные силы эсеров были разгромлены, часть их организаций действовала в подполье, имела поддержку населения, недовольного условиями жизни. Неофициальное оппозиционное течение продолжало существовать в стране, выражая политические на-

¹ Там же. Л. 148.

² Там же. Л. 149

строения народа, и оказывать заметное влияние на стратегию и тактику Советской власти.

Как уже упоминалось, отколовшееся боевое крыло партии правых эсеров было представлено группой Б.В.Савинкова — известного как организатора и участника покушений на царских сановников и членов царской фамилии, как сторонника коалиционного Временного правительства и Учредительного собрания. После Октября 1917 г. он сразу перешел в стан непримиримых противников большевистского правительства, активно руководит вооруженной борьбой, а после поражения Белого движения возглавил антисоветское сопротивление за рубежом.

Большевистское руководство пристально следило за деятельностью Савинкова за рубежом, поручив это дело контрразведывательному отделу ГПУ, который возглавил известный чекист А.Х.Артузов. Вот какую характеристику Б.Савинкову мы находим в циркулярном письме ОГПУ от 17 мая 1922 г.: «...Этот бывший российский «верховный военный комиссар» Керенского является действительно одним из самых отъявленных и активных врагов коммунизма и Советской власти. В то же время он представляет собой тип политического шантажиста большой руки — беспринципного и даже уголовного в методах своей деятельности. Этими двумя признаками отличается персонально вся белогвардейская компания, составляющая постоянный штаб Савинкова, и вся его шпионско-бандитско-провокационная работа по отношению к Советской республике»¹.

Большевики инкриминировали Б.Савинкову следующие преступления: создание в 1918 г. антисоветского Союза защиты родины и свободы, организацию Ярославского, Рыбинского и Казанского восстаний, направленных против Советской власти, участие в нашествии польских войск на Советскую Украину, а затем — в защите Польши от Красной Армии в 1920 г., организацию шпионской сети в Советской России.

По данным советской контрразведки, в середине января 1921 г. Савинков получил возможность создать в Варшаве руководящий центр своей антисоветской организации — «Всероссийский народный союз защиты родины и свободы» (далее — ВНСЗРС), куда входили: он сам, его брат Виктор Савинков, Д.Философов, Ульяницкий, Д.Одинец, Дикгоф-Деренталь и другие. Б.Савинков вербовал себе сторонников из числа российских беженцев, офицеров, солдат из юденичской и деникинской армий. Материальную поддержку Савинков получал от Франции и Польши.

¹ Там же. Л. 42–43.

Основная работа заключалась в военной подготовке и создании групп для отправки на секретную работу в Советскую Россию.

Организационным стержнем Всероссийского народного союза был непосредственно Русский эвакуационный комитет (РЭК), учреждение, созданное официально для ликвидации бывших повстанческих объединений, действовавших на территории Советской России. В ведение Союза перешел весь аппарат РЭК, переименованный в Русский политический комитет, со всеми информационными и агитационными пунктами и связями с повстанцами, оперирующими на территории Советской Белоруссии и Украины¹.

В целях конспирации Савинков снабжал мандатами командированных для подпольной работы в России. Польский Генштаб обеспечивал таких эмиссаров проездными документами и пропусками через границу. Проходя через пограничные информационно-агитационные пункты агенты Савинкова просачивались на советскую территорию по схемам Русского политкомитета. По данным ГПУ в 1921 г. около 2 тыс. официальных членов савинковской организации нелегально перешло западные границы РСФСР. Но ГПУ отмечало также, что большой процент «командированных» Савинковым агентов, оказавшись на территории Советского государства, уничтожили свои мандаты и не пытались проявлять политической активности. Сообщалось также и об успешных операциях ГПУ против савинковских организаций в России. Чекисты ликвидировали западный областной комитет и все его группы в Смоленске, Гомеле, Витебске, Минске, численность которых превышала 300 человек. Не без бахвальства приводился пример об уничтожении в зародыше юго-восточного областного комитета в Самаре и Саратове. Так же быстро были уничтожены организации в Харькове, Киеве и Одессе. Однако по тексту письма следует, что ликвидированные организации «успели достигнуть некоторых успехов и развить работу», вполне отвечавшую широкой и вместительной программе и инструкциям по тактике ВНСЗРС. Агенты Савинкова агитировали против Советской власти всеми возможными средствами. Они организовывали забастовки, портили машины, останавливали заводы и фабрики, уничтожали и расхищали продовольственные склады, готовили вооруженное выступление против местных советских властей, проводили теракты².

¹ Там же. Л. 44.

² Там же. Л. 45.

А.Х.Артузов констатировал, что савинковские организации не имели определенных линий политической программы. В них не было внутренней организованности и спайки между членами и агентами, поэтому агентурная и следственная разработка чекистов проходила повсюду успешно, исчерпывающе и легко, за исключением нескольких отдельных случаев.

По заданию советского правительства за рубежом проводилась большая работа по компрометации Б.Савинкова и его сподвижников. В западной прессе Савинков был представлен как «шантажист, провокатор и агент международной буржуазии». Операция по дискредитации главы ВНСЗРС в глазах зарубежной общественности прошла успешно. Б.Савинков и 14 его ближайших сообщников были высланы из Польши. После этого Савинкову, несмотря на все попытки и усилия, не удалось основать другую территориальную и финансовую базу для дальнейшей борьбы против Советской власти.

Артузов предупреждал о сохранявшейся опасности, которая исходила от «шпионского аппарата» Савинкова, который в полном составе оставался неповрежденным, перестроил свои ряды по чисто военно-полевой схеме, создавая штабы отрядов, соответствовавших территориальным подразделениям повстанческих организаций. Чрезвычайная комиссия Белоруссии в январе-феврале 1922 г. ликвидировала ряд таких полевых районных штабов, выжидавших удобного момента для начала повстанческих действий.

По данным ГПУ, информационный отдел бывшего ВНСЗРС, действовавший в качестве частного агентурного бюро Польского генерального штаба, продолжал посылать агентов через свои пункты в Вильно и Барановичах на территорию Советской России. Агенты имели шпионские задания от поляков, по линии савинковцев выполняли задачи по организации ячеек в Красной Армии и флоте с целью агитации граждан против Советской власти, организации забастовок, порчи военного имущества.

ГПУ также указывало, что агентура Савинкова, возглавлявшаяся его сотрудниками, действовала в Финляндии, Эстонии и Украине. В ноябре 1922 г. в Праге между Борисом Савинковым и зарубежным правительством Украинской народной республики было подписано соглашение о взаимной поддержке.

Советское руководство делало все, чтобы помешать возможному внедрению савинковских групп в Красную Армию и Флот. Контрразведывательному отделу (КРО) ГПУ было предложено принять все меры против савинковцев на всем протяжении юго-

западных, западных и северо-западных границ Советской России. Для реализации указанной цели КРО ГПУ поднял все старые агентурные дела по савинковцам и другим антисоветским группам, дававшим малейшее основание предполагать их связь с последними. Проводилась агентурная разработка по прибывшим в Советскую Россию в течение 1920–1921 гг. бывшим участникам Белого движения из Польши, Эстонии, Латвии и Румынии. При выявлении групп, подозревавшихся в связях с савинковцами, создавались параллельные им группы для дискредитации и нейтрализации антибольшевистского движения¹.

В основу действий ГПУ против организаций Б.Савинкова были положены указания В.И.Ленина данные им в июле 1921 г. лично заместителю Дзержинского И.С.Уншлихту по деактивизации эсеров в Петрограде, которые были отлично законспирированы и имели свою агентуру. Вождь просил послать в Питер опытных чекистов, чтобы «не прозевать второго Кронштадта»². В ноябре 1922 г. Ленин своим письмом обратил внимание ГПУ на то, что по его сведениям «через разные пограничные пункты, особенно через порты Черного моря» происходила сильная нелегальная иммиграция, когда въезжали до 200–300 человек ежемесячно (спекулянты, контрреволюционеры и проч.). Он просил ГПУ и Народный комиссариат иностранных дел принять против такой иммиграции самые решительные меры³.

В начале 1923 г. в Москве вновь заговорили о возможности пролетарской революции в Европе. Причиной тому послужил нараставший в Германии политический кризис. По заданию советского правительства ОГПУ активизировало свою работу в Берлине, Варшаве, Праге, стремясь привлечь на свою сторону все прокоммунистические силы. Решительные меры предпринимались в отношении лиц, настроенных оппозиционно или враждебно к Советской республике. Руководство контрразведки ОГПУ считало, что антисоветская деятельность зарубежной группы Савинкова мешала подготовке и развитию социалистической революции в Центральной Европе. В недрах Лубянки разработали широкую антисавинковскую операцию. Ее инициаторами выступили начальник секретно-оперативного управления В.Р.Менжинский и заместитель начальника КРО ГПУ Р.И.Пиляр. Они подготовили циркулярное письмо, которое 19 февраля 1923 г. было утвержде-

¹ Там же. Л. 47–49.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 441.

³ Там же. С. 309.

но заместителем председателя ОГПУ И.С.Уншлихтом. Данный документ был равносильным смертному приговору Б.Савинкову и его сподвижникам.

Во избежание возможной утечки информации в нем не было никаких подробностей предстоявшей операции. В письме содержалась характеристика антисоветской деятельности савинковских организаций в России и за рубежом, их новых организационных планов по объединению сил зарубежной контрреволюции: «Беспринципная шайка шпионов, провокаторов и бандитов-террористов развивала свою контрреволюционную деятельность, продолжала втягивать в сети наиболее контрреволюционные слои бывших офицеров, чиновников и кулачества на нашей территории.

Сильно пошатнувшись за последнее время кредит у правительств империалистической Европы, даже у французов и Польского генерального штаба, лишил савинковцев возможности вести свою работу сколько-нибудь планомерно»¹.

Б.Савинков, вынужденный покинуть Варшаву, находился в Париже. Было установлено, что савинковская группа испытывала большие финансовые трудности и искала «спонсоров». Это было главной целью переговоров Савинкова с У.Черчиллем, Б.Муссолини и Ю.Пилсудским. Для получения денег Савинков использовал связи с Земледельческой партией Болгарии и с Врангелем. В ГПУ оценивали дипломатическую деятельность Савинкова только с точки зрения возможности получения денег, что было равносильно немедленному возобновлению и усилению антисоветской практической деятельности на советской территории.

По сведениям советской разведки, в связи с тяжелым материальным положением савинковцы имели намерения использовать в своих целях новую экономическую политику, посредством организации совместных торговых фирм в Варшаве, Вильно, Ровно. Советское руководство не сомневалось, что под видом этих коммерческих структур контрреволюционеры стремились создать филиалы своих организаций.

Вывод секретного послания ОГПУ состоял в том, что савинковская организация с ее задачами и средствами к их осуществлению, безусловно, продолжала работать против Советской России. В случае ухудшения внешних отношений РСФСР со странами Западной Европы в худшую сторону Антанта могла использовать кадры савинковцев для активной борьбы против большевиков.

¹ ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 5. Л. 103–104.

С другой стороны, сами савинковцы и связанные с ними организации и группировки могли использовать все политические и экономические затруднения внутри страны для усиления антисоветской деятельности. В письме сообщалось, что ГПУ уже приступило к ликвидации савинковщины на советской территории. За 6 месяцев 1922–1923 гг. в Москве, Петрограде, Воронеже, Ростове-на-Дону, Туле и др. городах было обнаружено и ликвидировано более 500 агентов¹.

Можно предположить, что кратко изложенный выше циркуляр ускорил проведение операции по захвату и аресту самого Б.Савинкова. По официальной версии это произошло 15 августа 1924 г. в Минске, а через 3 дня Савинков уже был допрошен во внутренней тюрьме Лубянки. За успешную операцию ее руководители и исполнители получили правительственные награды. Через несколько дней руководство ОГПУ представило в ЦИК Союза ССР письменное ходатайство о передаче дела № 27630 гражданина Степанова Виктора Ивановича (под таким именем проходил в деле Б.В.Савинкова) по обвинению по статьям 58, 64, 66 Уголовного кодекса РСФСР для рассмотрения по существу Военной коллегией Верховного суда Союза ССР. 22 августа того же года Президиум ЦИК СССР удовлетворил ходатайство.

Вскоре (27–29 августа 1924 г.) Б.Савинков предстал перед закрытым заседанием Военной коллегии Верховного суда СССР под председательством В.Ульриха. Несмотря на чистосердечное раскаяние, подсудимый был приговорен к расстрелу. Однако 29 августа от Военной коллегии Верховного суда СССР поступило ходатайство в Президиум ЦИК СССР о смягчении меры наказания в отношении осужденного к высшей мере наказания гражданина Б.В.Савинкова. С удивительной быстротой, в тот же день, 29 августа, Президиум ЦИК СССР рассмотрел полученное ходатайство. В связи с тем, что Савинков на суде полностью отказался от какой бы то ни было борьбы с Советской властью и заявил о «готовности честно служить трудовому народу под руководством установленной Октябрьской революцией власти», Президиум ЦИК решил, что применение ВМН к нему не вызывалось «интересами охранения революционного правопорядка и мотивы мести не могли руководить правосознанием пролетарских масс». Президиум ЦИК СССР заменил осужденному Савинкову ВМН лишением свободы сроком на 10 лет².

¹ Там же. Л. 105–107.

² Борис Савинков на Лубянке: Документы. М., 2001. С. 288–289.

Судебный процесс над террористом № 1 и его «помилование» были широко освещены в советской и зарубежной просоветской прессе, как личное признание Савинковым силы и крепости большевистской власти. После того Савинков стал не нужен, этим в значительной мере объяснялось его загадочное «самоубийство» 7 мая 1925 г. Большинство чекистов, участвовавших в аресте и допросах Б.Савинкова, были уничтожены в 1937–1940 гг.

2. Большевики против меньшевиков

Вторым после эсеров своим политическим врагом большевики считали меньшевиков. И это не случайно, так как известно, какую нелюбимую оценку давали их лидеры своим бывшим соратникам по революционному движению — большевикам, силой оружия захватившим власть в России в октябре 1917 г. Радикальные действия большевиков (после взятия власти) беспощадно критиковались меньшевиками — Ю.О.Мартовым, А.Н.Потресовым, П.Б.Аксельродом и Г.В.Плехановым. Все, кроме Мартова, считали Советскую власть во главе с Лениным и Троцким контрреволюционным режимом, с которым следовало бороться всеми средствами. Мартов отвергал тактику вооруженной борьбы против большевиков и надеялся на успех мирного политического влияния на новую власть в рамках советской конституции. Он считал, что можно убедить Ленина и его окружение допустить в правительство другие социалистические партии¹. Председатель Совнаркома не собирался допускать меньшевиков в правительство. Он принимал на советскую службу тех, кто официально отказывался от меньшевизма и переходил к большевикам из рядов меньшевистской партии. Меньшевики, проявлявшие малейшее недовольство действиями Советской власти, находились под наблюдением ВЧК. В региональные структуры меньшевиков направлялись осведомители и агенты, которые всеми мерами способствовали их распаду.

В начале февраля 1921 г. начальник секретного отдела ВЧК Т.Самсонов и управляющий делами Г.Ягода по заданию Ф.Дзержинского разослали на места циркулярное письмо № 11 «О партии социал-демократов (меньшевиков)». В нем сообщалось, что на протяжении трех лет существования Советской влас-

¹ См.: *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: Страницы истории. М., 2002. С. 434–435, 508–509.

ти в числе ее врагов, с которыми ей приходилось вести борьбу, не последнее место занимала РСДРП (меньшевиков), которая пыталась делать то, что не удавалось «царским генералам и банкирам — посеять раскол в пролетарских рядах, чтобы ослабить боевую готовность пролетариата»¹.

Меньшевиков обвиняли в том, что в июле 1917 г. они вошли в состав Временного правительства и «загоняли» большевиков в подполье, а их вождей объявляли германскими шпионами, что в дни «великой схватки пролетариата с капиталом» меньшевики открыто перешли на сторону буржуазии и участвовали в антисоветском «Комитете спасения родины и революции»². В действительности меньшевики в подобных действиях замечены не были. «Комитет общественного спасения» был создан для воссоздания Временного правительства, которое должно было демократическим путем довести страну до Учредительного собрания и образования правительства «национального спасения». К вооруженному восстанию против большевиков никто из лидеров меньшевистской партии не призывал, даже после разгона большевиками Учредительного собрания. Меньшевики стремились политическими средствами остановить террор, развязывание гражданской войны.

До тех пор, пока большевики не прикрыли свободные демократические газеты и журналы, меньшевики публично критиковали их деятельность: поспешное, без согласования с союзниками Францией и Англией, одностороннее заключение мирного договора с империалистической Германией весной 1918 г.; создание Красной Армии только на пролетарской основе и др.

За рубежом некоторые оппоненты большевиков из правого крыла меньшевизма заявляли: «В России дело не пахло социализмом, там — какая-то дикая авантюра»³. Подобная оценка событий в России раздражала представителей Советской власти. Директивы ЦК РКП(б) и СНК содержали большевистскую оценку деятельности меньшевиков, которые, по их мнению, потерпели полное поражение.

Вместе с тем, большевики предупреждали, что не все меньшевики разоружились. «На первый взгляд может показаться, — говорилось далее, — что меньшевики отказались от борьбы против коммунистической тактики. В действительности дело обстоит не

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 5. Л. 25.

² Там же. Л. 26.

³ Там же. Л. 27.

так. Во-первых, имеется более правое крыло меньшевиков, которое раньше соприкасалось прямо с белогвардейцами (Розанов, Левицкий и др.) и теперь занимает резко враждебную нам позицию, стремясь организовать против нас рабочих.

Более умеренная, «советская» часть меньшевиков фактически продолжает борьбу против коммунистической политики Советской власти, только более осторожными и более мирными способами.

Наиболее ярко это выразилось в выступлении меньшевика Мартова на съезде германской независимой социал-демократической партии в Галле. Мартов доказывал, что политика Советской власти ничего общего не имеет с пролетарскими принципами, что советская власть ведет внешнюю империалистическую завоевательную политику, а внутри установила деспотический режим...

Таким образом, органы, ведущие борьбу с врагами Советской власти, должны установить различное отношение к рабочим, еще не отошедшим от меньшевизма, и к интеллигентам-меньшевикам, оказывающим разлагающее влияние на пролетарскую массу.

...Мы устанавливаем, что партия меньшевиков в России от плана свергнуть Советскую власть не отказалась. В интересах Российской и мировой революции органы пролетарской власти должны умело и энергично парализовать вредную деятельность меньшевиков. Центр тяжести нашей работы возлагается в настоящее время на осведомительный аппарат. В случае ареста отдельных членов или комитетов, когда это вызвано обстоятельствами, необходимо предварительно снести с секретным отделом ВЧК. Арестованным социал-демократам следует предъявлять конкретные обвинения...»¹.

Руководство ВЧК информировало, что во внутренней политике особенно ярко проявлялась антибольшевистская линия меньшевиков в их отношении к профсоюзам. В данном вопросе на практике объединялись левое и правое крыло меньшевиков, образуя одну группу «независимых». По мнению руководства ВЧК «независимые» предлагали рабочим смотреть на Советское государство как на «предпринимателя и экспроприатора, угнетавшего рабочих». Считали, что советские профсоюзы целиком проводят политику государства, становясь классовым врагом пролетариата.

В приложении к циркулярному письму были даны копии официальных материалов меньшевиков. Среди последних была про-

¹ Там же. Л. 28.

грамма «независимых» в отношении профсоюзного движения, в которой заявлялось, что все мероприятия Советской власти в современных условиях народной хозяйственной жизни, при отсутствии необходимых предпосылок для немедленного проведения социализма и системе сплошной национализации, по существу не изменяли самой природы капиталистического строя в России, державшегося на купле и продаже рабской силы и на эксплуатации рабочего класса. Относительно профсоюзов в Советской России было сказано, что они, вместо защиты интересов своих членов, стали проводить государственную политику милитаризации труда: трудовую повинность, принудительные «субботники» и «воскресники», талонную систему оплаты выполненных работ, осуществлять через дисциплинарные суды расправу с теми, кто выражал свой протест против подобных действий¹.

В одном из документов меньшевиков содержалось обращение к молодым рабочим с призывом о создании своего Социал-демократического молодежного союза вместо существовавшего тогда Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ), который поддерживал диктатуру большевиков.

По мнению меньшевиков, советский комсомол, всячески содействуя милитаризации труда и подражая всем «полицейским и бюрократическим» большевистским методам управления и воздействия на рабочую массу, истощал молодое поколение рабочих, способствовал подавлению у рабочей молодежи самостоятельности и демократических навыков, вызывал у нее чувство забитости, подавленности и отчаяния. Все эти меры отталкивали молодых рабочих от революции, от социализма, разлагали и опустошали их душу. Московская инициативная группа социал-демократического союза молодежи России призывала создавать независимые от РКСМ организации для борьбы за свои права².

Если эсеры представляли опасность для большевистской власти как законспирированная полувоенная политическая партия, то меньшевики представляли для них серьезную оппозиционную силу в теоретическом и пропагандистском плане. Информационные материалы, выходившие из ВЧК, были насыщены разоблачениями программы, стратегии и тактики меньшевиков.

В приложении к закрытому циркулярному письму от 1922 г. были разосланы для изучения на местах «Тезисы пропагандистов РСДРП (меньшевиков)». Они были подготовлены московской

¹ Там же. Л. 29.

² Там же. Л. 31–32.

группой социал-демократов и выражали точку зрения партии меньшевиков на события в России после октября 1917 г.

Тезисы были направлены на обоснование факта неудачи социалистического переворота в России: «Захватывая власть в октябре 1917 г., большевики, вместо завоеванной в феврале демократической республики, хотели осуществить в России социализм. Национализация банков, промышленности, торговли, распределение продуктов по классовому пайку, трудовая повинность, подчинение городу деревни и т.д. имели целью установление социалистического строя вместо буржуазного.

Поворот экономической политики весной 1921 г. означал отказ от проведения коммунизма, признание краха четырехлетней политики советской власти. Этот крах объясняется внутренней несостоятельностью политики советской власти и ее противоречием законам экономического развития»¹.

Далее излагалось утверждение о невозможности построения социализма в России, минуя капиталистическую стадию экономического и социально-культурного развития, о неизбежной гибели советского режима, как и самодержавия, мешавшего развитию новых экономических отношений в России.

По мнению меньшевиков, нельзя было подавлять законы экономического развития. Россия или должна была экономически выродиться, превратившись в объект эксплуатации иностранного капитала, или же экономически возродиться, сбросив препятствовавшие ее возрождению смуты².

В разделе «Мировое положение и Интернационал» было сказано, что разрушительные последствия мировой войны отодвинули назад социализм в передовых странах, но значение и роль рабочего класса в них усиливались. По мнению меньшевиков, задача международного социалистического пролетариата, объединенного в Интернационал, состояла в том, чтобы укреплять основы демократии и своего влияния на государственную власть в целях скорейшего восстановления разрушенной войной хозяйственной жизни, при возможно полном обеспечении интересов рабочего класса, освобождать экономическую жизнь от исключительного господства и влияния класса капиталистов, укреплять мир между государствами.

Партии пролетариата передовых стран Западной Европы должны были от оппозиции переходить к участию в государствен-

¹ Там же. Л. 64.

² Там же. Л. 66.

ной власти там, где буржуазные партии не могли управлять государством без участия пролетариата. Для того чтобы роль социалистического Интернационала была более активной и действенной, необходимо было объединение международного пролетариата, всех важнейших социалистических и рабочих партий всего мира. Интересы социализма требовали слияния социал-демократических сил на почве решительной борьбы с коммунистическим Интернационалом, вносившим раскол в международное рабочее и социалистическое движение¹.

Значительный интерес представляли рассуждения лидеров меньшевизма по поводу будущего Советской России: в России будет экономическое разорение и падение производительных сил. Большевики считали, что после поражения России в мировой войне, после революции и гражданской войны даже частичное обновление экономической жизни было невозможно, что неспособность России стать на ноги собственными силами неизбежно приведет к ее экономической, а следовательно, и политической зависимости от капиталистических государств. В качестве важнейших для возрождения России задач меньшевики выдвигали следующие:

1. Свободное развитие ее экономических сил;

2. Национальное освобождение от экономической и политической зависимости со стороны иностранного капитала.

Решение этих задач, по их мнению, было возможно лишь на почве развития науки и подъема собственных экономических сил на основе капиталистических отношений, а социализм большевиков тянул страну в прошлое. Особую остроту для меньшевиков приобретал вопрос о будущем политическом устройстве России. Они были уверены, что падение Советской власти, как бы и когда бы оно ни совершилось, должно было вызвать большую общественную реакцию и стремление вернуть Россию к самодержавно-помещичьему строю или к военной диктатуре. Далее было сказано: «В случае военной диктатуры или политической реставрации и установления умеренного либерального режима (возможность которого не исключена), борьба за демократию станет первоочередной задачей возрождения России, которой должны и фактически будут подчинены все остальные частные задачи групп, классов и партий.

Экономический подъем, национальная независимость и политическая демократия — такова триединая формула освободившейся от советской власти России»².

¹ Там же. Л. 67.

² Там же. Л. 68–69.

Меньшевики считали своей задачей улучшение экономического положения рабочего класса по мере улучшения экономических и национальных условий в России. Поскольку до 1917 г. страна уже вышла на путь капиталистического развития, то ее рабочий класс, подобно западноевропейскому, должен был стремиться к социалистическому преобразованию общества в условиях развития капитализма. Передовая часть пролетариата до революции понимала, что осуществление социализма в России дело довольно отдаленного будущего, которое не являлось очередной практической задачей, а лишь вопросом пропаганды идей эгалитаризма. По мнению меньшевиков, российский пролетариат, «умудренный» опытом большевизма, в еще меньшей мере будет признавать наличие в России каких-либо предпосылок для социализма.

«Если при возникновении русской социал-демократии в 80-е годы XIX века, — говорилось в меньшевистских программных документах, — при быстро развивавшемся капитализме, она ставила своей задачей организацию пролетариата в классовую партию не для непосредственной борьбы за социализм, а для отстаивания интересов пролетариата в предстоявшей буржуазно-демократической революции, то теперь, при экономическом развале в России, эта задача значительно видоизменилась. Дело будет идти не только и не столько о том, чтобы отстаивать экономические и политические интересы пролетариата в борьбе как с политической реакцией, так и с буржуазией, но о том, чтобы дать возможность восстановить капиталистические отношения и разрушенные производительные силы, без чего невозможны никакая борьба, никакой экономический, культурный и политический прогресс, а следовательно, и борьба за социализм»¹.

Меньшевики утверждали, что в установлении в России демократии будет заинтересован не один только пролетариат, но и все стоявшие за развитие производительных сил классы и группы (крестьянство, интеллигенция, часть городской буржуазии). В своей борьбе за демократию они предлагали согласовать свою деятельность с деятельностью политических партий, действительно стоявших на почве демократии, вступая с ними в случае необходимости во временные политические соглашения.

Меньшевики предвидели, что после неудачного коммунистического эксперимента в России социализм будет подвергаться очень резкой критике.

¹ Там же. Л. 70.

Меньшевики призывали быть готовыми к такому испытанию и в нужный момент выступить во всеоружии для защиты идей социализма от нападок их противников. Они предлагали открыто признать совершенные ими ошибки, давать критическую оценку теоретическим выводам, обнаружившим на практике свою несостоятельность. Например, таким, как характер социального переворота, понятие диктатуры пролетариата, недооценка роли демократии, национальных и государственных задач пролетариата, непонимание зависимости экономической политики рабочего класса от степени развития производительных сил и накопления и т.д. Меньшевики надеялись, что в будущем их партия сможет отбить нападки на нее и снова «поднять знамя социализма» и создать сплоченную массовую рабочую партию¹.

Во втором полугодии 1922 г. меньшевики еще надеялись на лучшее. Политическая линия ЦК РСДРП (меньшевиков) изменилась, это было отражено в постановлении Бюро ЦК по вопросу о формах организации и направлении партийной работы, принятом 19 января 1923 г. По примеру большевиков, меньшевики приняли решение об укреплении и централизации своей партии, усилении массовой пропаганды среди рабочих. Ссылаясь на сложность политической обстановки, меньшевики призывали к максимальному сплочению социал-демократических сил, к преодолению всякой неформальности и расплывчатости в организации. Внимание было обращено на местные организации партии, в основу построения которых были приняты следующие начала:

1. Члены партии должны были признать партийную программу и тактику, подчиняться партийной дисциплине и платить членские взносы. Каждый член партии был обязан состоять в определенной ячейке местной организации;

2. Члены партии должны были группироваться в ячейки по предприятиям и учреждениям, которые должны были объединяться в районные организации с выборными комитетами, исполнительными бюро и т.д.

Поскольку партия меньшевиков фактически была на нелегальном положении, то политическая борьба не планировалась. За основное направление партийной работы было решено взять отстаивание экономических интересов пролетариата. Предлагалось вести агитацию в среде советских служащих, с которыми меньшевики связывали определенные надежды².

¹ Там же. Л. 71.

² Там же. Л. 73–75.

Летом 1922 г. были усилены репрессии против партии меньшевиков. В конце того же года из России было выслано 25 видных руководителей партии меньшевиков без объяснения мотивов и предъявления обвинений¹. Проводило данную акцию Государственное политическое управление (ГПУ). В основу чекистской разработки было положено циркулярное письмо о меньшевиках, подготовленное секретным отделом ГПУ в июле 1922 г. за № 25. В нем было отмечено, что меньшевистская партия, стремясь по возможности оставаться легальной, в то же время проводила интенсивную работу по разложению рабочего класса и тем самым служила интересам контрреволюции.

В августе 1923 г. в секретно-оперативном управлении ГПУ, возглавлявшемся Менжинским, при непосредственном участии секретного отдела и его начальника Дерibasа была собрана и направлена для ознакомления начальникам местных отделов ГПУ подробнейшая информация о меньшевиках. Она содержала изложение современной программы и тактики РСДРП (меньшевиков) и приложение Платформы меньшевизма, опубликованной Мартовым в № 9 «Социалистического вестника». В тексте имелась ссылка на циркулярное письмо ЦК РКП, посвященное методам борьбы с меньшевизмом по партийной линии, которое было взято за основу при написании названного выше письма. Менжинский и Дерibas сообщали, что истекший год был ознаменован резким изменением политической линии меньшевиков, поэтому они предлагали местному руководству тщательно ознакомиться с программой, тактикой, методами работы и организационной структурой оппозиционной партии, чтобы вести против нее успешную борьбу.

В письме отмечалось, что в октябре 1922 г. объединенными усилиями местных организаций и партийного центра было проведено совещание местных организаций РСДРП (меньшевиков). На нем были рассмотрены наболевшие вопросы: о тактике борьбы в изменившихся условиях нэпа; об отрыве ЦК, находившегося за границей, от партии; об организационной и идейной перестройке. Меньшевики в самом начале поверили, что новая экономическая политика была принята большевиками всерьез и надолго. В своей оценке нэпа они пришли к выводу, что революция всем своим ходом поставила диктатуру большевиков на службу буржуазной организации хозяйства.

Меньшевики считали, что РКП представляла собой противоречивый конгломерат различных социальных сил, отражавших

¹ Тютюкин С.В. Указ. соч. С. 519.

интересы новой бюрократии, милитаризма, государственного капитализма, а также отчасти крестьянства и некоторых слоев пролетариата. Они отодвигали на дальнейшую перспективу вопрос о власти. На первый план выдвигали задачу предоставления народу гражданских и политических прав.

В качестве основных методов, с помощью которых совещание решило добиваться поставленных целей, были следующие: организация масс под политическими лозунгами для оказания давления на власть и руководство экономической борьбой пролетариата против большевистской диктатуры. Меньшевики по-прежнему считали для себя неприемлемой коалицию с буржуазией и вооруженное свержение власти большевиков¹.

Лидеры Советской России считали, что позиция совещания меньшевиков в силу ее «нелепости» подвергалась углублению лидерами партии Мартовым и Абрамовичем. Изучив статью Мартова «Наша платформа», чекисты пришли к выводу, что, в отличие от тезисов совещания, точка зрения автора, отражавшая мнение руководящих заграничных меньшевистских кругов, значительно уточняла основные формулировки. Ее сущность сводилась к тому, что России был уготован капиталистический путь развития хозяйства, а пролетариат, как он утверждал, объективно был заинтересован в ускорении данного процесса. Большевистская диктатура мешала естественному развитию капитализма, поэтому необходимо было устранение этой власти.

Информационное письмо секретного отдела ГПУ обращало внимание на некоторые расхождения в формулировках между российскими и заграничными меньшевиками в вопросе о тактических лозунгах. Меньшевистские совещания, проходившие в России в конце 1922 г., вновь подтвердили «реформаторскую линию поведения», ориентированную на эволюцию политической обстановки. Но в № 22/44 «Социалистического вестника», в статье известного меньшевика Г.Аронсона «К пересмотру нашей платформы» была подвергнута резкой критике реформаторская тактика и программные заявления Мартова и Дана. Автор показал несостоятельность идеи соглашения с большевиками и невозможность трансформации большевистской диктатуры. Он писал: «Мы не можем применять ту позицию, которая отказывает массам в праве на восстание и боится свержения режима, деспотичнее которого история не знает».

¹ ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 5. Л. 120–121.

Если история откроет единственный путь — путь революции, неужели социал-демократическая партия должна уклониться от последовательной революционной тактики?

Нужно иметь мужество развернуть формулу демократии и выступить с отчетливыми и прямыми ответами на волнующие вопросы современности»¹.

Большевиками статья Аронсона была охарактеризована как программное выступление правого крыла меньшевиков с совершенно ясной политической линией — вооруженной борьбой с Советской властью. Они были удивлены тем, что подобная позиция оказывалась вполне допустимой среди руководства меньшевиков.

Советское правительство обвиняло в антисоветской деятельности меньшевиков-эмигрантов, которые будто бы с согласия российского центра в лице своего представителя Абрамовича на последней конференции Венского интернационала внесли резолюцию, полную клеветы на Советскую Россию, которая за откровенную реакционность не была принята социал-демократами Западной Европы².

По агентурным донесениям из-за рубежа в Москву, осенью 1921 г. и в начале 1922 г. за границей и в России начался процесс оформления внепартийных социал-демократических групп, организационно порвавших с официальной РСДРП (меньшевиков). Такие группы причислялись к правоменьшевистским. За границей организационным центром внепартийных социал-демократов считалась литературная группа, возглавлявшаяся Ст.Ивановичем и С.О.Загорским и издававшая журнал «Заря». В редакционной статье «Кто мы» в № 1 эта группа следующим образом определяла свою позицию: «Мы — социал-демократы. Мы не признаем Советской власти и Советской системы. Революция для нас — доподлинная буржуазная революция. Наш путь — через демократию к социалистическому преобразованию общества...»³ «Заря» являлась не только центром объединения заграничных внепартийных социал-демократических групп, но и трибуной для аналогичных сил в России. Предполагалось наличие тесной связи группы «Заря» с меньшевистской Московской группой социал-демократов. Кроме Москвы внепартийные группы действовали также в Петрограде и ряде губернских центров.

¹ Там же. Л. 123.

² Там же. Л. 125.

³ Там же. Л. 126.

Циркулярное письмо секретного отдела ГПУ от 1923 г. за № 28 было построено на дезинформации, подтасовке и искажении фактов. Цель этой информационно-провокационной «игры» заключалась в том, чтобы посеять сомнения, разногласия и даже вражду в рядах меньшевиков и их единомышленников. Так, в письме утверждалось, что наметившийся процесс сближения между внепартийным политическим движением и самой РСДРП (меньшевики) был прерван тем, что Московской группе социал-демократов, выступавшей с просьбой обеспечить ей участие в деятельности Габсбургского конгресса Интернационала, было отказано по инициативе представителей партии меньшевиков. Данный факт явился причиной новых разногласий между внепартийной группой «Зари» и руководством партии меньшевиков. В заключение преподносилась информация о сотрудничестве группы «Заря» с кадетскими и эсеровскими изданиями и о возможности их союза с эсерами и левыми кадетами в России. Такого рода вымысел распространялся через секретных сотрудников среди членов партии меньшевиков и сочувствовавших им граждан. Меньшевики обвинялись и в том, что они путем обмена постоянными представителями и проведением совместных заседаний руководящих органов в центре и на местах осуществляли постоянную организационную связь с «Бундом»¹.

Октябрьское совещание РСДРП(м) 1922 г. приняло ряд важных решений об укреплении меньшевистской партии и ее готовности к подпольной работе в Советской России. Постановление совещания гласило о полной конспирации всего партийного аппарата как в центре, так и на местах.

Выполняя постановление октябрьского совещания о реорганизации партии, Бюро ЦК меньшевиков дало указание распустить все местные организации, а вновь созданным комитетам произвести перерегистрацию членов партии. Данная акция нанесла серьезный удар по секретной агентуре ОГПУ в рядах меньшевиков, так как многие сексоты не попали в реорганизованные организации. Централизация работы, укрепление партийной дисциплины и повышение личной ответственности каждого члена партии меньшевиков значительно сокращало возможность для проникновения в нее агентов. К тому же всем меньшевикам было рекомендовано при арестах скрывать свою принадлежность к партии, чтобы избежать вербовки.

Запоздалые решения руководства РСДРП(м) об уходе в подполье и строгой конспирации не помешали проникать чекистам в

¹ Там же. Л. 127–128.

структуры партии. О новых методах работы партии меньшевиков советские спецслужбы узнали из обращения Бюро ЦК меньшевиков от 19 января 1923 г. Правда, после изучения документа эксперты пришли к выводу, что ничего нового в методах работы меньшевиков против Советской власти практически не было, в условиях нелегального положения меньшевики по-прежнему делали ставку на агитацию и пропаганду. ЦК РКП и ГПУ все-таки настораживало то, что они решили обратить особое внимание на молодежь высших учебных заведений и на профсоюзы.

В России положение на промышленных производствах характеризовалось непрерывными конфликтами, возникавшими по любому поводу. Меньшевики стремились возглавить профдвижение, отстаивая интересы рабочих и разоблачая «диктатуру коммунистов в союзах». При местных меньшевистских комитетах по указанию Бюро ЦК были созданы профкомиссии, которые хотели перетянуть «одеяло» на себя. Стремясь к упрочению своего влияния, меньшевики одновременно пытались содействовать разложению ряда большевистских организаций. В инструкциях своему союзу социал-демократической молодежи они рекомендовали вести специальную работу по разложению Российского коммунистического союза молодежи.

Несмотря на то что партия меньшевиков была законспирирована, она была под контролем ГПУ. В секретной телеграмме от 26 декабря 1923 г. за № 26737 были изложены меры борьбы с меньшевиками. Главной задачей выдвигалось внутреннее осведомление. Руководителям местных отделов ГПУ было предписано умело проводить осведомителей в руководящие органы меньшевистской партии. Предлагалось каждого осведомителя рассматривать с точки зрения всероссийской и областной разработки.

Силы были неравные, с помощью многочисленных арестов большевистскому режиму удалось по сути обескровить меньшевиков, свести их деятельность к минимуму. В Советской России гибель партии меньшевиков была неизбежной, чего нельзя сказать о меньшевизме как политическом и идеологическом течении. Мысль убить нельзя. По словам лидера партии меньшевиков Ю.Мартова, который предвидел трансформацию большевистского режима, «противоречие между диктатурой пролетариата и наличными экономическими отношениями должно привести либо к крушению диктатуры, либо к ее превращению в свою противоположность — в государственный аппарат, выполняющий историческую задачу других, непролетарских классов. Опасность бонапартистского завершения красной диктатуры, которое, по-

литически обездолив трудящиеся массы, поставит в новое привилегированное положение новую русскую буржуазию»¹.

Преследование меньшевиков в Советской России продолжалось до начала 1930-х гг. Последний крупный показательный процесс над ними был инсценирован в 1931 г. и являлся акцией устрашения всех инакомыслящих. Сталинское руководство пыталось представить группу меньшевиков виновниками тяжелого экономического положения в стране.

3. Преследование оппозиционной интеллигенции.

Ликвидация республиканской и монархической партий

В начале XX века в России интеллигенция, включая студенчество, по численности не уступала немногочисленному рабочему классу, но имела заметное влияние на общественную жизнь. Большинство интеллигенции было настроено демократически. Многие ее представители участвовали в Февральской революции 1917 г., другие являлись сторонниками радикальных преобразований в стране. В большинстве своем российская интеллигенция восприняла Октябрьский переворот 1917 г. как контрреволюционный захват власти, оказывала всевозможное сопротивление действиям большевиков. Во время Гражданской войны часть интеллигенции была уничтожена, многие — эмигрировали. Остальные не захотели покинуть родину и надеялись на перемены к лучшему, но просчитались. Советская власть получила возможность различными мерами ограничивать деятельность интеллигенции в общественных и просветительских организациях, а также в газетах и журналах, которые получили «второе дыхание» с началом нэпа.

19 мая 1922 г. В.И. Ленин направил письмо Ф.Э. Дзержинскому с просьбой продумать вопрос о высылке за границу представителей интеллигенции, помогавших контрреволюции: почти всех сотрудников петроградского журнала «Экономист» Ленин характеризовал как явных контрреволюционеров, пособников и шпионов Антанты, «растлителей учащейся молодежи», законнейших кандидатов на высылку из России. Просил собирать сведения на подобного рода «военных шпионов», чтобы «постоянно и систематически» высылать их за границу. Предлагал провести совещание в ГПУ и поручить такое важное дело «толковому, образованному и аккуратному» чекисту².

¹ Там же. Л. 135, 141.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 265–266.

Указание главы советского правительства было быстро исполнено. Первая депортация представителей интеллигенции по спискам (67 человек — из Москвы и 44 — из Петербурга) была проведена в августе–сентябре 1922 года. Среди высланных были известные философы, писатели, историки: Л.П.Карсавин, Н.А.Лосский, Н.А.Бердяев, С.Л.Франк, И.А.Ильин, А.А.Кизеветтер и другие. В дальнейшем высылки ученых повторялись и нанесли большой урон культуре России¹.

В февраля 1923 г. группой референтов ГПУ под руководством заместителя начальника секретно-оперативного управления Г.Г.Ягоды была собрана информация об антисоветской деятельности. Обзор начинался с критического и заведомо искаженного анализа деятельности Всероссийского комитета помощи голодавшим.

В 1921–1922 гг. голодали примерно 23,2 млн человек. По официальным данным насчитывалось около 1,5 млн человек, бежавших от голода из сельских районов в более благополучные районы². 18 июля 1921 г. была создана Центральная комиссия помощи голодавшим при ВЦИК (ЦК Помгол) во главе с М.И.Калининым. Примерно тогда же был создан общественный Всероссийский комитет помощи голодавшим (ВКПГ), который возглавил бывший председатель II Государственной думы Ф.Головин. В комитет входили известные ученые и общественные деятели: С.Прокопович, Е.Кускова, Н.Кишкин и другие. ВКПГ просуществовал чуть больше месяца и был закрыт властями за антисоветскую деятельность. Благодаря продовольственной помощи Советскому государству из-за рубежа удалось спасти от голодной смерти сотни тысяч людей. Важную роль в этом деле сыграл именно ВКПГ, члены которого вели за рубежом активную агитацию по сбору средств голодавшим.

В документах ГПУ Всероссийский комитет помощи голодавшим был изображен в совсем ином свете. Комитету помощи голодавшим приписывалось необоснованное и несправедливое обвинение в том, что он занимался объединением всех оппозиционных советскому правительству «элементов» в России и за рубежом и созданием своих секций и отделений в центре и на местах вместо того, чтобы направлять все свои силы на реальную помощь голодавшим. С существованием ВКПГ якобы связывали свои надежды

¹ Козлова М. Философский пароход // 30 октября. 2003. № 36.

² Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: В 4 т. Т. 1. 1918–1922 гг. М., 1998. С. 42–43.

не только различные русские «общественные» группы, но и заграничные белогвардейские организации. В качестве подтверждения последнего приводилась выдержка из статьи П. Милюкова «Борьба с голодом» в эмигрантских «Последних новостях», в которой он одобрительно отозвался о деятельности ВКПГ.

Больше всего советскому правительству не нравилось то, что Помгол смог в кратчайший срок стать признанным центром российской общественности в организации помощи голодавшим. Комитет от имени всего русского общества «вознамерился говорить с правительствами иностранных держав, с различными учреждениями и частными лицами»¹. Попытка ВКПГ послать делегацию за границу вызывала недоверие официальной Центральной комиссии помощи голодавшим при ВЦИК.

В советских правительственных кругах вынашивалось решение о срочном прекращении деятельности ВКПГ, в которой был усмотрен расчет на умаление значения Советского правительства. Более того, руководство ГПУ заявляло, что ВКПГ в своей антисоветской деятельности хотело заручиться поддержкой империалистических государств Западной Европы.

Ни на чем не основанные измышления о враждебных намерениях несанкционированной общественной организации советской интеллигенции, образовавшей по своему почину Всероссийский комитет помощи голодавшим, возымели ответную реакцию властей, ожидавших любого повода для принятия решительных мер против ненавистного комитета. Вскоре, в связи с недопустимыми притязаниями ВКПГ в вопросе о посылке за границу своей делегации, постановлением Президиума ВЦИК комитет был распущен.

Добытые чекистами свидетельства об «антисоветской деятельности» Помгола были представлены так, что, по крайней мере, некоторая часть членов комитета планировала свержение Советского правительства и переустройство России после ликвидации Советской власти. По показаниям одного из видных деятелей комитета Кишкина, среди отдельных групп комитета велись разговоры о том, что в случае падения Советской власти комитет помощи голодавшим мог бы стать базой для организации новой власти². Большинство членов ВКПГ были высланы за границу.

По результатам своей работы чекисты сделали далеко идущие выводы: «История возникновения, деятельности и ликвидации ВКПГ показала, что так называемые «общественные» группы ис-

¹ ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 5. Л. 77.

² Там же. Л. 78.

пользуют представляющиеся им легальные возможности для достижения своих политических целей, которые в конечном счете сводятся к ликвидации рабоче-крестьянской власти и установлению буржуазного строя.

Кроме того, возникновение ВКПГ послужило для пробуждения разбитых и подавленных в предыдущий период революции общественных слоев.

Несмотря на ликвидацию Комитета и репрессивные меры, направленные против отдельных его деятелей, русская «общественность» получила наглядное доказательство возможности выступить безнаказанно открыто¹.

Наиболее опасной в рядах интеллигенции советское правительство считало «старую» профессию, поэтому ГПУ особое внимание уделило состоянию высшей школы в конце 1921 — начале 1922 г. Чекисты признавали тяжелое материальное положение профессуры в Советской России, которое предопределяло антисоветское настроение ученых. В подтверждение тому приводилась деятельность комиссий по улучшению быта ученых, руководство которыми было «захвачено» оппозиционными советскому правительству людьми. Они, пользуясь тем, что распределение материальной помощи находилось в их руках, якобы «давили» на беспартийную профессию и этим подчиняли ее своему влиянию. Профессорский состав был весьма неблагоприятен для большевиков в политическом отношении, так как состоял в основном из бывших кадетов.

В действительности советское руководство насаждало свои порядки в высшей школе и всячески стремилось избавиться от «царской» профессуры, которая, по его мнению, была заинтересована в восстановлении старых порядков и в сохранении в высшей школе родственного ей социально-политического состава студенчества. С целью изменения классового состава студентов были созданы рабочие факультеты и введены новые правила приема в высшие учебные заведения. Новый устав высшей школы положил конец прежней автономии университетов.

Профессора и преподаватели пытались сопротивляться жесткому натиску властей. К началу 1922 г. в двух главных университетских центрах были образованы профессорские организации, которые охватывали большинство вузов: в Петрограде — «Объединенный совет научных учреждений и вуз», в Москве — «Совещание представителей профессуры и московских высших

¹ Там же. Л. 79.

учебных заведений». То и другое в ГПУ называли Объединенными советами профессорского движения и считали, что инициаторами и организаторами в них были группы профессоров, близких комиссиям улучшения быта ученых (КУБУ): в Москве — В.Я.Ясинский, П.А.Велихов, В.А.Костицын, В.В.Стратонов, В.С.Гулевич; в Петрограде — П.А.Сорокин, А.А.Иванов, П.С.Осадчий, А.Л.Апатов, А.А.Боголепов, В.П.Палетика, Б.М.Шимкевич, Б.Л.Правдзик, М.Я.Пергамент и другие.

Основные требования, выдвинутые московскими профессорами, были изложены в записке от 15 февраля 1922 г. Они сводились к следующему:

1. Образование при Народном комиссариате просвещения постоянного совещания из выборных представителей профессуры для обсуждения всех вопросов, касающихся высшей школы.

2. Изменение положения вуза в духе большего приближения его к строю и нуждам высшей школы, для чего в свою очередь необходимо:

а) предоставить основным работникам высшей школы первенствующее место в управлении вузом;

б) вернуть факультетским органам их нормальные права и обязанности, при чем предметные комиссии должны быть только подсобными факультетскими органами;

в) пополнение личного состава вуза передать в руки компетентных профессорских коллегий;

г) изменить порядок приема в вуз с целью обеспечить достаточную подготовленность студентов;

д) улучшить материальное положение профессуры и студенчества¹.

Требования были направлены в Наркомпрос 26 января 1922 г.

В советском правительстве не упустили возможности уличить профессуру Москвы и Петрограда в антибольшевизме. В качестве доказательства их сотрудничества приводилось одно из писем Объединенного совета профессоров Петрограда к московским коллегам, где предлагались меры организационного порядка. У власти не было сомнения и в существовании связи профессорских организаций с оппозиционными студенческими группами.

Руководство страны считало, что при нэпе, в условиях некоторой либерализации общественных отношений, были благоприятные условия для возникновения и развития оппозиционного движения в высшей школе. По их мнению, этому

¹ Там же. Л. 80.

способствовала нерешительность Наркомпроса в проведении намеченной Советом народных комиссаров РСФСР программы реконструкции вузов и его чрезмерная уступчивость требованиям профессоров. В качестве примера проводился инцидент в Московском техническом училище с назначением ректором проф. Тищенко. Немаловажную роль играло наличие легальных, организовывавших профессуру центров. Имелись в виду все те же комиссии по улучшению быта ученых. Все это происходило на фоне общего оживления интеллигентских группировок в связи с некоторым ослаблением административного давления.

В качестве характерного показателя решительности тогдашнего настроения профессуры приводился пример с Московским высшим техническим училищем. При выборах правления училища было выдвинуто два списка кандидатов: 1-й — преподавательский во главе с профессором Калиниковым, 2-й — намеченный общим собранием студентов, возглавлявшийся профессором Тищенко. Главное управление профессионального образования (ГУПО) объединило оба списка и утвердило проф. Тищенко ректором. Преподавательский коллектив выставил требование утвердить ректором училища его кандидатуру, но ГУПО уступило, но назначило ректором профессора Лукина, лояльного к Советской власти. В знак протеста профессура выдвинула ряд новых требований и в конце концов начала забастовку.

Конфликт не ограничился Техническим училищем. По данным ГПУ Объединенный совет профессуры взял в свои руки руководство движением. Забастовка распространилась на Институт путей сообщения, 1-й государственный университет, Петровскую сельскохозяйственную академию.

Власть не стала рассматривать требования профессуры. Совнарком категорически, не принимая во внимание причины и сущность движения забастовщиков, утвердил свой Устав высших учебных заведений. На заседании в Совнаркоме выступили А.И.Рыков и Ф.Э.Дзержинский, которые показали представителям академического мира всю тщетность их попыток бороться против политики Советской власти в сфере науки и высшей школы. По указанию Совнаркома конфликт был быстро ликвидирован ГПУ. Вскоре подобные оппозиционные центры профессуры были ликвидированы в Томске, Ростове-на-Дону, Одессе, Киеве, Харькове. После произведенных летом 1922 г. массовых высылки за рубеж известных деятелей науки и образования ГПУ характеризовало настроение профессорских кругов как «спокойное и

несколько подавленное». Разбитая в неравной борьбе профессура перешла к методам «пассивного сопротивления»: демонстративным отставкам и активизации работы в правлениях вузов. ГПУ считало, что «Открытых коллективных выступлений ожидать в ближайшее время трудно. Говорить о полном оздоровлении состава профессуры не приходится, но симптомы оздоровления имеются. Одним из них служит образование в Петрограде и Москве групп левой советской профессуры»¹.

Студенческое оппозиционное движение ослаблялось путем упрощенного приема в вузы молодежи из рабочих и крестьян. В 1921 г. был произведен первый выпуск рабочих факультетов. Тот год ознаменовался для властей ликвидацией целого ряда студенческих организаций, сохранившихся с дореволюционного времени. Данное обстоятельство, усиленное борьбой нового коммунистического студенчества за захват молодежных организаций, способствовало тому, что основная студенческая масса была в распыленном состоянии и лишена организующего ядра.

Согласно данным ГПУ, в начале 1922 г. в Москве был создан Совет деятелей студенческого движения. Его цель — объединение студенческого движения с целью защиты правовых, экономических и академических интересов студенчества, удовлетворение его духовных и материальных интересов. Вследствие дезорганизации, внесенной последовавшими операциями ГПУ, Совет не успел сыграть какой-либо роли.

Даже после ликвидации организационных центров оппозиционного Советской власти студенческого движения в России ГПУ опасалось возобновления деятельности отдельных нелояльных Советской власти групп в Петровской сельскохозяйственной академии, на физико-математическом факультете I Московского госуниверситета, в Высшем техническом училище, в Институте инженеров путей сообщения в Москве, на Стебутовских курсах в Петрограде, в Томском университете и некоторых других. Но опасения чекистов не оправдались², поскольку общественное студенческое движение было обезглавлено, о чем свидетельствовало отсутствие массовой поддержки студентами забастовки профессоров вузов в январе 1922 г.

Немало хлопот новой власти доставляли литераторы, начиная с А.М.Горького. Известно, что летом 1920 г. по инициативе и при поддержке В.И.Ленина, Л.Д.Троцкого, Н.И.Крестинского и

¹ Там же. Л. 81–82.

² Там же. Л. 83.

М.И.Калинина был предложен проект постановления Политбюро ЦК РКП по поводу опубликования в журнале «Коммунистический интернационал» статьи Горького, содержащей резкую критику Советской власти. Предписание большевистской власти гласило: «Впредь никоим образом подобных статей... не помещать»¹.

Новая экономическая политика большевиков и частичное восстановление частного книгоиздательства давали возможность нонконформистским кругам в России открыто выражать свои позиции. Конец 1921 г. и первая половина 1922 г. были отмечены ростом частных издательств, к середине 1922-го в Москве их было зарегистрировано 238, а в Петрограде — 99. Но далеко не все из них действительно работали: в Москве из общего числа работало только 105, половина — в Петрограде. Большинство издательств преследовало чисто коммерческие цели, другие поддерживали определенные общественно-политические группы, выпуская все более набиравшие авторитет среди читающей публики журналы: «Экономист», «Экономическое возрождение», «Голос минувшего», «Былое», «Право и жизнь», «Вестник сельского хозяйства». Издательства: «Задруга», «Колос», «Книга» и «Берег», по мнению чекистов, были связаны с антисоветскими партийными группировками, представляли конгломерат различных общественных течений.

Советское руководство обращало в первую очередь особое внимание ГПУ на деятельность редакций журналов «Экономист» и «Экономическое возрождение», считая, что оба издания являлись трибуной, с которой представители «буржуазной экономической науки» открыто заявляли о своем отношении к хозяйственным проблемам, стоявшим перед Советской республикой, и предлагали альтернативные пути развития экономики страны. Высшее советское руководство пугало и то, что в составе редколлегии обоих журналов были одни и те же лица — кадеты, которых большевики считали «врагами народа» и не желали выслушивать их советы.

Печатавшиеся в «Экономисте» и «Экономическом возрождении» ученые и публицисты, литераторы и общественные деятели считали, что новая экономическая политика Советской власти могла быть реализована при правовом закреплении частной собственности, при ликвидации государственной монополии внешней торговли, при передаче промышленности и транспорта в частные руки, при существовании кредитов, банков и частной торговли. Экономисты предлагали те пути решения проблемы,

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 429.

которые считали наиболее действенными во время общей хозяйственной разлуки, и которые не вписывались в большевистскую идеологию¹.

Особенное недовольство вызвала статья известного в России и за рубежом финансиста Соколова, который выдвигал немислимые для большевиков предложения: «...Дальнейшее расширение и углубление частнохозяйственного оборота, широкое применение частной предприимчивости, инициативы, привлечение к работе старых предпринимателей, допущение акционерных кампаний, развитие кредитно-банковской системы, полное восстановление кооперации и, наконец, отмену монополии внешней торговли и установление соответствующих правовых гарантий и законности»².

Для большевиков, которые декретами вводили в России общественную собственность, было кощунственным упоминание Соколовым слова «частный». В самом определении «акционерное и кредитно-банковское» они видели возврат к старому. Все это сыграло роковую роль в судьбе ученых-экономистов. В ноябре 1921 г. против совместной работы с коммунистами высказался Учредительный съезд кооператоров, а власть применила административные меры. Постановлением Президиума ВЦИК устав союза кустарно-промышленной кооперации был отклонен, а правление, избранное съездом кооператоров, распущено. Преследованиям подвергались известные кооператоры и ученые-аграрники Маслов, Саломатов, Кондратьев и Огановский. На Всероссийском съезде сельскохозяйственной кооперации, состоявшемся 14–18 октября 1922 г. в Москве, в руководящие органы и в правление съезда были проведены коммунисты, которые начали борьбу с «антисоветскими» течениями в кооперативном движении³.

В апреле 1922 г. начал свою работу II съезд российских кустарей и промышленников. На съезде определились три фракции: коммунистов, беспартийных и нейтральных. Однако при выборах в правление и совет вошло большинство коммунистов⁴.

Советское правительство не упускало из вида ни одного сколько-нибудь значительного направления общественной, хозяйственной и научной деятельности. Не давали покоя властям юристы старой школы, которые излишне открыто «группировались», главным образом, вокруг Юридического общества, Института теории и права, редакции журнала «Право и жизнь».

¹ ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 5. Л. 84.

² Там же. Л. 85.

³ Там же. Л. 87.

⁴ Там же. Л. 86.

Юристы, объединившиеся вокруг Института советского права и Общества работников советского права, не вызывали нареканий. Недовольство советских чиновников было направлено против правозедов, которые «проповедовали» надклассовую законность и боролись за правопорядок, одинаковый для всех граждан Советской России. Руководящую роль в этой группе юристов тогда играли Озерецковецкий, Ильин, Полянский, Винавер, Гернет, Фельдштейн, Муравьев. Большинство из них были весьма близки к партии конституционных демократов, что послужило одной из причин высылки ряда известных юристов из Советской России.

Перед советскими спецслужбами ставилась задача вести наблюдение за работой юристов в наркоматах финансов, юстиции, земледелия и др., так как считалось, что, выдвигая и формируя законодательные предложения часто первостепенной государственной важности, юристы имели возможность оказывать то или иное влияние на оформление советского законодательства¹.

Под наблюдением властей оказались инженеры, врачи и учителя, которые значительно активизировали свое участие в общественном движении в защиту профессиональных и гражданских прав. Весной 1922 г. был проведен 2-й Всероссийский съезд врачей в Москве. В мае того же года в Петрограде состоялся 1-й Всероссийский геологический съезд. На нем была принята следующая резолюция: «Русские ученые остро чувствуют гражданское бесправие, в котором пребывает сейчас весь народ, и полагают, что уже наступило время для обеспечения в стране элементарных прав человека и гражданина, без чего никакая общепольная работа и научная, прежде всего, не может протекать нормально»².

Всероссийский агрономический съезд, состоявшийся в марте 1922 г., был созван по инициативе Народного комиссариата земледелия для обсуждения очередных вопросов землеустройства и агрономической помощи населению. Но по мнению власти, съезд превратился в суд над советской земельной политикой и в своеобразный парламент, в котором рассматривались и обсуждались различные стороны общественной жизни страны.

Участие Д.И.Шаховского, Дояренко, Угримова, Минина, Бруцкуса, Кондратьева, Литошенко, Мануйлова, Маслова, Чайнова и др. виднейших представителей общественного движения позволило съезду поставить, обсудить и вынести решения по целому ряду актуальных вопросов. Однако большевистское партийное ру-

¹ Там же. Л. 88.

² Там же. Л. 91.

ководство и руководство ГПУ отнеслись к съезду как к крупному успеху оппозиционных сил.

Отношение съезда к Советской власти и общественно-политические требования были выражены в выступлении участника съезда Д.И.Шаховского: «Мы считаем, что благо, навязываемое народу, пока не выслушивается мнение этого народа, обратится гибелью тому же народу. Мы не можем сочувствовать этой политике. Теперь Наркомзем вывешивает другой флаг, где принимается во внимание общественное мнение. Под этим флагом мы можем идти...»¹

Другой участник съезда, ученый-экономист Б.Д.Бруцкус следующим образом сформулировал свое отношение к Советской власти: «Я прекрасно понимаю все те разочарования, которые мы испытываем, видя процесс распада правового демократического государства. ...Поиски путей к тому, чтобы великие слова, которые написаны на фронте правового государства: Свобода, Равенство, Братство — будут осуществленной идеей»².

Бруцкусу вторил ученый-аграрник Дояренко: «...Никогда еще съезд не подымался до такой высоты, чтобы взять в свои руки руководство делом экономической сельскохозяйственной политики, а мы все же коллективно творили эту политику»³.

На съезде были рассмотрены вопросы экономики сельского хозяйства. Делегаты съезда подвергли критике прежнюю политику большевиков. Они утверждали, что именно такая политика, а не война, породила разруху. По вопросу о перспективах землепользования мнение участников съезда разделилось. Делегаты Л.Н.Литошенко, Б.Д.Бруцкус, А.А.Мануйлов предлагали восстановить частную собственность на землю, поддержать крестьянина, дать свободу и независимость сельской кооперации. Н.Огановский, С.Маслов, А.Минин отстаивали общинное землепользование. Среди них же были сторонники национализации земли с известной свободой земельного пользования⁴.

Съездом были приняты резолюции о создании губернских агрономических совещаний, уездных и волостных сельскохозяйственных советов, была выдвинута идея о создании клубов и кружков общественной агрономии, были обсуждены вопросы о демократизации советского строя, углублении нэпа, правовом демократическом государстве, освобождении кооперации (особен-

¹ Там же. Л. 92.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 93.

но сельскохозяйственной и кредитной) от государственной опеки, поддержке крепких крестьянских хозяйств.

Большинство участников съезда не знали, что советское руководство дало отрицательную оценку итогам работы всероссийского съезда: «Общественная агрономия показала себя противником Советской власти и сторонником восстановления буржуазного порядка»¹.

Во письме-докладе ГПУ от февраля 1923 г. была представлена картина возможной связи антисоветски настроенной интеллигенции в России с белой эмиграцией, ведущей непримиримую борьбу против Советской власти, приводилось содержание программных документов, вышедших из-под пера ряда ее руководителей. Например, в тезисах одного бывшего российского премьер-министра, а ныне белоэмигранта В.Н.Коковцева была представлена программа действий:

- а) уничтожение большевизма;
- б) признание недопустимости коммунистического строя;
- в) отмена всех советских декретов и многих распоряжений Временного правительства;
- г) восстановление единства России, за исключением выделенных из состава России — Польши и Финляндии;
- д) восстановление государственного механизма управления;
- е) признание обязательств России перед союзниками.

Программа экономических мероприятий сводилась Коковцевым к тому, что страну, разоренную войной и революцией, можно было восстановить, если бы дать простор частной инициативе и предприимчивости, принципам частной собственности, свободной торговли, ликвидации монополии внешней торговли, передачи земли в собственность крестьянам, оздоровления денежного обращения путем сокращения эмиссии, ввода винной монополии².

В февральском письме 1923 г. ГПУ была приведена выдержка из доклада Президиума торгово-промышленного и финансового союза за рубежом о состоянии экономики Советской России: «Разрушив промышленность, транспорт и сельское хозяйство, коммунисты, наконец, пришли к выводу, что их опыт являлся несвоевременным и что России необходимо еще некоторое время оставаться в рамках буржуазно-капиталистического строя, вернее, нужно вернуться на некоторое время, в известных пределах к этому укладу, но при непременно условии сохранения за ними государственной власти. Такой политике присуще роковое про-

¹ Там же. Л. 94.

² Там же. Л. 95.

творечие: внедрение капиталистических начал в экономическую жизнь неминуемо означает собою некоторое раскрепощение враждебных коммунизму, как политической диктатуре, социальных сил, и поэтому создаст опасность ослабления политических позиций большевистской власти»¹.

По мнению советской разведки, эмигрантские организации рассчитывали на то, что на советской территории существовала небольшевистская Россия, которая принуждена была приспособливаться к советскому режиму. Представители эмиграции считали, что в Советской России ростки новой жизни уже вышли наружу, и они «задавят большевиков». На одном из многочисленных съездов торгово-промышленных деятелей эмиграции известный экономист В.Б.Ельяшевич заявил, что «нужно поддержать новые хозяйственные силы, которых большевикам не одолеть. Создавшаяся новая буржуазия, конечно, награбила и цепко держится за награбленное, но эта буржуазия по самой своей сущности антибольшевистская»². Далее Ельяшевич сделал вывод о том, что зарождающуюся новую советскую буржуазию, несмотря на ее революционное происхождение, связывало со старой буржуазией единство классовых интересов.

Предупреждения ГПУ о растущей опасности со стороны новой буржуазии принимались советским руководством к сведению. Совнарком интересовался и национальными зарубежными организациями, политические платформы которых ставили задачу свержения Советской власти³.

Промонархически настроенные партии и политические группы были разгромлены в первые дни Советской власти. Попытки их восстановления были предприняты в эмиграции, где образовались новые политические группировки.

В наказе «Народного Союза» (НС) говорилось, что оргработа должна быть направлена на создание активных очагов сопротивления Советской власти в рабочей и крестьянской среде; в кругах советской интеллигенции и частях Красной Армии.

В области программных требований НС выдвигал идею созыва Учредительного собрания, введение в стране республиканской формы правления, свободного соглашения между областями и нациями, входящими в состав государства, частной собственности на землю и купли-продажи под контролем народной власти, свободы кооперации. В сфере тактических приемов НС полагал, что

¹ Там же. Л. 96.

² Там же. Л. 97.

³ Там же. Л. 101.

борьба с большевистской властью, как внутри, так и вне ее, должна была носить революционный характер. Главный удар предполагалось направить против членов большевистской партии и личного состава чрезвычайек, а чинов Красной Армии и гражданских чиновников они считали противниками коммунизма.

В 1922 г. в Париже издавался журнал «Новь», предназначенный для распространения на территории Советской России. В состав редакции входили: Н.В.Чайковский, П.Н.Милюков, И.П.Демидов. Другим периодическим изданием, по своей идеологии близко подходившим к программе «НС», являлся издававшийся в Праге сборник «Крестьянская Россия». В числе сотрудников журнала были бывшие эсеры — А.Аргунов, С.Маслов и П.Сорокин, а также левые кадеты — Демидов, П.П.Гронский и А.М.Михельсон¹.

Еще одна эмигрантская политическая организация — «Братство народного права» («Братство борьбы с коммунизмом») выдвигала в качестве первоочередных задач:

1. Демократический строй.

2. Правовое закрепление всей земли сельскохозяйственного назначения за трудящимися.

2. Земля и движимое имущество, добросовестно приобретенные при Советской власти, целиком должны были остаться за новыми владельцами, которым были обещаны гарантии защиты прав собственников. В то же время они обязаны были согласовать свои права со старыми собственниками земли и имущества.

3. Красная Армия должна быть сохранена (ликвидировать предполагалось политорганы).

4. Возрождение нормального денежного обращения, банков, кредитов и хозяйственной инициативы.

«Братство» предполагало возродить Россию только при совместном усилии крестьян, рабочих, интеллигенции и предпринимателей.

ГПУ не смогло выяснить личный состав организации. Оно ссылалось на какие-то непроверенные агентурные сведения, согласно которым «Братство» было связано с известным политическим деятелем С.Н.Третьяковым².

Третьей силой, способной стать основой для создания антисоветской оппозиции за рубежом, а затем и в Советской России, считалась литературная группа, образовавшаяся вокруг газеты «Дни», которая считалась чуть ли не центром, объединявшим и

¹ Там же. Л. 37–38.

² Там же. Л. 39.

организовывавшим все радикально-демократические эмигрантские организации. В передовой статье № 1 «Дней» было сказано, что газета «Дни» была основана группой лиц, не связанных в деле ее издания никакими обязательствами ни с одной из существовавших в России и за границей политических партий, и объединенных исключительно независимостью демократической мысли и сознанием необходимости борьбы за возрождение свободной России. Они не отрицали насущной необходимости создания политических группировок и партийных организаций. Их кредо — «Ни возврата к монархии, ни тем паче примирения с тиранией нынешних правителей России. Мы хотим преодоления партийных предрассудков и предубеждений во имя Родины»¹.

В состав сотрудников «Дней» входили умеренные социалисты В.Зензинов, П.Воронович, Е.Брешковская, Е.Кускова, С.Прокопович, М.Осоргин, П.Сорокин. Агентурные донесения советской внешней разведки свидетельствовали, что между вышеназванными организациями, начиная с сентября 1922 г., в Париже имели место совместные совещания по вопросу создания республиканско-демократической партии. От левых кадетов присутствовали Милюков, Демидов и Волков, от «Народного Союза» — Зелинский (Вакар), от правых эсеров — Авксентьев, Вишняк, Руднев.

Руководители организации «Народного Союза» Демидов, Чайковский и Вакар по поводу ведения переговоров о своем вступлении в состав создававшейся республиканско-демократической партии сообщали в своей записке, что ни от одного из инициаторов новой партии, кроме Н.Авксентьева, им не удалось получить совершенно категорического заверения в том, что эта партия не вступит на путь признания или соглашения с большевиками. Они выражали недовольство тем, что преобладающее влияние в партии могли иметь социалисты, и настаивали на равновесии сил между социалистическими и несоциалистическими элементами. Требовали сохранения за ними организационной самостоятельности и возможности выхода из партии в случае расхождения с ее политической линией².

Социалистическое крыло эмиграции надеялось на успех нэпа и создание в России социал-демократического строя. Такая перспектива толкала интеллигенцию на вынужденное временное признание и даже сотрудничество с Советской властью.

Советское правительство расценило информацию о возможности создания республиканско-демократической партии как

¹ Там же. Л. 40.

² Там же. Л. 41.

покушение на свою власть. В Москве считали, что имелись объективные предпосылки для создания новой партии, способной объединить мелкие и средние радикальные элементы буржуазии. Мотивируя тем, что программа такой партии могла найти сочувствие антисоветски настроенной интеллигенции в России, ГПУ было дано указание пристально наблюдать за процессом образования новой партии в эмиграции, не допустить попыток создания нового политического объединения на территории РСФСР. ГПУ получило конкретное задание: любой ценой остановить всякую деятельность республиканцев. Возглавить операцию против организаторов партии было поручено заместителю председателя ГПУ И.С.Уншлихту, начальнику секретного оперативного управления В.Р.Менжинскому, начальнику особого бюро Я.С.Агранову. Советское правительство держало под контролем монархические организации, действовавшие за рубежом. К 1922 г. распыленные монархические группы, сплотившись вокруг идеологического и организационного центра в лице Высшего монархического совета (ВМС), приобретали все большее влияние в эмигрантской диаспоре стран Европы. По данным ГПУ, в состав ВМС, возглавлявшегося Марковым 2-м, входили такие влиятельные в политических и общественных кругах лица, как Римский-Корсаков, Ширинский-Шахматов, Масленников, Тальберг.

В середине 1922 г. ориентиры русских монархистов менялись с началом президентского срока известного французского консерватора Пуанкаре. Начало было положено Парижским монархическим объединением, возглавлявшимся Треповым, которое имело в своих рядах монархистов-франкофилов (князь Урусов, Крупенский, Шебеко). По донесениям агентов, в среде монархистов шла борьба двух направлений: французского и германского, в которой победило первое¹.

В ноябре 1922 г. на проходившем в Париже монархическом съезде императорской фамилии было предложено возглавить движение. В качестве наиболее подходящего лица из дома Романовых на этот пост назывался Великий князь Николай Николаевич. Незадолго до этого Великий князь Кирилл Владимирович объявил себя блюстителем Всероссийского престола. Часть участников Парижского съезда предлагали выдвинуть Кирилла Владимировича на пост главы Высшего монархического совета (ВМС), но оказались в меньшинстве. После съезда борьба между ВМС и сторонниками Великого князя Кирилла настолько обост-

¹ Там же. Л. 109.

рилась, что в организационном отношении они представляли собой две совершенно враждебные друг другу группы.

Агенты контрразведывательного отдела ГПУ отмечали, что кирилловцы являлись самой активной из монархических групп, как в отношении своей работы за рубежом, стремясь привлечь на свою сторону наиболее широкие круги русских монархистов, так и в отношении развития агитационной деятельности на территории Советской России. За границей интересы Кирилла Владимировича были представлены во всех крупных европейских странах. На его средства издавался журнал «Что делать». Готовилось издание газеты «Россия», редактором которой намечался бывший товарищ Председателя Государственной Думы князь Волконский. Сторонники Кирилла Владимировича имели возможность распространять свои печатные издания среди населения и в Красной Армии. За рубежом был сформирован штаб во главе с генералами В.В.Бискупским и П.В.Глазенапом. В распоряжение последних перешли остатки боевых частей генерала Н.Н.Юденича, интернированных в Эстонию.

Осведомители ГПУ сообщали, что в монархических группах была замечена склонность к террору, направленному против ответственных советских работников. Высказывалась мысль о возможной организации террористических групп из числа молодежи, что предполагало поддержку студенческих организаций, поскольку ряд студенческих союзов стояли на монархической платформе и были связаны с ВМС. Далее указывалось, что одно из постановлений съезда предлагало вступить в связь с Б.Муссолини. Среди монархистов существовали сильные тенденции к созданию фашистских организаций, но точных сведений о них у ГПУ не было.

Получив информацию об усилении деятельности монархистов, главным образом кирилловцев, советское руководство поручило ГПУ обратить самое серьезное внимание на эту политическую группировку. По соображениям политического и экономического характера, монархисты являлись для большевиков одной из самых опасных и враждебных сил. Руководство операцией против монархистов было возложено на С.И.Уншлихта, Г.Г.Ягоду и Р.А.Пиляра. Всем органам ГПУ предлагалось усилить наблюдение в частях Красной Армии. Постоянный контроль был установлен за бывшим крупным чиновничеством, аристократией и гвардейскими офицерами, среди которых было возможно возникновение монархических групп. Все это сопровождалось усилением цензуры, перехватом монархической литературы и корреспонденции,

слежкой за людьми, прибывшими из-за границы или переписывающимися со своими родственниками-эмигрантами¹.

Бывшим офицерам царской армии выжралось особое недоверие. 17 сентября 1923 г. Пленум Верховного суда РСФСР утвердил циркуляр за № 61 «Об ответственности белых офицеров за сокрытие своего звания». Всем судебным структурам было разъяснено, что при привлечении белых офицеров к уголовной ответственности за сокрытие своего офицерского звания или чина надлежало различать:

1. Когда бывший белый офицер совершенно уклонялся от учета лиц командного и административного состава;

2. Когда он уклонялся от учета, но служил в Красной Армии на должности, не соответствовавшей его военной квалификации;

3. Когда офицер, независимо от возраста добровольно прибывший из эмиграции в Советскую Россию по прекращении гражданской войны, уклонился от регистрации в военном ведомстве и от обязательной регистрации, производившейся органами ГПУ.

В первом случае виновнику предъявлялось обвинение по ст. 81 УК РСФСР как лицу, уклонившемуся вообще от военной службы.

Во втором случае предъявлялось обвинение по ст. 90 УК, т.е. за дачу заведомо ложных о себе сведений. По этой же статье каралось и сокрытие своего офицерского звания при явке на общий учет военнообязанных Красной Армии.

В третьем случае предъявлялось обвинение по ст. 219 УК как за неисполнение законных распоряжений органов Советской власти, призванных охранять общественную безопасность и спокойствие².

Как видим, интеллигенция не пользовалась доверием советского государства и постоянно находилась под пристальным оком спецслужб. Совет народных комиссаров руками ГПУ в корне пресекал всякие попытки политической и идеологической оппозиции Советской власти. По личному указанию Ленина была развернута кампания преследования и высылки за границу виднейших представителей российской науки. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «Об антисоветских группировках среди интеллигенции» от 2 июня 1922 г. предложило ВЦИК издать постановление о создании Особого совещания, куда вошли представители Наркомата иностранных дел и Наркомата юстиции, которому предоставлялось право заменять высшую меру наказания высылкой за границу или в отдаленные местности РСФСР³.

¹ Там же. Л. 114–115.

² Там же. Л. 144.

³ Там же.

Глава вторая

ОТ ЛИКВИДАЦИИ НЭПА — К НАСИЛЬСТВЕННОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

1. Усиление роли ГПУ-ОГПУ-НКВД при Сталине

1923–1924 гг. были переломными в истории Советского государства в связи с болезнью и смертью В.И.Ленина. Кто его заменит на посту руководителя — Л.Д.Троцкий, И.В.Сталин, А.И.Рыков или Н.И.Бухарин? В борьбе конкурентов принимали участие и высшие чины советских спецслужб.

23 января 1924 г. заместитель председателя Грузинской ЧК Л.П.Берия направил в Москву телеграмму Г.Г.Ягоде о своем посещении Л.Д.Троцкого, находившегося в то время на лечении в Грузии. В беседе с Берией Троцкий заявил, что он не верил в возможность какого бы то ни было раскола в партии. Он считал, что необходима сплоченность руководящих рядов, так как Ленина мог заменить только коллектив. Берия просил Ягоду срочно передать содержание своей телеграммы Сталину или Орджоникидзе¹.

Г.Ягода выполнил просьбу Берии, со Сталиным у него складывались хорошие отношения. Ягода не был новичком в ГПУ, он начал работать в «органах» с 1919 г., заняв через год пост члена Президиума ВЧК². В 1921 г. он исполнял обязанности управляющего делами ВЧК и совместно с начальником секретного отдела Т.Самсоновым руководил подготовкой циркулярных шифрованных писем ВЧК, характеризовавших политическую ситуацию в стране. В 1923 г. Ягода — заместитель начальника секретно-оперативного управления, а в 1924 г. — один из заместителей Дзержинского. Его карьерный взлет совпал с введением нэпа.

В стране далеко не все верили новой экономической политике большевиков, но «освобождение» торговли способствовало

¹ Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР. С. 307.

² ЦА ФСБ РФ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 5. Л. 1. 23 декабря 1920 г. Ягода подписал за председателя ВЧК приказ № 173 о том, что ни одно постановление Коллегии органов ВЧК на местах о применении высшей меры наказания над коммунистами не может быть приведено в исполнение без их санкции.

восстановлению экономики. В деревне замена продразверстки продналогом дала крестьянам возможность продавать государству по низким ценам намного больше сельхозпродукции. 1924 г. был неурожайным, и государственные заготовки зерна относительно 1923 г. снизились в среднем на 35%¹.

Летом 1924 г. Ягода направил полномочным представительством и отделам на местах циркулярное письмо. В нем содержалась озабоченность паническим настроением крестьян ряда губерний, пострадавших от неурожая. Документ предостерегал, что «ухудшение экономического положения в деревне» может вызвать в ней «нежелательные для власти процессы», так как «от политической пассивности крестьянства почти не осталось и следа»². Опасения не оправдались. На селе беспорядков не было. Крестьяне продолжали упорно трудиться, используя либерализацию экономики.

Во время краткого действия нэпа несколько ослабили репрессии по отношению к чуждым большевикам представителям церкви и бывшей аристократии. 16 августа 1924 г. Г.Ягода подписал приказ № 317, в котором местным органам ОГПУ запрещалось производить самостоятельно высылки и ссылки граждан из пограничных городов с нарушением порядка предписанного центром³. По ходатайству родственников и общественности освобождались люди, необоснованно арестованные. 29 ноября того же года Ягода утвердил заключение по делу № 25505 священнослужителя А.С.Михайловского, арестованного и обвиненного на основании сведений, поступивших в VI отделение секретного отдела ОГПУ о том, что он проводил среди верующих антисоветскую агитацию. Произведенным по делу следствием наличие инкриминируемого гражданину Михайловскому обвинения не было установлено, поэтому его дело следствием было прекращено и сдано в архив, а подписка о невыезде Михайловского из Москвы аннулирована. Столь краткому заключению со счастливым концом предшествовали арест и обыск, а также месячное следствие и содержание в Бутырской тюрьме больного хроническим туберкулезом Михайловского. По мнению чекистов, на основании имевшегося у них материала Михайловский был достаточно изобличен не только в антисоветской агитации, но и в антисоветской деятельности. На основании ст.131 УК РСФСР ему грозило суровое на-

¹ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 360. Л. 1–2.

² «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) Т. I. 1922–1923. Ч. 1. М., 2001. С. 65.

³ ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 5. Л. 150.

казание. Своевременные и настойчивые действия по освобождению священника Михайловского были предприняты его женой, которая вместе с заявлением на имя начальника VI отделения секретного отдела ОГПУ Е.А.Тучкова представила справки о болезни мужа, заверенные известными московскими врачами проф. М.П.Кончаловским и С.Духовским. Другое заявление она направила на имя уполномоченного секретного отдела ОГПУ Казанского, в котором просила освободить мужа от содержания в тюрьме до суда по причине его тяжелой болезни. Заявление М.П.Михайловской было поддержано ходатайством и.о. председателя Московского епархиального совета В.Виноградовым и Церковно-приходским советом общины храма Дмитрия Солунского.

Названные ходатайства возымели действие на ход следствия. 18 июня 1924 г. дело А.С.Михайловского было заслушано на судебном заседании, на котором было принято постановление об освобождении священника под подписку о невыезде. Однако следствие было продолжено, и только 1 декабря 1924 г. дело Михайловского было заслушано повторно и он получил выписку из протокола с постановлением о прекращении его дела и аннулировании подписки о невыезде¹.

25 января 1925 г., в г. Сергиев Посад был арестован проживавший и работавший там граф Ю.А.Олсуфьев. Однако ввиду того, что изобличавших его данных в антисоветской работе не было, то 19 марта 1926 г. года он был освобожден из Бутырской тюрьмы².

¹ Там же. Д. Р 25091 Михайловского Александра Сергеевича за 1924 г. По данным из другого архива, священник бывшей церкви Дмитрия Солунского А.С.Михайловский в 1933 г. был выслан из Москвы распоряжением ОГПУ в Темниковский концлагерь. Его супруга настойчиво ходатайствовала об освобождении мужа. Ее заявление в начале января 1934 г. дошло до М.И.Калинина, который в резолюции написал: «Освободить» и затребовал срочно выслать заключение по делу Михайловского. Секретариат Председателя ЦИК дважды давал запрос в ОГПУ. В конце февраля того же года был получен ответ от особоуполномоченного ОГПУ по Московской области Ипполитова, что постановлением «тройки» дело осужденного Михайловского было пересмотрено. Исправительно-трудовой лагерь был ему заменен ссылкой в Северный край на оставшийся срок. (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 66а. Д. 126. Л. 22–23). Дальнейшая судьба священника А.С.Михайловского нам не известна.

² Из ответа начальника Управления регистрации и архивных фондов ФСБ России на наш запрос личного архивно-следственного дела Ю.А.Олсуфьева. Последний арест Олсуфьева был произведен 24 января 1938 г. Тройкой при УНКВД СССР по Московской области от 7 марта 1938 г. по обвинению в распространении антисоветских слухов ему была назначена ВМН. 19 марта того же года в возрасте 69 лет он был расстре-

Во время нэпа Объединенное государственное политическое управление имело некоторые ограничения карательных функций. Тем не менее советские спецслужбы продолжали укреплять свои структуры, кадровый состав, расширять и совершенствовать систему осведомительства и доносительства. В 1925 г. обнаружилась тенденция к самостоятельности у крупных представительств и местных органов ОГПУ, что выразилось в попытках действовать независимо от гражданской администрации. Приказы заместителей председателя ОГПУ Менжинского, Ягоды и начальника административно-организационного управления Воронцова не оставляли никаких надежд на провинциальную инициативу. 6 июля 1925 г. Г.Ягода своим приказом требовал, чтобы судебные постановления коллегии или Особого совещания ОГПУ приводились в исполнение либо по получении подлинной выписки из соответствующего протокола с подписями и печатью, либо по шифрованным телеграммам. 11 ноября того же года В.Менжинский в ответ на наблюдавшиеся частые случаи несвоевременного сообщения местными органами ОГПУ об исполнении постановлений центра требовал докладывать об этом не позднее чем через семь суток со дня получения постановления. В случаях невозможности выполнить постановление в указанный срок — ставить о том в известность руководство ОГПУ и указывать причины невыполнения¹.

В 1926 г. в отделах ОГПУ на Лубянке стали скапливаться дела подследственных и заключенных, арестованных по политическим мотивам, которые местные органы направляли в Москву на рассмотрение коллегии и Особого совещания ОГПУ. Причиной было то, что дела, попадая на оформление и подготовку в соответствовавшие отделы, в них долго задерживались. В ожидании возврата дел подследственные находились в длительном предварительном заключении, что приводило к переполнению тюрем, голодовкам заключенных, их обращениям в прокуратуру и другие инстанции с требованием вмешательства, влекущим за собой освобождение подследственных заключенных до решения их дел. По проверенным данным случаи задержания таких дел доходили до нескольких месяцев. По распоряжению Ягоды от 15 мая 1926 г. года, дела, прибывавшие в коллегию и особое совещание ОГПУ из отдаленных мест, подлежали немедленному оформлению и подготовке для рассмотрения в срочном порядке².

лян. Реабилитирован 21 июля 1980 г. (см.: Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. Вып. 3. М., 1999. С. 126).

¹ ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 5. Л. 151–152.

² Там же. Л. 153.

В 1927 г. в СССР праздновалось 10-летие Октября. По такому случаю 15 октября в Ленинграде, где происходили события октября 1917 г., Центральным исполнительным комитетом СССР был принят манифест об амнистии, подписанный председателем ЦИК СССР М.Калининым и секретарем ЦИК СССР А.Фнукидзе. Статья 9 манифеста исключала из действовавших уголовных кодексов союзных республик применение смертной казни в качестве меры социальной защиты по всем делам, кроме дел по государственным, воинским преступлениям и вооруженному разбою. 2 ноября 1927 г. в Москве было принято постановление «Об амнистии», которое подробно в 14 пунктах давало порядок практической реализации манифеста: всем осужденным к высшей мере наказания, за исключением лиц, изъятых статьей 10-й из манифеста, по которым приговоры еще не были приведены в исполнение, расстрел был заменен десятилетним лишением свободы со строгой изоляцией и конфискацией имущества; лица, осужденные судами к лишению свободы на срок до 6 месяцев включительно, были освобождены из-под стражи; трудящихся, красноармейцев и краснофлотцев, осужденных судами впервые к лишению свободы на сроки до одного года включительно, также освобождали; тех, кто был осужден к лишению свободы впервые на длительные более трех лет сроки, освобождали, если они уже отбыли половину срока, назначенного судебным приговором; а тех из них, кто не отбыл половину срока, предполагалось освободить по истечении половины срока. Всех остальных лиц, осужденных к лишению свободы на более длительные сроки, предписывалось освободить по отбытии 2/3 установленного срока наказания.

В постановлении подчеркивалось, что указанные льготы не распространялись на членов антисоветских партий, а равно на лиц, осужденных за злостное взяточничество и злостные растраты. Предполагалось освободить от дальнейшего содержания под стражей лишь граждан, осужденных по приговорам судов или административных органов за контрреволюционную деятельность еще во время Гражданской войны. Люди, осужденные органами ОГПУ, кроме изъятых из амнистии статьей 10-й манифеста, должны были отбывать 2/3 установленного срока. Под амнистию попали даже люди, осужденные органами ОГПУ за государственные преступления и вооруженный разбой. Они освобождались по отбытии 3/4 установленного приговорами срока. На основании того же манифеста и постановления об амнистии предполагалось снять с особого учета всех бывших офицеров и военных чиновников белых армий¹.

¹ Там же. Л. 160–162.

Юбилейный год прошел, и власти еще больше стали преследовать нелояльных граждан непролетарского происхождения, так называемых «бывших людей». По всей стране осуществлялась тотальная слежка за людьми образованными, имевшими свои взгляды и позволявшими себе откровенные суждения об окружающей их действительности. Аресты осуществлялись по ложным доносам. В этом смысле показательна судьба сына бывшего тверского губернатора О.В.Волкова, узника советских лагерей с 26-летним стажем. Впервые он попал в застенки Лубянки в 1928 г. молодым человеком, когда по Москве прокатилась волна арестов. Никаких компрометирующих данных на него не было, но он работал переводчиком в греческом посольстве, поэтому ему предлагали стать секретным осведомителем; получив отказ, чекисты пообещали сгноить его в лагерях. С Соловков, где Волков отбывал свой первый срок, его выручил родной брат, ходатайствовавший за него у М.И.Калинина. Несмотря на давнее знакомство семьи Волковых с Калининным, чекисты не простили О.В.Волкову отказ стать сексотом и периодически упрятывали его в лагеря с последующими ссылками¹. Для того, чтобы в очередной раз вызволить Волкова из тюрьмы, Калинин пришлось лично обращаться к заместителю председателя ОГПУ: «Тов. Ягода. Можно было бы сделать облегчение, ну хотя бы освободить из-под стражи с оставлением принудительных работ на месте. С коммунистическим приветом М.Калинин»².

Сворачивание нэпа привело к обострению политической ситуации в стране, и прежде всего в Москве. 7 мая 1929 г. Г.Ягода направил письмо своим подчиненным Т.Д.Дерибасу, А.Х.Артузову, Г.Е.Прокофьеву, Я.К.Ольскому, Г.И.Благодравову, Н.Н.Алексееву, К.В.Паукеру и другим о мерах по борьбе с антисоветской агитацией в Москве: «Злостная агитация в Москве принимает довольно большие размеры... Необходимо ударить по всей этой публике, особенно важно сейчас, ибо здесь пройдут целый ряд кампаний: чистка сов. аппарата, выселение из домов нэпмановского элемента, лишенцев и др. ...Необходимо провести широкие аресты злостных агитаторов, антисемитов, высылая их в Сибирь... Даже с семьями, особенно, если это «бывшие» люди»³.

Конец 1920-х гг. характеризовался «бесперывными и бесчисленными арестами». Под «железную» метлу снова попадали представители потомственной интеллигенции. Причина арестов — подозрение в антиправительственной деятельности и агитации. ОГПУ продолжало расправу с «социально-опасными» людьми. От

¹ Волков О. Погружение во тьму. Из пережитого. М., 2002. С. 17–20.

² ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 66а. Д. 66. Л. 138.

³ Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР. С. 338–339.

них освобождали Москву, Ленинград и другие крупные города. Высылались коренные горожане. Люди преклонного возраста не переносили тяжелых условий содержания и умирали в концлагерях и отдаленных местах поселения. Фактически это было физическое уничтожение высшего слоя интеллигенции.

В их защиту выступили влиятельные деятели науки, искусства и культуры. Дело вылилось в открытое противодействие властям со стороны известных ученых, писателей и поэтов, которые, рискуя своим благополучием и даже жизнью, спасали репрессированных. В первых рядах был И.П.Павлов, физиолог с мировым именем. В своем письме-протесте от 20 августа 1930 г., адресованном в Совет народных комиссаров, он пишет: «Я поражен недавними арестами в Москве профессора Прянишникова, а в Ленинграде (в Институте экспериментальной медицины) профессора Владимира. Первый, насколько я знаю, никогда политическим деятелем не был и представляет тип ученого (притом крупнейшего, выдающегося), целиком ушедшего в свое дело. А второй (я знаю его близко)... совершенно неспособен к какому-нибудь противодействию настоящему режиму...»¹

В сети ОГПУ попадают потомки радикально настроенных писателей XIX в. Родной племянник Достоевского, 68-летний Андрей Андреевич Достоевский тройкой ОГПУ был приговорен к пяти годам концлагерей с конфискацией имущества. Другой — тоже немолодой уже человек — Н.А.Пыпин, сын двоюродного брата Н.Г.Чернышевского, был посажен в концлагерь на 10 лет. Оба проходили по одному «контрреволюционному» делу, так как работали в Пушкинском доме Академии наук СССР.

Родственники арестованных взялись за их вызволение. Заявление родственников арестованного Достоевского с краткой запиской на своем личном бланке переслал Калинин А.В.Луначарский. За племянника Чернышевского Пыпина ходатайствовал В.Д.Бонч-Бруевич. От него поступило обращение к председателю Комиссии по частным амнистиям П.Г.Смидовичу.

Приведем отрывок из ходатайства В.Д.Бонч-Бруевича от 18 мая 1931 г.: «Может быть, этому совершенно умирающему старику будет дана возможность реабилитировать себя и тем самым снять позорное пятно, которое пало на семью таких крупных литературных и общественных деятелей, которые в прошлом, несомненно, связаны с истоками социалистического движения...»²

¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 87. Д. 16. Л. 129.

² Там же. Ф. 1235. Оп. 66а. Д. 72. Л. 16–20.

На заявлении родственников Достоевского М.И.Калинин написал: «Я думаю, можно освободить». Смидович просил Комиссию по частным амнистиям ЦИК Союза поставить дело Пыпина на рассмотрение «...в возможно короткий срок»¹.

На имя Смидовича часто приходили подобного рода прошения, поэтому на заявлении необоснованно арестованных профессоров М.А.Севитова и В.В.Нагорного он вывел следующую резолюцию: «Мы так бедны культурными силами, так нам нужны такого рода специалисты, что, по моему мнению, от нормально поставленной работы специалистов с такой политической ориентацией, ЦИК СССР отказать не может...»²

Нужна была четкая «политическая ориентация», т.е. постоянная и безоговорочная поддержка всех действий власти. В противном случае десятки и сотни ученых продолжали подвергаться арестам, ссылкам и расстрелам. Даже когда родственники настойчиво добивались пересмотра дела и Калинин просил ОГПУ еще раз разобраться, это не значило, что человека могли освободить.

Власть не доверяла никому. Всемирно известный ученый, директор Радиевого института АН СССР, академик В.И.Вернадский, чтобы выехать в научную командировку за рубеж, вынужден был неоднократно обращаться за поддержкой к председателю правительства В.М.Молотову. В своем письме от 2 мая 1933 г. на имя Молотова он писал: «26 марта я писал Вам — в предупреждение возможных недоразумений — о своей заграничной командировке от Академии наук. Ответа Академия не получает, и я боюсь, что какие-то недоразумения или волокита уже происходят и я могу вовремя не получить командировку.

В конце 1931 г. я подал Вам записку, где подробно изложил положение дел и безусловную необходимость для моей научной работы годовой командировки. Без этого я не могу закончить мою книгу «О геохимической энергии жизни в земной коре». У нас в Союзе сейчас нужных для этой моей работы условий не имеется. В личной беседе с Вами я получил разрешение на такую командировку.

...В Англии хотел бы прежде всего лично посетить лабораторию Резерфорда и Содди в связи с моей работой по радиоактивности.

В связи с этой командировкой я должен использовать приглашение Парижского университета прочесть лекции по геохимии.

¹ Там же. Д. 66. Л. 27–32.

² Там же. Л. 123.

Должен был их прочесть в 1931 г., когда командировка моя была отложена правительством... Я не мог в 1932 г. быть в Париже, так как в мае должен был делать доклад на радиоактивной конференции в Мюнстере. Парижский университет вторично отложил мои лекции и назначил их на 27 и 31 мая 1933 г.

...Прошу Вашего распоряжения о выдаче мне и жене моей заграничных паспортов не позднее 16–18 мая»¹.

Вопреки протестам представителей общественности, репрессии против интеллигенции продолжались. В архивах сохранилось ходатайство академика В.И.Вернадского за Л.В.Сергеевича, сына известного историка, автора популярных в высшей школе лекций и исследований по истории русского права В.И.Сергеевича. В своем письме к председателю Президиума ЦИК СССР М.И.Калинину Вернадский сообщал, что больной 60-летний ученый Сергеевич с семьей в апреле 1935 г. по решению НКВД как бывший дворянин был выслан из Ленинграда в г. Челкар. Вернадский просил Калинина принять меры к пересмотру дела ученого и его семьи. «Всесоюзный староста» дал распоряжение запросить материалы на высланного Л.В.Сергеевича².

Спланированные в Политбюро ЦК и отрететированные на Лубянке открытые судебные процессы против «врагов народа» широко освещались советской прессой. Пропагандистская машина пыталась отвлечь людей от важных насущных проблем, которые с каждым годом все более обострялись в экономике и социальной сфере. В стране усиливалось преследование граждан за «антисоветскую агитацию» (анекдоты и проч.), под которую подводили, когда человека надо было выселить из квартиры в Москве или Ленинграде. В связи с произведенным новым районированием, 4 ноября 1929 г. Ягода подписал приказ № 239 с объявлением городов и местностей, в которых воспрещалось проживание людям, высланным в административном порядке. То были так называемые «минус 6 пунктов», определенных приказом ОГПУ № 172 еще в 1924 г. В них входили: 1) Москва и Московская область, 2) Ленинград и Ленинградская область, 3) Ростов-на-Дону и Северо-Кавказский край, 4) Харьков и Харьковский округ, 5) Киев и Киевский округ и 6) Одесса и Одесский округ³.

¹ Там же. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 20. Л. 29 – 29об.

² Там же. Ф. 1235. Оп. 66а. Д. 129. Л. 167–172.

³ ЦА ФСБ. Ф. 100. Д. 5. Л. 163. К 1931 г. количество городов, запрещенных для въезда людям, освобожденным из лагерей и ссылки, удвоилось. (Л. 199).

Организационно-оперативная работа ОГПУ совершенствовалась. 10 ноября 1930 г. заместитель Председателя ОГПУ Г.Ягода подписал секретный приказ № 372/173 «О высылке в Управление исправительно-трудовых лагерей ОГПУ выписок и меморандумов на заключенных». Это был очередной важный шаг в методике воздействия на осужденных. Для того чтобы антисоветская деятельность «контрреволюционеров, шпионов и социально-вредного элемента» не выпадала из поля зрения чекистов, он приказывал органам ОГПУ, направлявшим в лагеря осужденных, посылать туда же и характеристики на каждого осужденного. В них указывать социальное происхождение, описание преступления, степень опасности, а главное — интерес для ОГПУ в плане вербовки в осведомители¹.

В 1929–1930 гг. ОГПУ провело крупное государственное мероприятие по чистке советского аппарата на случай предупреждения возможных выступлений уволенных со службы людей. По решению апрельской 1929 г. XVI конференции ВКП(б) в стране проводилась «чистка» советского аппарата для «улучшения его личного состава». Она рассматривалась как *массовое* мероприятие Рабоче-крестьянской инспекции с привлечением профсоюзов и под контролем широких масс рабочих, крестьян и служащих. Ее цель состояла в том, чтобы «очистить» советский административный аппарат от разложившихся элементов, «извращавших» советские законы, «срачивавшихся» с кулаком и нэпманом, «мешавших» бороться с волокитой, а также от растратчиков, взяточников, саботажников, вредителей и лентяев. Чистка должна была проводиться на основе оценки качества работы, а не только пролетарского происхождения и принадлежности к Коммунистической партии как страховке от нее².

Неясностей в инструкции «по чистке» было много, поэтому прямые нарушения стали обычным явлением и уже никого не удивляли. С самых ответственных должностей увольняли наиболее подготовленных специалистов. Людей непролетарского происхождения стали увольнять за критику, за «параллелизм» в работе, раздутость штатов и проч. Порой формулировки доводились до абсурда: «Подлежит увольнению в порядке освежения аппарата». Тысячи людей оказались без работы, без средств к существованию. Их нигде не принимали в той же должности, а вычищенные по 1-й категории считались «врагами народа». Практически это был приговор. Чаще всего такие люди оказывались под арестом.

¹ Там же. Л. 164.

² КПСС в резолюциях. Т. 4. 1927–1931 гг. С. 226–227.

Начавшись в Москве, чистка прошла по всей стране и затронула все слои населения, весь управленческий аппарат. Как писал один из видных руководителей этого мероприятия член ЦКК ВКП(б) Я.Х.Петерс: «На основе поручения тов. Орджоникидзе, по постановлению Президиума Центральной контрольной комиссии от 8/1-29 г. нами была проделана следующая работа: проверен личный состав налогового аппарата Наркомата финансов, три управления Наркомата земледелия РСФСР, отдел рынка труда одноименного Наркомата СССР и РСФСР. ...Проверка была поставлена в чрезвычайно ненормальные условия. Проводилась негласно, особенно по линии Наркомзема. В этой работе нельзя было широко использовать не только помощь общественных организаций и членов профсоюзов, но даже и отдельных коммунистов.

...Среди вычищенных фигурируют почти исключительно «бывшие» люди. Мало обращено внимания на изучение работы аппарата по существу, чтобы выявить людей, действительно извращающих классовую линию пролетарского государства, и бюрократов, явно вредящих нашему строительству...»¹

В качестве причин увольнения выдвигались порой абсолютно нелепые, но — отражающие сущность большевистской власти. Например, по секретной чистке в г. Майкопе постановили «вычистить» из аппарата 2 сотрудников. Об одном из них имелась следующая запись: «1) Слушали: Тов. Елина, инспектора по сельхозотделу, ставка — 100 руб., беспартийного. ... В органах Госстраха с момента демобилизации из Красной Армии, т.е. с 1923 г. Работник неплохой, безусловно, старательный. Одно нехорошо, что бывший царский офицер.

Постановили: Тов. Елина уволить, как бывшего офицера».

Другой пример. В одной волости Воронежского округа в кооперации работал бывший священник Алексеев. Он снял сан священника и отрекся от религии еще до Октябрьской революции. «Алексеев — активный участник Союза безбожников, вел активную антирелигиозную пропаганду. При чистке его уволили, как бывшего попа»².

Чистка 1929—1930 гг. привела к увольнению не менее 300 тыс. человек. Рост безработицы и ухудшение материального положения вызывали возмущение населения городов и деревни. Последовала серия повых арестов. 10 января 1929 г. по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) бывший Нарком по военным и морским

¹ ГАРФ. Ф. 8341. Оп. 1. Д. 3. Л. 28—40.

² Там же. Д. 20. Л. 12.

делам и бывший член Политбюро ЦК партии Л.Д.Троцкий, обвиненный в антисоветской деятельности, был выслан из СССР.

Политическая обстановка в стране накалялась. Насильственная коллективизация и голод 1932–1933 гг. сопровождалась крестьянскими волнениями. Политбюро ЦК ВКП(б) во главе со Сталиным требовали от ОГПУ более решительных действий, свидетельствующих о наличии в СССР оппозиции, которая для достижения своих целей была готова пойти на все. Только в 1933 г. ОГПУ «раскрыло» подготовку двух покушений на Сталина, которые преподнеслись как террористические акты.

Первое покушение готовилось женщиной-одиночкой А.Ф.Федоровой (1892 г. рождения). При обыске у Федоровой были обнаружены 2 револьвера и 100 патронов, ценности, валюта, впоследствии сданные в финотдел.

По данным Прокуратуры СССР, Федорова была выпускницей закрытого учебного заведения «Утоли моя печали». 25 лет она работала сестрой милосердия в Басманной больнице, из которых 16 лет — при Советской власти. Как видно из ее «показаний», она собиралась совершить террористический акт против Сталина. Для этой цели через свою знакомую, работавшую продавцом в Доме правительства, она узнала, что Сталин в машине ездил за город по Можайскому шоссе. Ходила туда следить за тем, когда проезжала его машина, определяла места, откуда более удобно вести стрельбу, просчитывала пути отхода и проч. В протоколе допроса А.Ф.Федорова подробно рассказывала, каким путем она готовилась убить вождя народов. По приговору тройки ОГПУ Московской области, утвержденному Коллегией ОГПУ, А.Ф.Федорова была осуждена к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 21 августа 1933 г.

Упомянутая выше знакомая Федоровой некая Е.Д., арестованная на следующий день, в своем письме на имя Председателя СНК СССР Молотова утверждала, что основанием для ее ареста послужил рассказанный анекдот. Е.Д. не призналась в соучастии в подготовке теракта А.Ф.Федоровой и была осуждена на три года исправительно-трудовых лагерей с последующим запрещением жить в г. Москве¹.

20 ноября 1933 г. Ягода лично направил сообщение Председателю Реввоенсовета СССР К.Ворошилову об аресте лиц, готовивших еще одно покушение на Сталина. В нем говорилось, что ОГПУ ликвидировало монархическую организацию, возглавлявшуюся

¹ Там же. Ф. 5445. Оп. 89. Д. 23. Л. 262–264.

настоятельницей католического доминиканского ордена Анной Ивановной Абрикосовой, которая была связана с французским подданным, жившим в посольстве Франции католическим епископом Евгением Неве. Организация имела разветвленную сеть в Москве, Ленинграде, Калуге, Краснодаре и Ставрополе. По делу было арестовано 26 человек, в основном из бывших дворян¹.

Сталина уже не могли удовлетворить разоблачения готовившихся на него покушений. Он требовал ареста и расстрела видных партийных и государственных руководителей, выступавших против насильственной коллективизации и необоснованных политических репрессий: С.И.Сырцова, Н.А.Угланова, М.Н.Рютина, В.Н.Толмачева, А.П.Смирнова, Н.Б.Эйсмонта и др.

И.В.Сталин укрепил аппарат ЦК партии преданными ему людьми, провел слияние ОГПУ и НКВД, назначив Г.Ягоду наркомом все сильного репрессивного аппарата, которому теперь подчинялись и госбезопасность, и милиция. Вскоре Ягоде было присвоено звание генерального комиссара госбезопасности. Он вошел в правительство, его имя появилось на страницах газет рядом с первыми лицами государства и партии. Под руководством Сталина силовые ведомства готовились дать «решительный бой» всем оппозиционерам и им сочувствовавшим. Убийство С.М.Кирова 1 декабря 1934 г. было использовано Сталиным как повод для подготовки новых крупных политических процессов над своими оппонентами.

2. Необъявленная война с советским крестьянством в 1930–1933 гг.

Благодаря новой экономической политике, в 1925 г. в сельском хозяйстве СССР произошел сдвиг к лучшему: государственные заготовки составили 8,26 млн т зерна, т.е. значительно больше чем в 1924 г. Из них 2 млн т, т.е. 24,2% было продано за рубежом на сумму 118,8 млн руб.² Продажа зерна была реализована по относительно высоким ценам – в среднем 60 руб. за тонну. Советское государство получало от сельского хозяйства средства, необходимые для развития своей промышленности. Нэп оживил экономику страны, улучшил материальное положение трудящихся. Однако советское руководство было напугано развитием частного сектора в городе и в деревне, поэтому в 1926–1927 гг. со стороны госу-

¹ Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР... С. 369.

² См.: Внешняя торговля СССР. 1918–1966. Стат. сб. М., 1967. С. 20–21.

дарства усилились административно-репрессивные меры в отношении нэпмана и частника.

В 1928 г. были выпущены облигации «добровольного» государственного займа, цель которых — укрепление крестьянского хозяйства. На практике реализация облигаций вылилась в принудительное навязывание их гражданам. Секретный циркуляр народного комиссара финансов СССР от 27.IV.1928 г. рекомендовал распространение займа проводить на основе контрольных цифр, заранее определенных для каждой волости, села и отдельного крестьянского хозяйства, что фактически означало обязательную покупку облигаций. Те же методы распространения займа применялись и в отношении рабочих при выдаче им зарплаты. Были случаи, когда в знак протеста рабочие отказывались от ее получения. Сигналы о недовольстве людей практикой размещения госзайма поступали в ЦК и правительство из большинства регионов страны¹.

Социальная напряженность в стране нарастала. Вслед за ликвидацией нэпа в городе происходило сокращение рабочих мест, закрывались частные металлургические заводы, типографии, издательства, пищевые предприятия, кооперативные лавки; трудовая занятость населения сильно снизилась, начался рост безработицы.

В конце мая 1928 г. в редакцию журнала «Имба-читальня» поступило письмо избача из села Требушино Лопатинского района Курганского округа Уральской области В.Репина. Он был удивлен тем, что по деревням ходили люди в поисках работы. Они обращались за помощью в избу-читальню, говорили, что совсем нечем было питаться, хоть помирай с голоду. Но он ничем не мог им помочь. Крестьяне-бедняки и даже середняки не имели хлеба. Если имелись деньги, то купить было негде. Никто не продавал. Люди не могли обеспечить свое хозяйство зерном па семена².

В 1929 г. в число «пораженных» безработицей попали и крупные промышленные центры³. 5 декабря того же было принято постановление ЦК ВКП(б) «О росте кадров рабочего класса, состоянии безработицы и мероприятиях к ее ослаблению», в котором официально признавался факт наличия безработицы в СССР. Однако указывалось и то, что «в отличие от безработицы в капиталистических странах, носящей промышленный характер и вызываемой капиталистической рационализацией, выбрасывавшей

¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 89. Д. 11. Л. 12–15, 25, 56–64.

² Там же. Л. 90.

³ Там же. Ф. 1235. Оп. 74. Д. 2572. Л. 1.

на рынок труда громадные массы пролетариев, — безработица в СССР является результатом общего роста всего трудоспособного населения страны и аграрного перенаселения»¹.

На 1 августа 1929 г. на биржах труда в СССР было зарегистрировано 1 млн 298 тыс. человек безработных. Из них чернорабочие составляли 60%, люди интеллектуального труда — 18,2%, а лица индустриальной квалификации — всего 16,3%. В общем составе безработных женщин было 43,6%, подростков — 14,8%².

Правительство СССР не афишировало не только наличие безработицы, но и проблему обеспечения продовольствием крупнейших городов. ОГПУ были даны указания не допускать к публикации в печати материалы, затрагивающие какие бы то ни было затруднения в деле снабжения населения хлебом. Правительство считало, что такого рода сообщения могли вызвать панику и сорвать проводимые правительством мероприятия по преодолению временных затруднений в деле хлебозаготовок и снабжения страны³. Задача государственных резервов и экспорта хлеба выдвигалась на первое место, при этом совершенно не принималось во внимание, сколько хлеба оставалось на пропитание жителей деревни и на посев.

Между тем в ряде ведущих зерновых районов материальное положение крестьянских хозяйств было неблагоприятным. Вот что сообщал селькор Т.Коцеенко из поселка Казанское Варинского района Троицкого округа Уральской области в «Крестьянскую газету»: «Пишут о расширении посевной площади в 1928 г. Для того чтобы расширить посевную площадь, нужны семена, скот и желание крестьян, а у нас ни семян, ни скота, а главное, отнято желание к расширению посевов.

1927 г. был очень засушливый, урожай редко кто собирал для пропитания. Налог и страховку уплатили. Далее самообложение, заем и ударная кампания по заготовке хлебофуража. Для того чтобы выколачивать у крестьян последний хлеб, пустили начальника милиции, который по селам описывал имущество и назначал через 2–3 дня суд по статье 107 УК. Применение этой статьи у нас сокращает посевную площадь на 80–90%.

Пожалуй, скот не успеют забрать, потому что крестьянин гонит последнюю корову на рынок, так как кормить ее нечем.

¹ КПСС в резолюциях. Т. 4. С. 368–369.

² Там же.

³ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: В 5 т. Т. 1. Май 1927–ноябрь 1929. М., 1999. С. 71.

Короче говоря, в нашей местности возвращен 1921 г. Мы, крестьяне, обращаемся к правительству с просьбой дать нам ответ и разъяснения. Нужны ли государству в будущем хлеб и сырье? Из чего государство будет брать налог в будущем, так как хлеба нет, скот уничтожается, а главное — желание трудиться у крестьян отнято на несколько лет вперед»¹.

В то время письма граждан разными путями еще доходили до правительства. Редакция «Крестьянской газеты» переслала письмо Коцеенко на имя А.И.Рыкова. Председатель СНК СССР тов. Рыков поручил срочно расследовать указанные в письме факты и о результатах сообщить ему. Из Уральского облисполкома ответили, что в отдельных случаях имели место известные перегибы и грубые искривления линии партии и правительства, а в основном все было правильно и нарушения основ экономической политики Советской власти не было².

Более содержательное письмо поступило в 1928 г. в адрес Рыкова от комсомольца Ф.Черепанова из земельного общества «Заря» Лобановского сельсовета Арык-Балыкской волости Кокчетавского уезда Акмолинской области Казахстана. Он сообщал о неблагоприятных для сельского хозяйства погодных условиях 1927 г., поэтому сбор зерновых культур был очень низкий. Беднякам и маломощным середнякам хлеб для личного пользования приходилось покупать на рынке, в результате чего цены на него к осени того же года поднялись в 2 раза.

Когда началась хлебозаготовительная кампания, то на рынках хлеба не стало. На дорогах между отдельными селами были поставлены посты, которые не пропускали хлеб в неурожайные районы. Ввиду этого хлеб невозможно было купить ни за какие деньги. Зажиточные середняки по низкой цене хлеб продавать не хотели, а по высокой — боялись. Беднота понимала заготовительную кампанию как заготовку хлеба кооперативами, крестьянскими комитетами и кредитными товариществами по твердой цене с целью снижения цен на рынке. Предполагали, что после заготовки хлеб будут продавать бедноте, поэтому неимущие крестьяне принимали участие в выявлении хлеба у крупных и мелких держателей. Налогом, самообложением и займом государство заставило зажиточных крестьян вывезти часть хлеба на рынок, в результате цены на хлеб снизились. Беднота, видя это, говорила, что мало жмут кулаков, надо еще нажать посильнее, чтобы они не зазнава-

¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 89. Д. 11. Л. 106 (обратная нумерация).

² Там же. Л.102.

лись. Но бедняки радовались недолго. Заготовленный хлеб власти вывезли на Айдабулинский винокуренный завод. Хлебозаготовки приостановились, а цены на хлеб вновь быстро поднялись, и негде его было достать. Приходилось поклониться кулакам, у которых еще сохранились некоторые запасы. Однако те много продавать его не спешили.

«В настоящее время, — продолжал Ф. Черепанов, — положение бедняков крайне тяжелое. Напоминает времена продрозверстки 1921 г. Цена за пуд хлеба дошла до 38 руб. У нас в селе Лобановском наблюдается голодовка, люди болеют цингой.

Население всего уезда настроено против Советской власти и партии. Осталось поджечь, и народ пойдет на что угодно, не считаясь с жизнью»¹.

В 1928 г. на местах с целью выполнения государственных заданий по дополнительному сбору зерна производились обыски в крестьянских хозяйствах. О вреде такого рода мероприятий по поиску спрятанного у сельчан хлеба написал в СНК СССР член Щучанской районной ревизионной комиссии Челябинского округа Уральской области учитель А. Лесников. Местное руководство направило его как члена сельского совета участвовать в хлебозаготовках.

«Каково же было мое удивление, — писал Лесников, — когда мы стали заходить к маломощному середняку. Во дворе бегавшие там дети с плачем забежали в дом. Встревоженные хозяева, в большинстве женщины, пытались уверить нас, что поиски будут напрасны, поскольку повальный обыск был вчера, что они на еду уже не имеют. Но главный в комиссии дал распоряжение об обыске. Начали просматривать по несколько раз амбары, подполье. К ужасу детей проверяли кровать, на которой они забились под одеяло. Во дворе копали ямы. Когда уходили, нас спрашивали, неужели за вами будет еще комиссия, ведь уже измотали нас обысками. За два дня перед этим в деревне после обыска повесился старик. Его сын показал комиссии все запасы. На 14 человек им оставили 2 пуда хлеба. 80-летний человек решил, что он будет лишним ртом...

Меня больше всего волнуют дети. Какое у них будет представление о Советской власти, когда от одного появления ее представителей в доме страх и слезы. Какое представление будет у них об учителях, которых посылают на «заготовительную» работу?»²

¹ Там же. Л. 94–95.

² Там же. Л. 110.

Однако к «голосу мест» мало кто прислушивался, поскольку правительственные ведомства были заняты «борьбой» с «вредителями» в собственных рядах. В аппарате Наркомата земледелия РСФСР и других ведомствах проводилась очередная чистка советских служащих по социальному признаку. Специалисты, имевшие 10-летний стаж работы, увольнялись за то, что «происходили из духовного сословия, из белых офицеров» и проч. Им выдавался так называемый «волчий билет», с которым практически невозможно было трудоустроиться¹.

За произвол, творимый в деревне, недовольство народа обращалось против советских служащих, а главные виновники — Сталин и Политбюро ЦК оставались в тени. Они вскрывали ошибки, обвиняли в искажении политики партии. «Советские служащие, — писали люди в своих жалобах, — это наемные строители социализма, большая часть которых оторвалась от масс и обюрократилась и вполне заслуживает название “лакированных коммунистов”», как выразился тов. Сталин на активе московской организации 13 апреля 1928 г. ...Они подорвали доверие крестьянских масс и партии. Таких коммунистов крестьяне ненавидят и не верят им»².

27 июня 1928 г. на имя председателя Совнаркома СССР Рыкова поступило критическое письмо от его хорошего знакомого Т.С. Трегубова из села Вересоч Нежинского округа Черниговской губернии УССР. Он писал: «Алексей! Получивши от Ленина такое богатство, в смысле экспериментов, ты со своим фальшивым аппаратом ведешь страну к гибели. Я прошел по службе Северный Кавказ, Сибирь и Украину и вижу только враждебное отношение к Советской власти, но скрытое. ...Мы, старые революционные работники, разучились понимать друг друга, а от этого только страдает Советская власть, так как видя в ней тот же аппарат монархизма, все боятся говорить правду. А ты знаешь, что мы, старые революционные работники, должны идти в лес и создавать новую революцию»³.

Деревня уже не могла обеспечивать города хлебом и другими продуктами. Продовольственная проблема в стране нарастала. Чтобы предотвратить надвигавшийся голод, правительство во главе с Рыковым неоднократно ставило вопрос об импорте хлеба из-за границы, который нам предлагали в виде долгосрочного кредита. Сталин и его окружение не соглашались тратить валюту

¹ Там же. Л. 98.

² Там же. Л. 96. Из заключительной части письма комсомольца Ф. Черпанова (Кокчетавский уезд, Актюбинская область, Казахстан).

³ Там же. Д. 9. Л. 5–6.

на покупку хлеба. В своей речи о правом уклоне в ВКП(б) на пленуме ЦК и ЦКК в апреле 1929 г. Сталин сказал: «...лучше нажимать на кулака и выжать у него хлебные излишки, которых у него не мало»¹. При этом он ссылаясь на то, что валюта нужна была для закупок промышленного оборудования.

Хлебный кризис в стране подталкивал власть к скорейшей коллективизации сельского хозяйства. В резолюции XVI конференции ВКП(б), проходившей 23–29 апреля 1929 г., было сказано, что «должны быть созданы общества содействия коллективизации земледелия. Должна быть широко поддержана инициатива рабочих в деле посылки рабочих бригад в деревню, оказывающих помощь бедняцкому и середняцкому хозяйству, содействующих коллективизации сельского хозяйства и укрепляющих бедняцко-середняцкий союз в его борьбе против кулачества»².

Коллективизация аграрного сектора экономики сопровождалась усилением государственных заготовок. По решению Секретариата ЦК ВКП(б) для ускорения хлебозаготовок осенью 1929 г. в регионы были командированы работники центрального аппарата: на Северный Кавказ — 100, в центральные районы страны — 100, в Башкирию — 20 человек. Директива ЦК от 26 октября того же года обязывала парторганизации Украины, ЦЧО, Средней и Нижней Волги, Крыма, Татарской республики, Урала и других закончить выполнение годового плана хлебозаготовок к 1 декабря. Через 3 дня Сталин направил персональные директивы секретарям Западно-Сибирского, Казахстанского и Северо-Кавказского крайкомов партии: Эйхе, Голощекину и Андрееву. Он обязал их мобилизовать все силы местных партийных советских и хлебозаготовительных организаций на выполнение ударной задачи — завершить государственные заготовки хлеба не позднее 1 января³.

Хлебозаготовительная кампания оставила без хлеба не только кулака, середняка и бедняка, но и только что созданные колхозы и совхозы. Несмотря на это, Сталин в своей статье «Год великого перелома», опубликованной в «Правде» 7 ноября 1929 г., заявил, что «страна через каких-нибудь 3 года станет одной из самых хлебных стран, если не самой хлебной страной в мире.

...В колхозы идут крестьяне не отдельными группами, как это имело место раньше, а целыми селами, волостями, районами, даже округами»⁴.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 92–93.

² КПСС в резолюциях. Т. 4. С. 222.

³ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 736–737, 740.

⁴ Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 132.

Сверхоптимистические заявления были нужны Сталину, чтобы начать ликвидацию кулацких хозяйств и осуществить в кратчайшие сроки насильственную коллективизацию в деревне. История не знала подобных масштабов разгрома аграрного сектора, являвшегося основой всей экономики страны, так как пострадали не только крепкие хозяйства, но большинство середняцких и бедняцких. Со дня основания колхозов они облагались непосильным налогом, поскольку во время государственных заготовок из коллективных хозяйств изымалось от 31, 5% (1930 г.) до 36% (1932 г.) валового сбора. Оставшейся сельхозпродукции было недостаточно для восстановления и развития их производственной базы. В большинстве коллективов оплата труда была символической, что лишало людей заинтересованности в повышении его производительности, расширении посевных площадей, повышении урожайности зерновых и других культур, улучшении животноводства. Правительство считало, что сельчане способны прожить за счет своего приусадебного участка.

Жизнь в деревне стапавлилась невыносимой. Многие семьи бросали все имущество, скот, дом с постройками и бежали в города, на промышленные стройки.

В 1929 г. государственные закупочные цены на зерно и другую сельскохозяйственную продукцию снизились, а натуральные денежные налоги с крестьянских хозяйств возросли в 2–3 раза. Такие меры приводили к разорению крестьянских хозяйств, которые превращались в нерентабельные. В стране назревал продовольственный кризис, росла безработица и недовольство людей политикой властей. Об этом свидетельствуют многочисленные письма, направленные в те годы руководителям страны: Сталину, Рыкову, Калинину и другим. В них открыто говорилось о произволе советско-партийной бюрократии, о нарушении гражданских прав, об ухудшении материального положения. Например, безработный И.Г.Натаров в своем письме на имя Рыкова спрашивал главу советского правительства: «...Через сколько лет приблизительно окончится безработица, этот лютейший враг рабочего класса?»¹.

Некоторые анонимные заявления и жалобы, поступавшие в секретариат Совета народных комиссаров СССР, содержали откровенные угрозы в адрес руководителей партии и государства. В письме, полученном 21 июня 1928 г., было написано буквально следующее: «...Крестьянство находится под гнетом бандита

¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 89. Д. 5. Л. 207.

Сталина. Самый беднейший крестьянин или рабочий является вашим врагом...» Подлинники таких писем из секретариата направлялись в ОГПУ для выявления авторов¹.

Стремясь упредить растущее недовольство народа политикой Советской власти, в недрах Политбюро ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР спешно готовились секретные документы по ликвидации кулацких хозяйств и сплошной коллективизации в ведущих сельскохозяйственных районах. Сталин обосновывал крайние меры опасностью угрозы войны и необходимостью укрепления обороны СССР. Вопрос о высоком темпе индустриализации и материальных источников для нее ставился в прямую зависимость от итогов экспроприации деревни².

Сталин лично руководил тщательной подготовкой к войне против советского крестьянства. Решающую роль в этой, по словам Сталина, «хирургической операции» он отводил ОГПУ. Все руководство осуществлялось партийными органами. В секретном постановлении ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», утвержденном Политбюро 30 января 1930 г., был специальный раздел — «Особые постановления». В нем говорилось, что в помощь местным парторганизациям по проведению указанного выше мероприятия ЦК партии мобилизовал на 4 месяца из промышленных областей (Московской, Ленинградской, Иваново-Вознесенской, Нижегородской, Харьковской и др.) 2500 партийцев.

На время проведения кампании ОГПУ предоставлялись полномочия на внесудебное рассмотрение дел. Штаты ОГПУ были увеличены на 800 человек уполномоченных, войска ОГПУ на 1000 штыков и сабель³.

Сталин поручил Г.Ягоде осуществить подготовку и проведение «операции» по выселению «кулачества». В директиве ОГПУ за № 775 от 18 января 1930 г. говорилось: «В связи с предстоящим решением вопроса о массовых выселениях кулацко-белогвардейского элемента в первую очередь в районах сплошной коллективизации... приказываю: Немедленно разработать и представить подробный план операции. ...Строго учесть обстановку в районах и возможность вспышки, с тем чтобы таковые могли быть пресе-

¹ Там же. Д. 9. Л. 9–10.

² Большая речь И.В.Сталина «Международное положение и оборона СССР», объемом 58 стр., на объединенном пленуме ЦК и ЦИК ВКП(б) 1 августа 1927 г. (Соч. Т. 10. С. 3–59).

³ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Курск. 1999. Ч. 1. С. 298.

чены. ...Рассчитать расположение и использование наличных сил войск ОГПУ и РККА»¹.

По приказу ОГПУ, подписанному Ягодой 2 февраля 1930 г., в деревне с первого захода было предписано «изъять» около 60 тыс. контрреволюционных элементов (первая категория). Следственные дела на них предлагалось рассматривать во внесудебном порядке. Арестованных следовало направлять в концлагеря, а наиболее злостных — расстреливать². В этом же приказе были определены примерные цифры выселяемых крестьян и их семей, а также места их ориентировочного поселения в Северном крае, на Урале, а Сталин написал резолюцию: «Казахстан и Сибирь как районы выселения отсутствуют. Надо их включить».

Несмотря на принятые меры, первая атака на деревню захлебнулась. Причиной тому стало возмущение людей откровенной антикрестьянской политикой Советской власти. К весне 1930 г. подъем сопротивления в деревне достиг опасного для властей размаха. Ягода, который еще в январе 1930 г. требовал от своих подчиненных «...до марта — апреля расправиться с кулаком и раз навсегда сломать ему хребет»³, 7 марта того же года направил Сталину письмо о перегибах в процессе раскулачивания и коллективизации, имевших место во всех районах СССР. Ягода больше всего был обеспокоен тем, что среди отдельных групп работников совшарата и деревенских коммунистов все более проявлялось «примиренческое отношение к кулаку... защита кулака...»⁴.

Вскоре на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было утверждено постановление ЦК ВКП(б) о недопустимости «искривлений» партийной линии. Это был пропагандистский шаг властей, направленный на умиротворение крестьянской массы, закрепление «величайших успехов в деле коллективизации» и отпор оппонентам, которые резко критиковали коллективизацию⁵.

Подобное постановление было принято, что называется, «вовремя», так как дело доходило до вооруженных столкновений. Против коллективизации в 1930 г. на территории СССР было 7382 массовых выступления крестьян, которые жестоко подавлялись⁶.

¹ ГАРФ. Ф. 9414 с ч. Оп. 1. Д. 1944. Л. 13–14. ОГПУ. Особый отдел.

² Там же. Л. 19–20.

³ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930. М., 2000. С. 104.

⁴ Там же. С. 292–293.

⁵ Там же. С. 303–304.

⁶ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Т. 1. 1918–1922. М., 1998. С. 18.

Многочисленные жалобы пострадавших были направлены в приемную председателя ЦИК М.И.Калинина, в них содержались требования восстановления в гражданских правах, свободы выезда, улучшения условий труда и быта.

ЦК ВКП(б) и СНК СССР поставили перед ОГПУ задачу — «в полной мере воспользоваться трудом кулаков, чтобы выполнить в полной мере программу» освоения северных и восточных районов страны. Переселение огромной массы семей требовало подготовки мест вселения: постройки жилья, переброски продовольствия, медикаментов и медперсонала. Эту работу должны были выполнить местные органы власти. Руководство Сибирского края, узнав, что ему предстояло принять 75 тыс. семей, потребовало на их обустройство от 41 до 60 млн руб., а не получив денег, совершенно отказалось принять и устроить выселенных людей. Такой же отказ последовал из Казахстана. Уральская область согласилась принять лишь 15 тыс. «кулацких» семейств¹.

Ликвидация «кулачества» как класса была репрессивной акцией для устрашения каждой отдельной деревни, отдельной семьи.

Один типичный пример. Семья Я.И.Иванова жила в Чувашии, имела в своем хозяйстве корову, лошадь, овец, кур, гусей. К кулакам они никак не относились. Всю семью вместе с малолетними детьми загнали за Урал. Поселили в большом бараке с двухярусными нарами. Всего в бараке было 100 семей так называемых кулаков из Чувашии. Голод, холод, отсутствие теплых вещей вызвали заболевания, которые без врачебной помощи зачастую оканчивались смертельным исходом. По утрам обитателей барака, в том числе малолетних детей, выгоняли на лесоповал. 15-летняя дочь заболела и умерла. Отец умер в лагере. Ослепшая от перенесенных болезней и переживаний мать с двумя малолетними детьми была отпущена на родину. Жили по чужим людям, так как свой дом был занят колхозным активистом, который их раскулачивал².

В начале апреля 1930 г., через 1,5 месяца после начала операции, когда многочисленные факты высокой смертности в высланных крестьянских семьях поставили под угрозу срыва программу освоения необжитых территорий СССР, Ягода подготовил докладную записку:

¹ ГАРФ. Ф. 9414 с ч. Оп. 1. Д. 1943. Л. 50. (Из докладной записки нач. опергруппы ОГПУ Пузидкого от 16 мая 1930 г.)

² Воспоминания 80-летнего очевидца Я.И.Иванова записал и опубликовал Н.Н.Рацен в газете «Эхо ГУЛАГа», 2001 г., № 6, Октябрь, издаваемой Московской ассоциацией жертв незаконных репрессий.

«Лично.

Т.т. Бокий, Шанину, Эймансу,
Мейеру, Мессингу, Евдокимову.

Вопрос о лагерях надо перевести на другие установки. Сейчас лагерь является только сборищем заключенных, труд которых не используем на сегодняшний день, не давая перспективы заключенному, не давая ее и себе. Необходимо в условиях заключения сделать труд более добровольным, дав заключенному возможность жить вне работы более свободно. Надо превратить *лагерь в колонизационные поселки*, не дожидаясь окончания *срока* заключения. Филантропический стимул сокращения срока за *хорошее* поведение не только никуда не годится, но часто даже вреден. Он (этот стимул) дает ложное представление об «исправлении» заключенного, *лицемерное послушание*, *нужное буржуазному государству*, а не нам. Весь смысл передачи нам заключенных — это уничтожение тюрем, и ясно, что при такой системе, которая у нас сейчас, ликвидация их затянется на долгие годы, так как лагерь как таковой хуже тюремного заключения. Нам надо быстрее темпом колонизовать север.

И вот мой проект: *всех заключенных перевести на поселковое поселение до отбытия срока* наказания. Надо сделать так: группе (1500 чел.) *отборных* заключенных в разных районах — дать лес и предложить строить избы (разработать проект, можно взять у Аустрина), где они и будут жить. Желающие могут выписать семьи. Управляются комендантом. Поселок от 200 до 300 дворов. В свободное время, когда лесозаготовки закончены, они (заключенные), особенно слабосильные, разводят *огороды*, разводят свиней, косят траву, ловят рыбу. Первое время живя на пайке, потом за свой счет. К ним присоединять ссыльных, которых также включать в поселок. Поселки по номерам. Зимой все селение идет на лесозаготовки или на те работы, которые мы укажем. Там колоссальные естественные богатства: нефть, уголь, и я уверен, что пройдут года, и из этих поселков вырастут пролетарские городки горняков. Ведь состав тюрем у нас, главным образом, сейчас аграрники, их тянет на землю, ведь сейчас охраны у нас никакой, и бегут мало, и если даже и убежит, то не беда. Те 10–15 чел., которые охраняют сейчас эти тысячи — будут при комендатуре. Женщин тоже селить и разрешить жениться. Надо это проделать сейчас же, немедленно. Тут надо найти людей, которые увлекутся этой идеей и поставят на голову всю тюремную систему, которая прогнила до корней.

Я прошу комиссию обсудить эту записку, особенно внимательно обследовать эти возможности на месте.

12.IV.30 г. Г.Ягода»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 3. Л. 23 (обратная нумерация).

Записка Ягоды отражала стремление советского государственного руководства — как можно продуктивнее использовать высланных крестьян.

В начале 1931 г. руководство ОГПУ предупреждало ЦК ВКП(б) и правительство о серьезной политической опасности со стороны соратников Л.Д.Троцкого (который, правда, в то время уже был изгнан из СССР, а его активные единомышленники находились в тюрьмах и ссылке). Утверждалось, что Троцкий из-за границы активно руководил антипартийным подпольем. По мнению ОГПУ, это уже было не просто оппозиционное движение, как прежде, а разветвленная сеть подпольных организаций, действовавших в Москве и ряде крупных городов. В подтверждение приводилось выпущенное весной 1930 г. обращение Троцкого к своим соратникам «Ко всем членам партии и рабочим», в котором он «намеченные в промышленности СССР темпы рассматривал как несоразмерные и непосильные для пролетариата; сплошную коллективизацию, проводимую, якобы, аппаратом, а не партией, как авантюру; в результате предсказывался очередной неизбежный кризис...»¹.

ОГПУ преувеличивало возможности деятельности Троцкого и руководимой им оппозиции в СССР. Активность «троцкистов» в заключении и ссылке была надуманной. Подобными заявлениями ОГПУ лишь стимулировало новые политические процессы.

Между тем раскулачивание продолжалось. 15 марта 1931 г. ОГПУ направило на места циркулярное письмо за подписью Ягоды и Евдокимова (начальника секретно-оперативного управления ОГПУ). В нем сообщалось, что в «в целях полной очистки от кулаков, с мая по сентябрь 1931 г. намечено провести массовую операцию по кулачеству с высылкой в отдаленные местности Союза из всех областей...»² Для «проработки» операции предлагалось установить количество кулацких хозяйств в крае, подлежащих высылке, установить точное местонахождение хозяйств, в особенности место проживания глав семей, выявить бежавших с постоянного места жительства и из ссылки кулаков, устроившихся на работу в промышленность и скрывавшихся в городах, проверить личный состав колхозов и учесть проникших туда кулаков. Подробный оперативный план проведения операции должен был быть разработан местными чекистами, и, с соответствующими соображениями (и финансовыми расчетами), направлен в центр на утверждение³.

¹ Там же. Л. 167–168.

² ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

³ Там же. Л. 2.

18 марта 1931 г. вопрос «О кулаках» решался на заседании Центральной контрольной комиссии ВКП(б) под председательством А.А.Андреева (с октября 1931 г. — Рудзутак), которая была создана Политбюро ЦК специально по «кулакам». Члены комиссии Андреев, Постышев, Ягода, а также приглашенные сотрудники ОГПУ Е.Г.Евдокимов, Л.М.Заковский, И.В.Запорожец, Ольшанский заслушали доклад Л.М.Заковского (полномочного представителя ОГПУ в Сибирском крае) «О переселении кулацких хозяйств в Западно-Сибирском крае» и приняли его предложение о переселении в северные районы Западной Сибири в течение лета того же года 40 тыс. кулацких семей. Ягоде было предложено в полуторадекадный срок представить на рассмотрение комиссии план переселения кулацких хозяйств в Восточную Сибирь, аналогичный плану переселения в Западную Сибирь. Общий контингент высылаемых кулацких семей в 1931 г. в Казахстан составил 150 тыс. семей, их рассредоточили их в районах бывших Акмолинского и Каркаралинского округов для работы на угольных шахтах, медном и железорудном деле, железнодорожном строительстве. Но ввиду «технической» невозможности переселения в текущем году такого количества людей признали возможным расселить в Казахстане 60 тыс. раскулаченных семей. Комиссия удовлетворила просьбу Уралобкома о переселении в период с 25 мая по 10 июля в северные районы Урала 50 тыс. семей спецпереселенцев для использования их на лесозаготовках¹.

Поскольку жалобы граждан на попрание человеческих прав продолжали поступать во все властные структуры и возмущение коллективизацией не только в селе, но и в городе нарастало, то 15 мая 1931 г. комиссия А.А.Андреева среди прочих рассмотрела вопрос о гражданских правах спецпереселенцев. В представленном в комиссию предложении было отмечено следующее: «Поставить в Политбюро вопрос о том, чтобы в связи с массовым переселением кулаков определить для них сроки лишения прав гражданства и установить примерно срок 5 лет, с тем, что если данный спецпереселенец выполняет все постановления Сов[етской] власти, ведет себя как честный работник, по отношению к нему применяются льготные условия». После обсуждения весь приведенный выше текст был зачеркнут и от руки вписано: «Особое решение. Если данный спецпереселенец выполняет все постановления Сов[етской] власти, ведет себя, как честный работник, то по истечении 5-летнего срока с момента переселения — он

¹ Там же. Д. 2. Л. 1–14. Из протокола заседания комиссии т. Андреева.

получает право голоса и все гражданские права»¹. Данное решение комиссии кооперативно выражало безразличное отношение высших представителей власти к людям. За пятилетний срок около трети спецпереселенцев погибло от голода и болезней, не дождавшись восстановления в гражданских правах. Было принято постановление Президиума ЦИК СССР от 3 июля 1931 г. «О порядке восстановления в гражданских правах выселенных кулаков».

Политика репрессий в деревне натолкнулась на сопротивление не только раскулачиваемых и выселяемых крестьян, но и деревенской бедноты. Из справки начальника опергруппы ОГПУ Пузицкого видно, что к этому времени оставшиеся силы смогли организовать и выступить против политики коллективизации и выселения. В Средне-Волжском крае в селе Новые Выселки Ачадовского района Мордовской области собравшиеся по набату около тысячи человек выбросили из «кулацких» домов имущество батраков и вселили обратно «кулаков»². В селе Россоши Бийского округа толпа в 300 человек прогнала из села прибывших представителей власти, не допустив выселения «кулаков». В Курганском округе беднота созвала собрание, на котором было принято решение ходатайствовать об оставлении «кулаков» и принятии их в колхоз³.

7 августа 1931 г. комиссией Политбюро во главе с Андреевым было принято постановление «О спецпереселенцах» (10 августа оно было утверждено Политбюро, а 16-го числа принято как постановление Совета народных комиссаров). В постановлении подчеркивалась необходимость закрепления сосланных семей на местах их поселения для «создания постоянных кадров рабочих в лесной промышленности». Им предполагалось разрешать строить дома и хозяйственные постройки. С этой целью местные власти должны были выделять спецпоселенцам в двухмесячный срок земли под огороды и посевы, семена, сельхозинвентарь, лошадей, коров и проч. На необходимые расходы по устройству спецпереселенцев в течение двух лет, начиная с конца 1932 г., государство предполагало выделить 40 млн руб. Спецпереселенцев планировалось на 2 года освободить от налогов, сборов и государственных заготовок сельхозпродуктов. Обращалось внимание на медико-санитарную, школьную и политико-просветительную работу в спецпоселках. К мерам политического характера постановление

¹ Там же. Л. 10–15.

² ГАРФ. Ф. 9414 с ч. Оп. 1. Д. 1943. Л. 128.

³ Там же. Л. 129–131.

относило «отрыв» молодежи от контрреволюционного влияния кулаков-стариков. Политико-воспитательная работа в духе идей социализма с молодыми спецпереселенцами ставилась в основу привлечения их на свою сторону¹.

Но приведенное выше постановление о спецпереселенцах не выполнялось. По сообщениям из Северного края, с Урала и Дальнего Востока, с декабря 1931 г. по январь 1932 г. снабжение спецпереселенцев продовольствием и промтоварами ухудшилось, строительство бараков не производилось, денежные средства, выделенные государством на постройку бань, медпунктов и школ, поступали не полностью и нередко расходовались не по назначению. Местное руководство в своих отчетах занималось очковитательством и просило дополнительных средств.

На вокзалах и улицах центральных городов стали появляться дети спецпереселенцев, бежавшие из ссылки и пополнявшие ряды беспризорников. В связи с этим неоднократно ставился вопрос о необходимости проведения воспитательной работы среди детей и подростков в спецпоселках. По данному поводу 27 января 1932 г. зам. председателя ОГПУ Г.Г.Ягода обратился с личным посланием к наркому просвещения РСФСР А.С.Бубнову. В нем он сообщал, что состояние всеобщего обучения детей спецпереселенцев неудовлетворительное: школьное строительство было развернуто слабо, порядок финансирования таких школ не уяснен, учет детей школьного возраста проводился плохо, а охват обучением не достигал 50% их численности. Ягода отмечал, что на местах практика социалистического воспитания зачастую извращалась. В Магнитогорске мобилизованные в спецпереселенческие школы учителя, следуя инструкции Уральского отдела народного образования, запрещали в классах вывешивать портреты вождей революции, «избегали вопросов классовой борьбы». Там же учитель-комсомолец на вопрос детей о причине раскулачивания ответил: «Советской власти нужна рабочая сила, поэтому выслали ваших родителей»². Ягода просил Бубнова принять меры, чтобы обеспечить перелом в этом важном деле.

Время шло, а условия жизни высланных в необжитые районы крестьянских семей не улучшались. Следовательно, необходимо было найти виновного. 23 марта 1933 г. данной проблемой занимались Президиум Центральной контрольной комиссии ВКП(б) и коллегия Народного комиссариата рабоче-крестьянской ин-

¹ Там же. Ф. 9479 с ч. Оп. 1с. Д. 2. Л. 21–26.

² Там же. Л. 6.

спекции СССР. В совместном постановлении «О выполнении Народным комиссариатом земледелия СССР постановления СНК СССР от 16.VIII. — 31 г. о спецпереселенцах» говорилось, что наркомат земледелия СССР возложенные на него обязанности по сельскохозяйственному устройству и организации производства спецпереселенцев выполнял неудовлетворительно: не закончил отвод земель, плохо снабжал их сельхозинвентарем и скотом, не развернул подготовку к весеннему севу 1933 г.¹ (Заметим, что в бескрайних лесах и болотах Нарыма, куда загнали многих раскулаченных, не было земель для занятия сельским хозяйством). Не решалась проблема питания и люди просто умирали от голода. Просьба местных, обращенная в центр, властей о разрешении перевода спецпереселенцев в другое место жительства оставалась без ответа.

Раскулаченные и высланные крестьяне внесли свой вклад в добычу золота. Накануне коллективизации золотопромышленность подвергалась бесконечной организационной ломке, частой сменяемости руководителей, что создавало сплошную персональную безответственность. Постановление и обращение ЦК ВКП(б) о развитии золотодобывающей промышленности не реализовывались. Центральная контрольная комиссия ВКП(б) провела проверку выполнения решения партии. Отчет об этом поступил председателю СНК СССР и члену Политбюро ЦК ВКП(б) В.М.Молотову от члена ЦКК ВКП(б) С.В.Васильева. «Дело с золотом, — писал он, — обстоит исключительно плохо. На 1/X-30 г. достигли 40% уровня 1913 г., 63% плана 2 лет пятилетки; за I-й квартал 1931 г. прорыв составляет 57,3%. В I квартале 1931 г. золота получили меньше, чем в I квартале 1930 г., на 160 кг...»² Из того же отчета узнаем, что себестоимость 1 грамма химически чистого золота росла по причине неполной загруженности действующих установок, неиспользования нового дорогостоящего оборудования и хаоса в техническом, продовольственном и промтоварном снабжении приисков³.

Под личным контролем Ягоды в апреле 1930 г. крупные партии раскулаченных были направлены на объекты золотодобывающей промышленности. Для работы на золотых приисках Сибири было выделено 2050 семей кулаков, на прииски Дальневосточного края — 2500 семей и 3500 человек-одиночек⁴. В следующем, 1931 г.,

¹ Там же. Д. 15. Л. 6.

² Там же. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 6. Л. 316.

³ Там же.

⁴ Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1944. Л. 101-106.

по неполным данным, ОГПУ направило на золотые прииски в Свердловскую область 1000 семей раскулаченных, в Новосибирскую — 1400 семей, в Хабаровский край — 3300 семей¹.

Это крупномасштабное мероприятие натолкнулось на неготовность приисков к приему большого количества людей, не хватало жилья, недоставало продовольствия, отсутствовала медицинская помощь для прибывших спецпереселенцев. Добавим к этому полуголодное существование, отсутствие одежды, обуви. Неудовлетворительные условия жизни усилили рост заболеваемости, переросшей в эпидемию. Распространение эпидемий в районах поселения раскулаченных поставило под угрозу выполнение производственных планов.

9 марта 1930 г. СНК РСФСР принял постановление о мерах обеспечения медико-санитарного обслуживания спецпереселенцев. О культурно-бытовом обслуживании говорилось в постановлении ЦИК и СНК от 3 октября 1930 г., в постановлении СНК от 16 января 1931 г. был специальный пункт, посвященный этому вопросу. 21 февраля 1932 г. было принято совершенно секретное постановление СНК СССР «О санитарном состоянии и культурно-бытовом обслуживании спецпереселенцев», в котором говорилось: «Исходя из необходимости принятия решительных мер по оздоровлению районов спецпереселения, уменьшению смертности, в частности детской, СНК СССР постановляет:

1. — Организовать в краях, пораженных эпидемическими заболеваниями (Северный край, Урал, Казахстан, Зап. Сибирь, Вост. Сибирь), спец. Комиссии в составе представителей краевых (областных) РКИ, ПП ОГПУ и здравоохранения с привлечением руководителей хозорганов, использующих труд спецпереселенцев...

2. — Обязать наркоматы, использующие труд спецпереселенцев (НК тяжелой промышленности, НК легкой промышленности, НК леса, НК путей сообщения, НК земледелия, НК Внешней торговли), и руководителей хозяйственных объединений к 1 апреля закончить строительство жилищ для спецпереселенцев, обеспечив их размещение повсеместно и не допуская преуменьшения установленной нормы в 3 кв. метра на одного человека...

3. — Обязать НК здравоохранения РСФСР в месячный срок направить в края спецпереселения не менее 100 передвижных дезинфекционных камер...

4. — Указать НК здравоохранения РСФСР на невыполнение постановления о мобилизации из центральных районов медицин-

¹ Там же. Ф. 9479. Оп.1. Д. 4. Л. 9-14.

ских работников... перебросить в края спецпереселения 350 годных к самостоятельной работе фельдшеров и акушеров из центральных краев и областей...»¹.

25 марта 1931 г. Ягода и заместитель начальника секретно-политического отдела ОГПУ И.В.Запорожец обратились с повторным письмом (первое было отправлено 12 ноября 1930 г.) к председателю правления «Цветметзолото» А.П.Серебровскому. В нем они сообщали о хозяйственной неустроенности на золотых приисках первой партии прибывших спецпереселенцев, в то время как от правления «Цветметзолото» в ОГПУ поступила новая заявка на рабочую силу. Ягода и Запорожец информировали Серебровского о том, что Баргузинские прииски отказались принять семьи раскулаченных, обосновывая свой отказ полной укомплектованностью рабочих мест. На Алдане не велось никакой подготовки к приему людей, так как не были выделены необходимые кредиты. Алданский окружной комитет ВКП(б) категорически протестовал против направления на прииски семей спецпереселенцев, мотивируя протест недостатком продовольствия, а также возможным уходом вольных рабочих-горняков, которым с целью экономии продовольствия не разрешалось привозить свои семьи. Ягода и Запорожец настаивали на принятии необходимых мер по развертыванию в срочном порядке строительства временных бараков для жилья на 15 500 человек и завоза необходимого продовольствия для приема всех семей спецпереселенцев, часть которых тогда уже находилась в пути, а другая готовилась к отправке².

28 февраля 1932 г. Совет народных комиссаров СССР принял постановление за № 234/45 «О золотой промышленности». В нем планировалось:

а) В период 1932–1934 гг. ввести в действие в золотой промышленности 11 американских фабрик, 22 эффельных завода, 11 иловых заводов, 25 амальгамационных фабрик и 2 металлургических завода и т.д.

б) Довести установленную мощность всех электростанций золотой промышленности до 125 000 квт, построив в том числе и гидроэлектростанции на приисках, в том числе на Лене и на Сарале.

¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 463. Л. 77–79.

² Там же. Д. 6. Л. 1. На основании меморандума от 25 марта 1931 г., подписанного Г.Ягодой, золотые прииски Востокцветмет обязаны были принять 3800 семей бывших кулаков с выгрузкой из вагонов на станциях: Красноярск — 1500 семей, Иркутск — 600; Могоча — 1200; Татаурово — 500. Оттуда раскулаченные сразу отправлялись в постоянные места поселения, где должны были сами строить себе бараки. (Там же. Д. 3. Л. 4.)

в) ...Определить размер добычи 1933 г. в 128 500 кг (с Колымой) и увеличить ассигнование по капитальным вложениям на золотую промышленность в 1932 г. до 295 млн руб.

Утвердить предоставленное Главцветметзолотом следующее распределение программы в 1932 г. по золоту:

Востокзолото — 47 524 кг

Севцветметзолото — 15 403

Южцветметзолото — 600

Алтайцветметзолото — 5723

Скупку Торгсина — 10 750

Итого: 80 000 кг»¹.

Для того чтобы стимулировать труд спецпоселенцев, 23 апреля 1932 г. Ягода направил секретарю Центрального исполнительного комитета СССР А.Енукидзе проект постановления Президиума ЦИК СССР «О частичном восстановлении в правах кулаков, выселенных из районов сплошной коллективизации, доказавших ударной работой свою лояльность Советской власти». При отборе кандидатов на восстановление в правах из числа спецпоселенцев 2 тыс. человек было рекомендовано отдавать предпочтение, главным образом, молодежи. Ягода предлагал приурочить это мероприятие к 1 мая 1932 г. Текст постановления следовало срочно передать по телеграфу, чтобы исполнительные комитеты тех краев и областей, где были расселены спецпереселенцы, успели вовремя представить в Москву списки поощряемых лиц, предложенных местными отделениями ОГПУ².

Усилия Ягоды по привлечению внимания партийных и советских организаций к более рациональному использованию труда раскулаченных и созданию пролетарских городков в золотой промышленности были поддержаны высшим руководством СССР. 16 июня 1932 г. председатель СНК СССР В.М.Молотов (Скрябин) подписал постановление № 1107 «О льготах для золотой и платиновой промышленности». В нем местную власть обязывали обеспечить жителей приисков сенокосными угодьями и земельными участками под огороды. Правительство разрешало краевым и областным исполнительным комитетам восстанавливать в правах и ранее истечения 5-летнего срока тех граждан, которые проработали на приисках три года и по отзывам

¹ Там же. Л. 85–95.

² Там же. Д. 13. Л. 3–4.

администраций приисков выделялись своим ударным трудом и перевыполнением заданий или норм выработки. Специалисты, игравшие более значительную роль в деятельности приисков, при наличии положительного отзыва администрации об их работе могли быть восстановлены в правах через два года¹. Но восстановленные в правах люди были фактически бесправны, так как им не разрешалось покидать места поселений без разрешения ОГПУ.

Главная роль в перековке «кулаков» в пролетариев принадлежала ОГПУ, поэтому ЦК ВКП(б) и СНК СССР регулярно представляли руководство и рядовых сотрудников политуправления к правительственным наградам. Доказательством признания заслуг данного ведомства является приветствие И.В.Сталина «К пятнадцатилетию ОГПУ», опубликованное в «Правде» 20 декабря 1932 г. В нем содержалось следующее: «Привет работникам и бойцам ОГПУ... Желаю успеха в сложном деле искоренения врагов диктатуры пролетариата! Да здравствует ОГПУ, обнаженный меч рабочего класса!»

¹ Там же. Д. 9. Л. 32. Какое большое внимание советское правительство уделяло развитию золотодобывающей промышленности видно из постановления СНК СССР № 829/160с от 26 апреля 1933 г. «О работе золотопромышленности по объединению Востокзолото». В нем отмечалось, что руководство Главцветметзолото и Востокзолото не справилось со своими задачами: добыча золота в I квартале 1933 г. ниже, чем в I квартале 1932 г. Вследствие неудовлетворительного руководства, неправильного и нерационального использования материальных фондов, расхищалось продовольствие и промтовары, недопустимо безотчетно и бесхозяйственно расходовались деньги.

Правительством были приняты меры, направленные на разукрупнение, перестройку управления и усиление роли политико-воспитательных мероприятий. Вместе с тем в 16 пунктах программы имелись конкретные предложения по совершенствованию организации труда, оплаты и улучшению быта рабочих-спецпоселенцев. Тарифную систему предлагалось перестроить и образовать специальный фонд премирования за лучшее качество работы по извлечению золота.

В постановлении подчеркивалось, что развертывавшаяся механизация ни в коем случае не должна была приводить к недооценке и забвению мускульной силы человека, имевшей «серьезнейшее значение». Осуждалось игнорирование использования труда старателей. Хозяйственники должны были создавать условия для их работы, оплачивая труд и снабжая в прямой зависимости от количества сдаваемого золота.

Вопрос о правах спецпоселенцев даже не упоминался. По отношению к ним наметились меры жесточесточения. ОГПУ было поручено разрешить вопрос о вывозе с приисков семей спецпереселенцев, потерявших своих кормильцев. (Там же. Д. 15. Л. 19.)

27 мая 1935 г. нарком НКВД СССР Г.Г.Ягода подписал приказ о рассмотрении дел об уголовных и деклассированных элементах и о злостных нарушителях положения о паспортах. Разработанная и приложенная к приказу инструкция была скреплена двумя подписями: Ягоды и Прокурора СССР А.Вышинского¹. Эти документы были направлены против бежавших из деревни или из ссылки крестьян, беспризорных и нищих. Горожане, лишённые прописки и права проживания в крупных городах по причине непролетарского происхождения, также отправлялись в лагеря и ссылку в отдалённые населённые пункты.

Инструкция «О порядке административной ссылки и высылки и осуществлении гласного надзора», подписанная Ягодой, являлась логическим продолжением первой, и применялась к лицам, признанным «общественно опасными». По ложным доносам людей ссылали на срок до 5 лет без гласного надзора или под гласный надзор, заключали на такой же срок в исправительно-трудовые лагеря. Судя по содержанию инструкции, никаких прав у ссыльных не было. Контроль за поднадзорными осуществлялся учетно-статистическим отделом Главного управления госбезопасности НКВД СССР².

Жертвой политики ликвидации кулачества и пролетаризации крестьянства стали миллионы людей. Единого мнения историков о людских потерях среди спецпереселенцев пока не существует. По нашим данным, основанным на цифрах ОГПУ, за 1930–1932 гг. было выслано всего около 500 тыс. семей. Выселение продолжалось в 1933–1934 гг. Исходя из того, что в то время крестьянские семьи включали в среднем 5 человек взрослых и детей, получаем примерно 2,5 млн человек. Из них от голода, холода и болезней погибли примерно 1/3, т.е. 800 тыс. человек, в основном пожилых и детей³. Если же учесть процентоманию и антропофагию, имевшие место в ходе раскулачивания и выселения, то приведенные выше цифры лишь *примерно* отражают реальность того страшного времени.

¹ ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 5. Л. 214–218.

² Там же. Л. 220–232. В приказе № 00419 «Об извращениях в работе троек при УНКВД краев и областей» от 27 ноября 1935 г. Г.Ягода пожурил своих подчиненных на местах, а некоторым из них за систематическое извращение и игнорирование его указаний объявил строгий выговор или поставил на вид. В приказе не было ни слова о том, как люди пострадали от извращений в работе троек и какие меры были приняты для исправления допущенных ошибок. (Там же. Л. 245–247.)

³ За основу подсчета взяты итоговые материалы выселения крестьян особого отдела ОГПУ 1930–1932 гг. (ГАРФ. Ф. 9414 с ч. Оп. 1. Д. 1944. Л. 10–20 и др.)

Советское правительство достигло своей цели — оно взяло из деревни зерна столько, сколько хотело, не думая о последствиях. Государственные заготовки 1930 г. составляли 19,54 млн т¹, т.е. вдвое больше, чем в 1926 г. В том же году это дало возможность властям вывезти и продать за рубежом 4,8 млн т зерна, т.е. 24,5% от всего заготовленного государством, стоимостью 157,8 млн руб.², т.е. в среднем по 30 руб. за тонну, что вдвое дешевле чем в 1926 г. В 1931 г. эта тенденция получила дальнейшее развитие, что привело к массовому голоду 1932–1933 гг. с огромным числом человеческих жертв.

После создания колхозов сразу же началось выбивание из них по государственным заготовкам зерновой и животноводческой продукции, что не давало колхозам возможности экономически укрепиться. Колхозы, вопреки Уставу сельхозартели, не распоряжались произведенной ими продукцией. В 1933 г., когда деревня еще не пришла в себя после голода, поступления зерновых культур в государственные фонды были значительно выше, чем в 1932 г., и больше, чем в 1931 г. Из урожая 1933 г. государство экспортировало 1,7 млн т зерна на сумму 31,2 млн руб.³ Начиная с 1931 г. госзаготовки зерна были выше, чем в 1913 г. В 1937 г. государством было взято в колхозах 26 млн т зерновых, из них 2,1 млн т, т.е. 8% от всего количества продано за рубежом на сумму 48,8 млн руб.⁴ Большое количество зерна поступило из колхозов в государственные закрома в 1940 г. — 33,8 млн т, из коих 1,2 млн т (3,5%) было экспортировано на сумму 51,2 млн руб.⁵ По причине невысокого качества зерна цены на него постоянно снижались. Значительная часть зерна была направлена в мобилизационные резервы.

В 1930-е гг. советской деревне был нанесен сокрушительный удар, после которого она уже не смогла подняться. Из села были изъяты крестьянские семьи, имевшие там свои экономические, социальные и культурные корни и составлявшие ядро сельскохозяйственных сил. В спешке создания крупных коллективных хозяйств не была подготовлена соответствующая материально-техническая и социально-правовая база. В 1930–1933 гг. колхо-

¹ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. Д. 360. Л. 1; Внешняя торговля СССР. 1918–1966. С. 20.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 2, 21–23. Без учета муки и крупы, которые тоже экспортировались из СССР в 1930-е годы.

⁵ Там же. Л. 2; Внешняя торговля... С. 21.

зы понесли большие потери по причине отсутствия помещений для содержания скота, хранения семян и сельхозинвентаря. Нецелесообразное руководство организацией и деятельностью колхозов имели непредвиденные по масштабам убытки. Создавалось впечатление, что власти думали только о том, чтобы выжать из деревни как можно больше средств для модернизации тяжелой промышленности. Индустриализация в СССР проводилась за счет деревни. Большевики считали крестьянство реакционной силой и предпринимали немало усилий к проведению коллективизации ускоренными темпами. Под видом борьбы с кулачеством власти вырывали из деревни рабочую силу, чтобы использовать их как *рабскую силу* для добычи золота, нефти, каменного угля и прочих полезных ископаемых в отдаленных и необжитых районах СССР. Оставшееся «на свободе» крестьянство вынуждено было вступать в колхозы, так как другого выбора у них не было.

Необъявленная война с деревней деформировала не только крестьянскую, но и общенародную ментальность. Престиж труда в сельском хозяйстве падал, и деревня постепенно умирала. Раскулачивание, насильственная коллективизация и последующее разорение колхозного хозяйства государственными заготовками и налогами привели к гибели крестьянства как класса, к разрушению вековых аграрных традиций. Разрушенный аграрный сектор экономики из ведущего донора индустриализации СССР превратился в тормоз на пути социально-экономического развития страны. Запущенное сельское хозяйство стало одной из причин развала Советского Союза.

3. Испытание голодом

Причины голода в СССР 1932–1933 гг. имели субъективный характер и были связаны с ликвидацией новой экономической политики в городе и деревне. Во время нэпа частно-капиталистический сектор был сконцентрирован в городах, поэтому в 1927–1929 гг. удалось быстро установить государственный контроль над ним. В провинции было намного труднее. В конце 1920-х годов Россия представляла собой аграрную страну. Главное внимание советского руководства было обращено на борьбу с растущими мелкобуржуазными отношениями в советской деревне. Едва окрепший за пять лет нэпа российский крестьянин беспокоил

советских вождей своей растущей экономической независимостью.

Государственная атака на деревню началась с непомерного роста натуральных и денежных налогов, обязательной покупки крестьянством государственных займов. Единый сельскохозяйственный налог, который взимался на основе окладного листа с порядком уплаты, сроками, точными недоимками и проч., не выполнялся. Крестьянским хозяйствам, уплатившим все налоги, давались дополнительные задания.

В 1927 г. крестьянство стало понимать, что советское правительство его обмануло. В 1928 г. правительство «повернуло влево» и стало душить деревню государственными хлебозаготовками и налогами. Крестьяне, не выполнявшие план поставок зерна государству, привлекались к суду и аресту с конфискацией оставшейся сельхозпродукции. До полного расчета по государственным поставкам продажа крестьянского хлеба на рынке не допускалась. Крестьяне, отказывавшиеся от сдачи зерна государству, причислялись к социально-опасным элементам, их судили по статье 107 Уголовного кодекса СССР. В селах появились аферисты, продававшие крестьянам фиктивные справки о снижении налога¹.

Крестьяне еще не забыли голод 1921–1922 гг. и в своих жалобах, направляемых в правительство, предупреждали, что возвращение продразверстки может снова довести деревню до голода: «Вы ограбили у крестьян последнее зерно, и теперь оно голодает. Видно довольно ясно, какую гнусную политику проводите после XV партийного съезда, как ведете крестьянство к полной разрухе»². В некоторых анонимках звучали прямые угрозы в адрес Сталина и правительства.

Приемная и секретариат председателя ЦИК М.И.Калинина в 1930–1934 гг. работали с явной перегрузкой. Десятки тысяч разных дел и посетителей прошло через них. Копии отчетов направлялись для ознакомления всем членам Политбюро ЦК ВКП(б) и десяти важнейшим руководителям партии и государства по списку. Ведомство М.Калинина производило прием ходочков, которых насчитывалось от 40 до 50 тысяч в год. Часть заявлений граждан, как явно необоснованных или враждебных, отправлялась в архив³.

¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 89. Д. 5. Л. 55, 103.

² Там же. Д. 9. Л. 10.

³ Там же. Ф. 1235. Оп. 66а. Д. 80. Л. 195. (Обратная нумерация листов в деле.)

Таблица 1

**Ходатайства советских граждан,
поступившие в секретариат председателя ЦИК СССР
в 1926–1934 гг.¹**

<i>Годы</i>	<i>Число ходатайств</i>	<i>% роста к предыдущему году</i>
1926	62057	+28,2
1927	72754	+17,3
1928	101098	+38,3
1929	118685	+17,2
1930	175145	+47,6
1931	117513	-32,9
1932	163364	+39,0
1933	220181	+34,8
1934	162887	-26,0

Как видно из данных таблицы, до 1931 г. происходил неуклонный, довольно сильный рост обращений в секретариат. С 1931 г. количество обращений сокращалось, хотя и незначительно. В 1932 г. — произошел резкий рост числа обращений; такое же примерно повышение отмечалось в следующем году, а в 1934 г. зафиксировано серьезное падение на 26%.

Анализ, проведенный сотрудниками секретариата, показал, что огромная масса обращений 1933 г. была вызвана проводившейся тогда паспортизацией и пропиской — явлением для того времени новым, вызывавшим массу жалоб и вопросов. Но последние составляли только треть всех обращений 1933 г., а какой характер носили другие, более 150 тыс. обращений? Можно предположить, что большинство из них касалось голода 1932–1933 гг. и помощи пострадавшим.

С началом коллективизации большой рост обращений граждан связывался с вопросами раскулачивания и лишения избирательных прав. Свыше 1/3 жалоб и заявлений отражали антиколхозные настроения и недовольство сельчан принудительными методами образования коллективных хозяйств. В 1932 г. более 90% писем в секретариат по колхозным вопросам были проникнуты антиколхозными настроениями, а в последующие годы количество таких обращений сократилось в несколько раз².

¹ Там же. Л. 194.

² Там же. Л. 193.

В 1933–1934 гг. в колхозах проводилась чистка, в результате которой были вычищены «вредители и контрреволюционеры». В Ленинградской области на 1 мая 1934 г. из колхозов было исключено около 40 тыс. хозяйств. По некоторым районам области количество исключенных доходило до 30% от общего числа членов коллективизированных хозяйств. Но статистика не отражает всего трагизма этой колхозной чистки. Так, хозяйство гражданки П.И.Ермаковой (деревня Колокольня Вотвиновского сельсовета Крапивинского района Московской области) считалось трудовым, середняцким и никогда индивидуально госпоставками не облагалось. Муж 10 лет работал на шахтах. Но тем не менее П.И.Ермакову из колхоза исключили. Она обжаловала такое решение в районной инстанции. В ответ сельсовет направил в район вымышленные материалы, будто бы Ермакова являлась владелицей постоянного двора и содержательницей притона. После рассмотрения дела Ермакову восстановили в колхозе, но через месяц вновь исключили на основании тех же ложных материалов. С повторным исключением согласились районные и областные власти, в которые обращалась пострадавшая. Только вмешательство секретариата помогло Ермаковой восстановиться в колхозе¹.

Подобное произошло и с И.Ивановым, работавшим в колхозе «Красный пахарь» Ораниенбаумского района Ленинградской области. До 1914 г. Иванов не имел вообще никакого хозяйства и батрачил, после революции он обзавелся хозяйством, которое к моменту вступления в колхоз достигло середняцкого уровня. Сельсовет предъявил Иванову обвинения в том, что он кулак, и обложил его хозяйство индивидуальным налогом. Через некоторое время все имущество у Иванова было изъято в счет уплаты налога, а сам он из колхоза был исключен. Несмотря на протест пострадавшего, такое решение было утверждено районной властью. Иванов обратился за помощью к М.И.Калинину. По требованию секретариата дело было пересмотрено, имущество было возвращено Иванову, а сам он был восстановлен в колхозе².

В 1930–1934 гг. государственные заготовки зерна буквально опустошали недавно образовавшиеся колхозы. Проведению форсированных заготовок способствовало решение Политбюро ЦК партии и постановление Совета народных комиссаров СССР от 14 января 1932 г. «О хлебозаготовках 1931–1932 гг.». В нем было сказано: «Обязать СНК союзных, автономных республик, краевые

¹ Там же. Л. 190.

² Там же. Л. 185.

и областные исполнительные комитеты по выполнению установленного для них годового плана хлебозаготовок продолжать заготовки сверх плана»¹. Впоследствии, когда в республиках, краях и областях, перевыполнивших план, разразился массовый голод, местные руководители были обвинены в перегибах, выразившихся в нарушении постановления правительства о хлебозаготовках. Некоторые уполномоченные по государственным заготовкам за насильственное изъятие зерна в колхозах были исключены из партии и осуждены к лишению свободы².

Не только колхозники, но и председатели колхозов жаловались М.И.Калинину на то, что хлебозаготовительные планы превышали валовые сборы колхозов, поэтому после выполнения заготовок колхозы оставались без посевного и фуражного зерна. Признавая хлебозаготовительные планы нереальными, районные власти все же настаивали на их выполнении. Для покрытия невыполненных хлебозаготовительных планов по единоличному сектору и отставшим колхозам в административном порядке давались встречные планы колхозам, перевыполнившим план сдачи хлеба. Таким образом, создавался замкнутый круг, выйти из которого можно было только обеспечив госпоставки зерна.

Первое место по количеству жалоб в вопросах заготовок занимала Центральная Черноземная область (ЦЧО). Председатель колхоза «Новая сила» Данковского района ЦЧО писал, что валовой сбор гречихи у них составлял в среднем 26 пудов с га, а план заготовок на данную культуру был дан в 132 пуда. Вики собирали по 175 пудов с га, а сдавать должны были по 480 пудов. После заготовок от урожая хлеба в колхозе оставалось всего 740 пудов, а по картофелю государственный план превышал валовой сбор в колхозе на 11 140 пудов³.

Куда же девалось огромное количество зерна, изъятого из деревни? Во-первых, пополнялись государственные хлебные резервы на случай войны. Во-вторых, оно шло на продажу за рубеж, с целью пополнения государственного валютного фонда. В 1930–1932 гг. основной проблемой правительства был дефицит железнодорожных вагонов, речных и морских судов для транспортировки зерна (пшеницы, ячменя, кукурузы) за границу. Вывоз шел из Поволжья, Северного Кавказа и Украины по железной дороге и через черноморские порты⁴.

¹ Там же. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 463. Л. 11.

² Там же. Ф. 1235. Оп. 66а. Д. 80. Л. 180.

³ Там же. Л. 166.

⁴ Там же. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 8а. Л. 9–10, 64.

Главной причиной массового голода была сплошная коллективизация и раскулачивание в важнейших зерновых районах страны, выселение крестьянских семей в необжитые районы СССР. Опубликованное в «Правде» 6 января 1930 г. постановление ЦК ВКП(б) о темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству предостерегало парторганизации об опасности подмены социалистического соревнования по организации колхозов игрой в коллективизацию. Но секретные постановления партии и правительства, например секретное постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г., прямо предписывали беспощадные меры при проведении сплошной коллективизации.

Секретные постановления предписывали в районах сплошной коллективизации (это были главные зерновые районы СССР) немедленно отменять в отношении крестьянских хозяйств действие закона об аренде земли, конфисковать у кулаков средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке, зерно и сельскохозяйственное сырье. Планировалось все это передать создававшимся колхозам, которые, однако, не были подготовлены к приему техники, скота и зерна по причине отсутствия крупных укрытий для техники, теплых помещений для скота, амбаров для длительного хранения зерновых культур. Вследствие этого техника оказалась под снегом и дождем, значительная часть тяглового и продуктивного скота погибла, зерно портилось. В результате значительная часть урожая ушла под снег. Необходимых запасов хлеба в деревне фактически не осталось.

Государственные заготовки не прекращались, так как обеспечение растущего населения городов требовало большого количества продовольствия. Деревня оставалась без хлеба, а в городах положение с продовольствием становилось все более напряженным. В письмах с мест сообщалось об ухудшении снабжения городского населения хлебом. В письме М.Ф.Бирштейна, отправленном из г. Воронежа 22 февраля 1930 г. председателю СНК СССР А.И.Рыкову, был поставлен вопрос: «Что заставило вас отказаться от собственных убеждений в оценке государственного курса?»

Прямая дорога ваша и многих ваших единомышленников отразилась бы более благоприятно на положении страны, чем трудность и поворот назад...

Население умирает. Голод привел его в смятение... Зачем же Правительство здоровую пищу — пшеницу, сахар и прочее отдает

за границу и держит население на навозном корме? То, что выигрывается на продаже... теряется на борьбе с эпидемиями, всем расстройством жизни»¹.

Следующее письмо поступило по тому же адресу после осенних государственных заготовок 1930 г. Колхозники из села Круглое Донского округа просили А.И.Рыкова «...выслать бригаду, которая могла бы проверить тех работников, которые грабят крестьян. Этих товарищей нужно лишить звания коммуниста.

Крестьяне-бедняки, которые боролись за советскую власть, ходят оборванные и голодные. Нет им жизни, которую обещал В.И.Ленин. В деревне враги, которые хотят подорвать СССР. Много деревень они подавят голодом. Дайте крестьянам помощь»².

О недовольстве народа действиями руководства страны в центре и на местах сообщал в своей жалобе участник Гражданской войны В.Куклитский. «Мне наша свобода, — писал он, — досталась трудно, поэтому считаю вправе вас предупредить. Видя везде развал из-за неумения нашей верхушки руководить работой, 75% рабочих уже не верит вам, потому что всюду только красивые слова, а на деле — голод.

Рабочие поговаривают, что наша верхушка — все вредители, пора браться за оружие, так как за слова в тюрьму сажают, правды не говори.

В 1923–1925 гг. были годы ленинские — восстановительные, гораздо лучше можно было жить, а сейчас — сталинские — хоть ложись да помирай. Огромные очереди во всех магазинах так озлобляют жен, что они считают нас дураками за то, что так долго терпим тяжкие муки. Голод — не свой брат и всякому терпению есть предел. В особенности террор ОГПУ разлагает окончательно желание трудиться.

Надеюсь, моего письма так не оставите и приедете, поговорите с рабочими. Только не Рыковым, а представьтесь каким-нибудь небольшим человеком»³.

Копии жалоб такого рода секретариат СНК СССР секретной почтой направлял в ЦК ВКП(б) для сведения, а подлинники — в ОГПУ для преследования недовольных.

В декабре 1930 г. председателем СНК СССР был назначен В.М.Молотов, но поток жалоб не уменьшался. Вот что писал рабочий из Москвы член ВКП(б) А.Сучков (просивший не оглашать его

¹ Там же. Оп. 89. Д. 16. Л. 188.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Д. 17. Л. 368.

фамилию): «Мне во время отпуска пришлось побывать в двух областях. Там голодают хуже 1921 г., настроение масс — не в нашу пользу.

В 1928–1930 гг. хлеб везде можно было купить и по низкой цене. 1 пуд хлеба стоил 1 руб., а теперь 1 пуд стоит 100 руб.

Вы действительно сумели забрать у колхозов весь хлеб. Закрыли рынки и базары, чтобы никто ничего не продавал. Этим вы оставили целые области голодными. Люди едят павших лошадей.

Снабжение рабочих в городах плохое. Дают по 6–15 кг муки на месяц. Больше ничего. Как хочешь, так и живи, и работай.

Вы пишете, что в Советском Союзе хорошо жить, голода нет, нет принудительного труда. В СССР все есть: и голод, и холод, и принудительный труд. Не говоря уже о выселенцах, которых вы загнали в тайгу, держите в голоде и принуждаете работать.

Теперь возьмите Москву. На производстве — протекционизм и жульничество. Особенно в отделе снабжения. В столовых есть совершенно нечего»¹.

Люди голодали, а правительство усиленно наращивало запасы зерна и других видов продовольствия на случай войны. Рассмотрим поступление зерновых (в основном пшеницы) государству за ряд лет в таблице 2.

Таблица 2

**Поступление зерновых культур по СССР
в 1930–1935 гг. (млн т)²**

Годы	Заготовки без гарцевого сбора	Гарцевый сбор	Хлебозакупки	Всего поступило		% выполненная годового плана
				в абс. кол-ве	в % к 1928–29 гг.	
1930	19,542	2,173	—	21,715	206,1	—
1931	20,819	1,486	—	22,305	211,7	—
1932	17,134	1,201	0,253	18,589	176,4	—
1933	21,198	1,509	0,405	23,112	219,3	—
1934	21,326	1,462	3,504	26,293	249,5	—
1935	24,041	1,387	3,483	28,912	274,4	100,2

¹ Там же. Д. 20. Л. 211–215.

² РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 360. Л. 1–2.

Приведенные нами данные свидетельствуют о том, что форсированные государственные заготовки явились главной причиной голода. Осенью 1932 г. поставки зерна колхозами несколько снизились, но в следующем году они вновь резко возросли. Тенденция к росту сохранилась и в последующие два года. В 1934 и 1935 гг. государственные заготовки зерна в колхозах СССР значительно превысили уровень заготовок царской России в 1913 г.¹

Государственные заготовки зерна оставили людей без хлеба, а колхозный скот — без кормов. В 1931–1932 гг. пало от истощения и было забито 13,9 млн конского поголовья, 29,8 млн голов крупного скота и больше половины свиней, овец и коз². Животноводству колхозов был нанесен такой урон, после которого оно уже не смогло восстановиться до уровня 1927–1928 гг.

Летом 1932 г. в ряде зерновых районов СССР был хороший урожай (хотя полностью собрать его, по разным причинам, не удалось). По сообщениям из Нижневолжского края, люди все же переживали страх перед голодом, подобный злопамятному 1921 г.³ Из письма, посланного в декабре 1932 г. Молотову узнаем, что «при наличии самых благоприятных климатических условий, Украина вступает в стадию массового голода»⁴.

По многочисленным свидетельствам очевидцев, подобное происходило и в предыдущем 1931 г., когда урожай зерновых был неплохой, но весь его также забрали из колхозов по государственным заготовкам⁵. Колхозники получили на трудодни хлеба совершенно недостаточно, чтобы дожить до нового урожая, а цены на хлеб и пшено на рынке были очень высокие — от 40 до 80 руб. за пуд⁶. В Воронежской, Курской и Орловской областях заготовители скупали у крестьян за бесценок картофель и капусту.

Учитывая эти обстоятельства, а также то, что имелись резервные запасы хлеба, руководство страны вполне могло принять решительные меры, чтобы не допустить развития массового голода, о приближении которого оно получало сигналы с мест. Вместо того чтобы минимально обеспечить людей хлебом и остановить массо-

¹ Там же. Л. 1.

² ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 45. Л. 407. Отчет ЦСУ Госплана СССР о выпуске промышленной и сельскохозяйственной продукции в 1928–1946 гг. по сравнению с 1913 г.; Сельское хозяйство СССР. Стат. Сборник. М., 1971. С. 33–34.

³ Там же. Ф. 1235. Оп. 66а. Д. 107. Л. 2–3.

⁴ Там же. Ф. 5446. Оп. 89. Д. 21. Л. 103.

⁵ Там же. Д. 20. Л. 230.

⁶ Там же. Л. 195.

вые выходы голодных женщин и детей в поля на срезку еще не убранных колосков пшеницы, большевистское руководство готовило соответствующий закон, предусматривающий самые суровые наказания (вплоть до расстрела) за подобные «преступления».

Поскольку правительству нужен был официальный акт, то Сталин направил свой проект Л.Кагановичу и В.Молотову. 7 августа 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». За крупные хищения грузов во время их перевозки предлагалось применение высшей меры социальной защиты — расстрел, с конфискацией всего имущества; или, при смягчающих обстоятельствах, лишение свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией имущества. К преступлениям такого рода не применялась амнистия.

Колхозное и кооперативное имущество (урожай на полях, запасы зерна, скот, кооперативные склады и магазины и т.п.) таким образом, по своему значению приравнивались к государственному имуществу.

Стремясь предотвратить бегство крестьян из колхозов, власти приравнили последнее к государственному преступлению: предлагалось применять самые суровые меры — лишение свободы от 5 до 10 лет с заключением в концентрационный лагерь, исключая амнистию.

Данное постановление было опубликовано в № 218 «Известий ЦИК Союза ССР и ВЦИК» от 8 августа 1932 г.¹

Названное постановление и закон были лишь началом очередной волны репрессий. Через месяц председатель Верховного суда СССР А.Винокуров, прокурор того же суда П.Красиков, заместитель председателя ОГПУ И.Акулов подготовили подробную инструкцию по применению закона от 7 августа 1932 г., которая была утверждена постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 16 сентября. Инструкция допускала применение закона и в отношении совершивших хищения государственной и общественной (социалистической) собственности до издания законодательного акта от 7 августа 1932 г., т.е. в особых случаях временные рамки действия закона отодвигались в прошлое.

Под действие закона попадали хищения заводского, фабричного, совхозного имущества, а также из государственных торговых точек, колхозов, кооперативов, грузов железнодорожного, водного транспорта. В разделе «Категория расхитителей и мера социальной защи-

¹ Конституции и конституционные акты Союза ССР (1922–1936). М., 1940. С. 141–142.

ты, которую необходимо к ним применить», состоявшем из семи пунктов, высшая мера наказания предусматривалась в каждом пункте.

По делам о хищениях судебно-следственные органы обязывались заканчивать расследования и выносить приговоры не дольше чем в 15-дневный срок с момента раскрытия преступления и возникновения дела, как исключение, только в отношении дел, по которым проходило большое количество обвинявшихся, такие сроки могли увеличиваться до 30 дней¹.

По неполным данным только в России во время голода 1932–1933 гг. действию закона подверглось более 200 тысяч человек. Сведения по СССР в процентах представлены в таблице 3.

Таблица 3

**Применение закона от 7 августа 1932 г.
(за период с августа 1932 по март 1935 гг., в %)²**

<i>Годы</i>	<i>ВМН (расстрел)</i>	<i>10 лет лишения свободы</i>	<i>Прочие меры</i>
С 7.VIII.–1932 по 1.I.1933 г.	3,5	60,3	36,2
1933 (I квартал)	5,4	84,5	10,1
1934 (I кв.)	1,6	76,1	22,3
Кроме того, в отношении классово-враждебных и деклассированных элементов	2,6	84,2	13,2
1935 (I кв.)	2,3	77,3	20,4
Кроме того, в отношении классово-враждебных и деклассированных элементов	7,4	78,1	14,5

Данные таблицы свидетельствуют о том, что действие закона от 7 августа 1932 г. достигло максимума именно в разгар массового голода, т.е. в I квартале 1933 г. В начале 1934 г. голод пошел на убыль, поэтому репрессии государства повернулись против классово-враждебных и деклассированных элементов: кулаков, «со-

¹ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. С. 321–324.

² ГАРФ. Ф. 1235 с ч. Оп. 66а. Д. 146. Л. 45–46.

циально-чуждых» специалистов, троцкистов, «правых» и проч. В 1935 г. поиск врагов и расправа с ними по закону от 7 августа 1932 г. усилились, что подтверждается ростом «расстрельных» приговоров. Параллельно возрастало количество арестов и приговоров по 116 и 162 статьям уголовного кодекса (хищение в незначительных размерах). Наказаниям за мелкие хищения зерна, овощей, дров и проч. подвергались дети до 12 лет¹.

Осенью 1932 г. голод охватывал не только сельскую местность, но и города. Москва была наполнена нищими. На вокзалах толпы крестьян в лаптях и рваных армяках. Женщины и дети метались в поисках хлеба, но хлеб — только по карточкам. Рабочие получали по два фунта только на трудоспособного, а семья была полуголодная. Мысли и разговоры — только об одном, о картошке, огурцах и капусте. В Москве картофель стоил 50 коп. за штуку. Во всем Союзе не было таких мест, где бы ржаная мука продавалась дешевле 50 руб. за пуд².

В феврале 1933 г. голод усилился. В Пензе голодание городских жителей достигало уровня февраля голодного 1922 г. В магазинах города по 10 дней не продавали хлеба по карточкам, и в дальнейшем не возмещали его гражданам. На колхозных рынках после постановления правительства о свободной продаже хлеба цена за 1 пуд муки возросла с 50 до 150 руб. Городские власти мало уделяли внимания вопросу обеспечения граждан продовольствием. Судя по сообщениям с мест, люди знали, что власти располагали запасами продовольствия, но не помогали голодавшим. Местные власти получали предупреждения о том, что если они своевременно не примут мер по улучшению снабжения, то в Пензе может произойти народное восстание³.

Рабочий Московского завода «АМО» имени Сталина И. Конопатчиков во время отпуска побывал в Новороссийске. То, что он там увидел, он описал в письме на имя Молотова: «В городе, если можно так выразиться, полнейший голод, напоминает 1922 г., когда мы переживали разруху после войны. Никак не мыслимо видеть такое явление в период расцвета и роста.

Я наблюдал такой случай. В порту на иностранном пароходе проходила погрузка макухи (жмыха)... Когда вскрыли амбары, то рабочие кинулись ее есть. В это время с парохода стали их фотографировать, дескать, в Советском Союзе голод.

¹ Там же. Л. 90.

² Там же. Ф. 5446. Оп. 89. Д. 21. Л. 103.

³ Там же. Л. 186–187.

Если писать обо всех безобразиях, то вам надоест читать. Я как комсомолец и гражданин считаю, что такое явление в корне недопустимо, что тут есть вредительство...

Думаю, что рабочее правительство не допустит вымирания жителей до 100 человек в день»¹. Заведующий секретариатом председателя СНК СССР направил копию письма рабочего-комсомольца в ОГПУ.

Массовый голод достиг наивысшей степени интенсивности с конца 1932-го по июнь 1933 г. (включительно). Он охватывал густонаселенные территории Центрального Черноземья (Воронежскую, Курскую и Орловскую области), Средней и Нижней Волги, Северного Кавказа (Ростовскую обл., Кубань и Ставрополье), Юг Украины, Юг Урала, Северный Казахстан и Западную Сибирь. Всего голодало более 30% населения СССР².

Голод 1932–1933 гг. отличался от предыдущего голода 1921–1922 гг. тем, что от него больше всего пострадали жители деревни. Судя по данным переписи населения СССР 1937 г., вследствие раскулачивания, коллективизации и вызванного ими голода произошло сокращение населения Саратовской, Курской, Калининской, Куйбышевской, Киевской, Харьковской, Одесской областей, Казахской АССР, Республики немцев Поволжья³.

Голод подстегнул миграцию крестьян из колхозной деревни в города. В 1930-е гг. наблюдался необычайно высокий рост городского населения за счет сельского. Превышение численности сельского населения над городским в целом по СССР сильно снизилось. Тенденция к сокращению численности жителей села была особенно заметна по территории РСФСР. Переселение семей наблюдалось в основном из сельских восточно-европейских регионов на Урал, в Сибирь и на Дальний Восток, где в это время набирало темпы промышленное строительство.

В те же годы городское население Московской и Ленинградской областей возросло за счет мигрантов почти в 2 раза, и, соответс-

¹ Там же. Д. 22. Л. 46.

² Эта цифра основана на данных, приведенных Е.А.Осокиной в книге «Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения 1928–1935 гг.» (М., 1993. С. 60); расчетах Н.А.Ивницкого, см. его: «Голод 1932–1933 гг.» (М., 1995. С. 64); «Судьбы российского крестьянства» (М., 1996); подсчетах В.А.Исупова, приведенных в его монографии «Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки» (Новосибирск, 2000. С. 93) и др.

³ Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 26–28.

твенно, в 2–3 раза превысило сельское. Подобное происходило и в Свердловской области, где горожан стало намного больше, чем сельских жителей. По сравнению с 1920-ми гг. было значительное преобладание горожан над сельчанами в Новосибирской, Горьковской, Ростовской, Молотовской, Челябинской областях, а также в Приморском и Хабаровском краях¹.

Целые области СССР в короткий срок были превращены в городские и промышленные, а сельское хозяйство — сокращено до минимума. Эти многомиллионные мегаполисы становились потребителями продовольствия, поставляемого из других сельскохозяйственных регионов страны.

Таким образом, голод — это не только полное отрицание человеческих прав, включая право на жизнь, но самый изощренный способ физического и морального унижения, порабощения людей куском хлеба.

Голод 1932–1933 гг., державший в смертельных тисках почти половину населения СССР, являлся государственной тайной. Ранней весной 1933 г., когда голод обострился до крайней степени, районы вокруг Москвы были оцеплены контрольными постами частей ОГПУ, милиции и Красной Армии. Беженцы из голодных районов Юга России и Украины, Поволжья, Южного Урала, Северного Казахстана и Западной Сибири не должны были проникать в Москву.

1 мая 1933 г. на Красной площади в Москве как обычно проходила праздничная демонстрация трудящихся. На следующий день в Кремле состоялась встреча руководства страны с передовиками производства, прибывшими со всех концов для участия в первомайском празднике. Во время застолья гости стали аплодировать и просить Сталина выступить. Он долго не соглашался, затем поднялся с места и сказал, что его заставляют произнести речь. Для того чтобы его было видно всем, он медленно поднялся на стул и сказал о том, что русская нация — самая талантливая в мире. В России впервые в истории произошла пролетарская революция. Ее возглавил Ленин — лучший сын России, основатель СССР — первого в мире социалистического государства. Для победы мировой пролетарской революции необходимо это государство сделать мощным и сильным, Красную Армию обес-

¹ ЦСУ Госплана СССР. Численность населения СССР на 17 января 1939 г. по районам, районным центрам, городам, рабочим поселкам и крупным сельским населенным пунктам. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. М., 1941. С. 6–10.

печить новейшей авиацией, танками, подводными лодками и кораблями.

Далее Сталин говорил о значении индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и создании колхозного строя, призванного приблизить крестьянство к пролетариату. Из его слов можно было понять, что коллективные хозяйства в деревне должны были повлиять на крестьянский менталитет и способствовать изменению национального характера крестьян. В заключение Сталин сказал: «...Как его перевоспитать и сделать из него человека? Как добиться того, чтобы он свои личные интересы не противопоставлял интересам государства, а сливал с интересами государства. Сказать, что мы можем этого добиться путем одного убеждения, — это чепуха. Убеждение — очень большое дело, массовая агитация, массовая пропаганда — все это очень хорошо, но этого мало. Тут необходим целый ряд средств экономического, организационного характера. Все эти разнообразные средства, от метода убеждения до метода экономического воздействия на мужика, плюс репрессии — все надо сочетать»¹.

Несмотря на массовый голод в стране, правительство продолжало продавать своим гражданам продукты питания за иностранную валюту и золото через так называемые торгсины — магазины для торговли с иностранцами. Любой человек мог принести туда валюту, золотое кольцо, серьги, монеты. Там вещь оценивалась в рублях, и на определенную сумму выдавался нужный товар. Голодные люди несли все, что у них было.

Всесоюзное объединение «Торгсин» было образовано в начале 1931 г. За один год из небольшой организации с 5–7 филиалами в некоторых портах Союза оно превратилось в мощное предприятие, имевшее свыше 50 отделений, расположенных во всех крупных пунктах страны. В самом начале 1932 г. «Торгсин» получил разрешение на торговлю в обмен на ломзолото и золотые монеты. В Москве в приемном пункте объединения на Тверской улице, № 20 наблюдались большие очереди, в Ленинграде — тысячные толпы².

План, намеченный СНК СССР по покупке золота «Торгином», составлял более 10,7 т, что в 6 раз больше плана 1931 г. По установке, данной правительством, Всесоюзное объединение должно было

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1117. Л. 1. Речи и беседы И.В.Сталина за 1933 г., не вошедшие в Собрание его сочинений. Конспективная запись речи Сталина 2.V.33 г. в Кремле.

² ГАРФ. Ф. 8341. Оп. 1. Д. 2113. Л. 1–1об.

создать торговые точки во всех более-менее значительных по численности населения городах. Кроме того, был введен новый вид операций по приему от граждан бриллиантов, ценных золотых изделий, картин и разного антиквариата. В свою очередь «Торгсин» требовал от государства поставок в свои магазины отличных экспортных товаров: продовольствия и предметов широкого потребления¹.

Обратимся к динамике роста государственных доходов. В 1931 г. через это объединение государство получило 6 млн руб., в 1932 г. — 49,2 млн, в 1933 г. — 106, 3 млн руб. (по другим данным: в 1931 г. — 6 млн 962 тыс. руб., в 1932 г. — 49 млн 292 тыс. руб., в 1933 г. — 105 млн 359 тыс. руб.)²

В те же голодные годы, по директиве Политбюро ЦК ВКП(б), ОГПУ, которое и раньше занималось конфискацией ценностей у граждан, было обязано усилить работу по изъятию валюты, золота и драгоценностей у советских граждан³.

Под предлогом борьбы со спекуляцией валютой и золотом чекисты, по наводке осведомителей и своих агентов, производили обыски на квартирах граждан и изымали найденные драгоценности. Судя по жалобам, обыскам и изъятию ценностей подвергались не только бывшие нэпманы и так называемые «лишенцы», но рабочие и служащие, попадавшие под подозрение. Людям, подвергавшимся обыску, предъявлялось ни на чем не основанное обвинение в том, что они занимались спекуляцией. Их подвергали аресту и направляли в дома заключения, где держали по 10–20 и более суток. На допросах в ОГПУ от них требовали заявить о добровольной сдаче валюты и драгоценностей государству. Под страхом дальнейшего содержания в тюрьме, граждане вынуждены были подписывать такие заявления.

Обыватели называли эти акции ОГПУ новым видом раскулачивания. При этом власть никому и никогда не запрещала покупать и держать у себя дома золотые вещи. В Москве работали ювелирные магазины, открыто продававшие советским гражданам золотые украшения. По мнению пострадавших, власти в центре и на местах допускали левацкие перегибы.

Мало того, работники ОГПУ путем угроз и обмана присваи-

¹ Там же. Л. 3.

² Голод 1932–1933 годов на Украине: причины и последствия. Киев, 2003. С. 462. (На укр. яз.).

³ *Осокина Е.А.* Советская жизнь: обыденность испытания (на примере истории Торгсина и ОГПУ) // Отечественная история. 2004. № 2. С. 114–116.

вали себе изъятые у населения золотые вещи. Вот что сообщил в письме на имя председателя СНК СССР Молотова 70-летний Н.Н.Поливин: «Покойный декан по кафедре хорового пения Московской консерватории Ал.Д.Кастальский в 1903 г. за мои успехи в пении в течение 35 лет выхлопотал и лично преподнес мне крытые золотом часы с двуглавым орлом на крышке, оцененные в 500 руб. золотом. Эти часы с гравировкой «За успехи в пении» всю жизнь служили мне золотым дипломом для получения должности регента хора.

Начальнику Раненбургского отделения ОГПУ тов. Козыреву очень понравились эти часы. 20 декабря 1932 г., чтобы завладеть ими, он посадил меня в тюрьму, мотивируя, что на часах изображен царский орел. Под страхом ссылки на 10 лет в Соловки и расстрела, он приказал мне под его диктовку написать, что часы я добровольно подарил тов. Козыреву. Оставил часы у себя, а меня выпустил из тюрьмы. Дал 100 руб., угостил обедом и вручил мне медные часы своего сына.

Ваш секретариат предложил мне обратиться к прокурору по делам ОГПУ в Верховном суде (Спиридоновка, 30). Я обращался в феврале и в конце марта с.г., но никто не ответил»¹.

3 июня 1933 г. из секретариата СНК СССР письмо Поливина было направлено в ОГПУ Ягоде на рассмотрение².

Во время голода у граждан отбиралась иностранная валюта, полученная по почтовым переводам. Жительница дер. Журбино Селецковского сельсовета Костюковичского района Белоруссии Н.Л.Трофимова получила от мужа из Северо-Американских Соединенных Штатов 707 долларов. Через некоторое время к ней пришел уполномоченный ОГПУ и забрал у нее эти деньги, сказав, что замснит ей валюту на советские деньги, но не сдержал своего обещания. Трофимова обратилась с жалобой к Молотову. После ряда запросов из Москвы к прокурору Белоруссии местные власти ответили, что конфискованная валюта была передана на таможду как контрабанда. На запрос из секретариата Молотова в ОГПУ в Москве был получен ответ от помощника начальника экономического управления ОГПУ Фельдмана. В нем говорилось, что Трофимова занималась скупкой американских долларов, золотых рублей, поэтому деньги у нее были конфискованы правильно и возврату не подлежат³.

¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 89. Д. 22. Л. 58.

² Там же. Л. 59.

³ Там же. Д. 23. Л. 288–289.

Таким же образом в трудные 1931–1934 гг. по приказу сверху при обысках изымали у людей золотые монеты, кресты, серьги и кольца. Посыпались жалобы возмущенных граждан в ЦИК СССР, но из ОГПУ отвечали, что это делалось на основании постановления Совета труда и обороны, в котором хранение золота в 50-километровой пограничной полосе приравнивалось к контрабанде. При этом добавлялось, что жалобщики настроены антисоветски, поэтому ходатайства о возвращении золотых вещей не принимались. Золотые вещи, правда, изымались по всей территории страны далеко от государственной границы. После того как золото изъяли, начали отбирать у людей серебро, ценные вещи и даже облигации. Экспроприация коснулась иностранных специалистов, приехавших в СССР по приглашению советского правительства на строительство заводов «Севкабель», «Электросила», «Ижорский», «Красный Октябрь» и др. 28 сентября 1932 г. они жаловались М.И. Калинину на изъятие у них золота и валюты¹.

¹ Там же. Ф. 1235. Оп. 66а. Д. 99. Л. 1–4.

Часть вторая

ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ТЕРРОР В СССР
1936–1939 гг.

Глава первая

СТАЛИНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ 1936 г. И ВЫБОРЫ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР В 1937 г.

1. Подготовка и принятие нового текста Конституции СССР

Политический режим, созданный И. Сталиным и его окружением в 1930-е гг., противопоставил себя народам советской страны, постоянно находясь в состоянии конфронтации со своими гражданами. Обострение противостояния власти и народа, вылившееся в войну с крестьянством в начале 1930-х гг., переросло в открытое избиение всех слоев населения с целью нагнетания страха и покорности. «Обнаженный меч» сталинского террора — НКВД, направляемый директивами Политбюро ЦК и мощной политической пропагандой, рубил без разбора. От него больше всего пострадали рядовые граждане, далекие от власти и политики. Даже те, кто уцелели, приспособились к режиму и не были репрессированы, жили и работали под постоянной угрозой ареста, неосознанно сохранили этот страх и передали его своим детям. Некоторые из таких людей до сих пор считают, что власть действовала правильно, оправдывают сталинскую политику физической расправы с инакомыслящими гражданами в 1937–1938 гг.

Видимость демократизации советского государства нужна была для привлечения экономической помощи со стороны наиболее развитых капиталистических стран. Государственная экономика СССР, особенно ее военно-промышленный сектор, постоянно нуждалась в кредитах из США, Англии, Германии и других стран. Громкая политическая пропаганда по поводу написания, обсуждения и принятия новой конституции была больше рассчитана на зарубежных читателей, чем на граждан СССР. Поскольку масштабы политического террора тщательно скрывались, то двойная политическая игра оказывала нужное влияние на развитие выгодных международных отношений советского правительства в 1930-е годы. Сталину верили зарубежные кредиторы, с которыми он всегда расплачивался в назначенный срок золотом, алмазами и валютой.

На подъеме новой волны политических репрессий сталинское руководство готовило новый текст конституции, которая, по его мнению, должна была отразить «последние достижения» строительства социализма в СССР. 11 июня 1936 г. Президиум Центрального исполнительного комитета СССР заслушал доклад председателя конституционной комиссии Сталина о проекте Конституции СССР. В последовавшем постановлении Президиум ЦИК СССР одобрил проект и принял решение созвать 25 ноября 1936 г. Всероссийский съезд советов, а проект Конституции СССР опубликовать для всенародного обсуждения. 5 декабря 1936 г. Чрезвычайный Всесоюзный съезд Советов СССР утвердил текст Конституции (Основного закона) СССР.

В I главе Конституции «Общественное устройство» было заявлено, что СССР — социалистическое государство рабочих и крестьян, где власть принадлежит трудящимся города и деревни в лице советов. Статья 30 провозгласила высшим органом государственной власти СССР Верховный совет СССР, хотя фактически роль данного органа с начала 1930-х годов заметно ослабла. Президиум Верховного совета СССР, возглавляемый М.И.Калининым, все больше выступал в роли бюро по приему заявлений и жалоб жителей деревни и города. Советы депутатов трудящихся на местах были проводниками политики партии. Статьи 64 и 65 главы V определяли, что высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти являлся Совет народных комиссаров СССР, который ответственен и подотчетен перед Верховным советом СССР, а в период между сессиями — перед Президиумом Верховного Совета СССР¹. Такого подчинения не было. Председатель Президиума Верховного совета СССР подписывал постановления и распоряжения, подготовленные в ЦК ВКП(б).

В отличие от Конституции РСФСР 1918 г., опиравшейся на революционную законность, и конституции СССР от 1924 г., Конституция СССР 1936 г. делала упор на социалистическую демократию. Она отменила ряд имевшихся прежде несправедливых и необоснованных ограничений, когда, например, рабочие при реализации избирательного права имели большие преимущества перед крестьянами. В деревне во время насильственной коллективизации значительная часть политически сознательного крестьянства была уничтожена или выслана в необжитые районы с

¹ Конституции и Конституционные акты Союза ССР (1922–1936). М., 1940. С. 179, 182, 184.

лишением избирательных прав. Крестьяне, вступившие в колхозы, были запуганы террором, боялись выдвигать политические и социально-экономические требования. Расстановка сил по социально-классовому принципу сильно изменилась. Об этом хорошо знали руководители партии и правительства, поэтому новая конституция уже не нуждалась в прежних классовых ограничениях для деревни. Крестьянства как политической силы больше не существовало, а колхозы представляли собой разновидность государственного советского предприятия.

Многие поверили, что новая Конституция остановит преследования по политическим статьям. В информационный отдел Верховного совета СССР и ЦК ВКП(б) от граждан поступали письма с предложениями по проекту Основного закона. По поручению Совнаркома была создана специальная группа правоведов для изучения текстов конституций США, Швеции и Финляндии, с целью возможного использования опыта, было изучено Положение о Государственной думе царской России. Советские специалисты подвергли резкой критике основные положения буржуазных конституций, а их опыт сочли совершенно неприемлемым для Страны Советов.

По содержанию сталинская Конституция 1936 г. была освобождена от революционного романтизма предыдущих Конституций. По сравнению с Конституцией 1918 г., в новой Конституции уже не было обманчивой анархической идеи об отмирании государственной власти, полного устранения деления общества на классы, передачи земли трудящимся без всякого выкупа¹. Тексты (точнее, подтексты) советских конституций провозглашали торжество власти над трудящимся человеком. Конституция СССР 1936 г. закрепила незыблемость государственной власти в лице большевистской партии. Советы выполняли роль придатка политической системы. В ней права и обязанности граждан, по сравнению с текстом Конституции 1918 г., были передвинуты на сто пунктов назад². Здесь же, в главе об основных правах и обязанностях граждан, было сказано, что «...наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзную коммунистическую партию большевиков, являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как обще-

¹ Конституции и Конституционные акты РСФСР (1918–1937). М., 1940. С. 22–24, 162–163.

² Конституции и Конституционные акты Союза ССР (1922–1936). С. 188.

ственных, так и государственных»¹. Конституция 1936 г. не оставила в стороне и вопрос о неприкосновенности личности и о том, что «никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора», а «неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняется законом»².

По содержанию текст Конституции 1936 г. создавал видимость советской демократии, но по претворению в жизнь имел ярко выраженный античеловеческий характер.

В главе IX (статья 111) было записано, что разбирательство дел во всех судах открытое, с обеспечением обвиняемому права на защиту. Статья 112 определяла независимость судей, подчинявшихся только закону³. Все это не соответствовало действительности, поскольку широко применялась практика внесудебных решений троек НКВД за «преступления», приравненные к государственным. На основании постановления Центрального исполнительного комитета и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укрепления общественной (социалистической) собственности», ставшего Законом, арестам подвергались взрослые и дети, лишение свободы для которых, в качестве меры наказания, определяли не судебные структуры, а сотрудники спецслужб. Кроме того, этот закон предусматривал не только лишение свободы, но и изъятие имущества осужденных вне зависимости от меры наказания⁴.

Постановление Центрального исполнительного комитета СССР от 10 июля 1934 г. об образовании Народного комиссариата внутренних дел с включением в его состав Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) имело целью усилить роль спецслужб для разоблачений врагов партии и Советской власти. Главное управление государственной безопасности (новое название ОГПУ в системе НКВД) получало право направлять политические дела (измена Родине, шпионаж и проч.) в военную коллегия Верховного суда СССР или в военные трибуналы. На основании данного постановления при народном комиссаре внутренних дел СССР было организовано Особое совещание, которому предоставлялось право применять в административном порядке высылку, ссылку и заключение граждан в исправительно-трудовые лагеря⁵.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. С. 187.

⁴ ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 1. Л. 133.

⁵ Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1934. № 160. 11 июля.

Убийство С.М.Кирова послужило поводом для усиления репрессивной политики. Постановлением Президиума ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г., продиктованным Сталиным, срок следствия был установлен до 10 суток, с вручением обвинительного заключения за сутки до суда. В процессе следствия и суда не предусматривалось участие прокурора и адвоката, отменялось кассационное обжалование приговора и просьба о помиловании. Как и в революционное время, вновь вводилась практика внесудебного рассмотрения дел, а в случае большого их потока приговоры и расстрелы производились по спискам. 30 марта 1935 г. был принят закон об ответственности членов семей изменников Родины (ЧСИР). Если жена, дочь, сын не отказывались от своего мужа или отца, они подвергались заключению на 8 лет или направлялись в ссылку.

Сталинское руководство включило в статью 137 главы XI Конституции 1936 г. краткую, но четкую запись: «...Измена родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж — караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние»¹. Эта запись перечеркивала неприкосновенность личности и жилища граждан, тайну переписки и все другие права. Она позволяла органам госбезопасности действовать по своему усмотрению: вести слежку, арестовывать по любому доносу, применять недозволенные методы во время следствия, чтобы добиться признания в несодеянном преступлении. Новая Конституция не отменяла законы, принятые до декабря 1936 г., поэтому обвиняемых по доносам судили по закону от 1 декабря 1934 г. — без прокурора, адвоката и без права обжалования приговора. Практически Конституция СССР 1936 г. позволяла властям расправляться с любым человеком, попавшим под подозрение.

Содержание Конституции 1936 г. и последующие законы деформировались секретными инструкциями правительства. По многочисленным просьбам граждан, направляемым в Верховный суд, Наркомат юстиции и Прокуратуру СССР, обсуждался вопрос о смягчении действия закона от 7 августа 1932 г. в части условно-досрочного освобождения. 14 февраля 1939 г. председатель Верховного суда СССР И.Т.Голяков убеждал председателя СНК СССР В.М.Молотова, что при разрешении вопроса об условно-досрочном освобождении осужденных по закону о 7 августа 1932 г. необходимо проявлять особую политическую бди-

¹ Конституция и Конституционные акты Союза ССР (1922–1936). С. 189.

тельность, применяя освобождение в исключительных случаях и только к лицам, доказавшим свое исправление ударной работой на протяжении ряда лет, с тем чтобы в число освобожденных не попали замаскированные вражеские элементы¹. Молотов переадресовал подготовку решения вопроса своему заместителю Н.А.Булганину, который подготовил записку о том, что к осужденным по закону от 7 августа 1932 г. до сих пор не применялась амнистия. Данное ограничение было «расширительно» воспринято некоторыми судебными органами, которые стали на путь отказа осужденным в условно-досрочном освобождении по отбывании ими установленных уголовными кодексами союзных республик минимальных сроков наказания, дающих право на возбуждение ходатайства о применении условно-досрочного освобождения.

В записке отмечалось, что Верховный суд СССР в лице Голякова считает, что отказ в условно-досрочном освобождении осужденных на том основании, что закон от 7 августа 1932 г. не допускает применения к ним амнистии, является неправильным и просил дать указания по данному вопросу.

Народный комиссар юстиции СССР Н.М.Рычков согласился с мнением Голякова и предложил внести данный вопрос на обсуждение очередного пленума Верховного суда СССР. Прокурор СССР А.Я.Вышинский предложил, что ввиду особого характера ряда преступлений, надо установить порядок, по которому условно-досрочное освобождение лиц по закону о «пяти колосках» может иметь место только по постановлению краевого (областного) суда, вынесшего приговор, или аналогичного суда по месту исполнения приговора при обязательном участии прокурора.

Верховный суд СССР не мог дать указания судебным органам без санкции сверху, поэтому к записке прилагался проект распоряжения заместителя председателя СНК СССР по данному вопросу². Подписанного распоряжения нам обнаружить не удалось, поэтому у нас нет основания считать, что этот вопрос был решен положительно. Можно лишь предположить, что Верховный суд СССР получил возможность некоторой самостоятельности в рамках приведенного выше обсуждения. Вместе с тем в тяжелые годы Великой Отечественной войны и во время голода 1946–1947 гг. действие закона от 7 августа 1932 г. возобновилось с прежней силой.

6 марта 1937 г. в газете «Правда» было опубликовано информационное сообщение о пленуме ЦК ВКП(б), состоявшемся с

¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 30. Д. 293. Л. 6.

² Там же. Л. 7.

23 февраля по 5 марта в Москве. Пленум обсуждал вопрос о задачах партийных организаций в связи с предстоявшими выборами Верховного совета СССР на основе новой Конституции; был рассмотрен вопрос об антипартийной деятельности Бухарина и Рыкова и исключении их из рядов ВКП(б).

Пленум отметил, что не во всех партийных организациях соблюдались основы демократического централизма: своевременная отчетность и выборность руководящих работников игнорировались, критика и самокритика в их деятельности отсутствовали. Широко распространилась практика неоправданной кооптации и назначения в руководящие органы партии открытым голосованием, утверждения секретарей партийных комитетов до избрания их в местных организациях. Факты многочисленных нарушений партийного устава на местах были следствием грубых искажений партийного управления, но об этом в резолюции ничего сказано не было.

Вопрос о подготовке к выборам в Верховный Совет СССР на основе Конституции 1936 г. не был главным на пленуме. Внимание участников заседаний пленума было сосредоточено на разгроме так называемой «антипартийной группы Бухарина-Рыкова» и поиске новых «врагов народа» среди состава ЦК партии.

Тон на пленуме задавала комиссия ЦК ВКП(б) по «делу» Бухарина-Рыкова. 27 февраля 1937 г. председательствующий А. Андреев предоставил слово для сообщения от имени комиссии И. Сталину, который, выступая перед участниками пленума, отметил, что при обсуждении в комиссии не было никаких разногласий насчет того, чтобы мерой наказания Бухарина и Рыкова считать, как минимум, их исключение из состава кандидатов в члены ЦК и из рядов ВКП(б). Разногласия были по вопросу об уголовном наказании. Часть членов комиссии высказалась за то, чтобы они были расстреляны. Другие высказывались за тюремное заключение сроком на 10 лет. Третья часть комиссии, по словам Сталина, предлагала передать дело в суд без всяких рекомендаций о том, каким должен быть приговор. Четвертая часть членов комиссии настаивала на передаче дела Бухарина и Рыкова в Наркомат внутренних дел. Последнее предложение «одержало верх».

Машинописный текст заключения о деятельности комиссии был полностью отредактирован, а наиболее важные абзацы были целиком зачеркнуты и переписаны Сталиным от руки: «В результате комиссия единогласно приняла решение о том, чтобы исключить их из состава кандидатов в члены ЦК и из рядов ВКП(б) и направить дело Бухарина и Рыкова в Наркомвнудел...»¹

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1120. Л. 23–24.

Сталин видел, что определенного решения по делу Бухарина и Рыкова не получалось, так как большинство членов комиссии выступало против рекомендации ЦК ВКП(б) об их расстреле. Но он настоял на решении об исключении Бухарина и Рыкова из партии и о передаче их дела в НКВД, что означало для обвиняемых длительные сроки тюремного заключения или расстрел. Необходимо было лишь подвести это решение под единогласие членов комиссии. В выступлении на пленуме Сталин так повернул дело, что ни у кого и не возникло сомнения в единодушии комиссии по этому вопросу: «...Были голоса, довольно значительное количество голосов в комиссии, так же как и здесь на пленуме ЦК, в пользу того, что нет будто бы никакой разницы между Бухариным и Рыковым, с одной стороны, и теми троцкистами и зиновьевцами, которые были привлечены по известным судебным процессам и были соответственно наказаны. Комиссия не согласилась с такой установкой и считает, что нельзя валить в кучу Бухарина и Рыкова с троцкистами и зиновьевцами, так как между ними есть разница, причем разница эта говорит в пользу Бухарина и Рыкова.

Одно дело троцкисты и зиновьевцы, которые исключались уже раз из партии, потом восстанавливались, потом вновь исключались, и другое дело Бухарин и Рыков, которые не исключались. Нельзя проводить знак равенства между троцкистами и зиновьевцами, которые, как вам известно, одно время устроили антисоветскую демонстрацию в 1927 г., и Рыковым и Бухариным, которые не имеют в прошлом за собой таких грехов. (Последний комментарий И. Сталин редактировал дважды и переписал заново. — *Авт.*)

Комиссия не могла не учесть того что таких грехов в прошлом за Бухариным и Рыковым не имелось, и что они не дали до последнего времени повода и оснований поставить вопрос об их исключении из партии.

Стало быть, комиссия должна была учесть, что ни Бухарин, ни Рыков не имели, если не считать таким серьезным взысканием того, что они были выведены из Политбюро, и, кроме того, Рыков был снят с поста Председателя Совнаркома. (Следующий абзац был полностью вымаран Сталиным, как лишний.— *Авт.*)

В результате комиссия приняла следующий проект резолюции. Можно зачитать?

Голоса. Просим.

Сталин. Резолюция Пленума ЦК ВКП(б) по делу тов. Бухарина и Рыкова. На основании следственных материалов Наркомвнудела, очной ставки... (*читает*) ...Передать дело Бухарина и Рыкова в Наркомвнудел.

Проект этот принят комиссией единогласно.

Андреев. Есть ли желающие высказаться? — Нет. Есть ли другие предложения кроме внесенных тов. Сталиным? — Нет. Есть ли поправки к предложению, внесенному тов. Сталиным по поручению комиссии? — Нет. Голосовать в целом? ...Я должен предупредить товарищей, что голосуют, кроме членов ЦК и кроме кандидатов в члены ЦК, также и члены комиссии партийного контроля согласно устава. Кто за то, чтобы принять предложение, прошу поднять руки. Опустите. Кто против? — Нет. Кто воздержался? — Два. Итак, решение принято при двух воздержавшихся — Бухарин и Рыков.

На этом заседание закрывается до завтра, до 12 часов»¹.

Таким образом, методом подтасовки решения комиссии были обмануты Бухарин, Рыков и все участники пленума, а за дело взялся нарком Ежов. В этом примере из заседания партийного форума мы видим фактическое искажение и прямое нарушение принципа демократии в ЦК ВКП(б). Такая же схема принятия важнейших решений укоренилась в советских органах и даже в общественных организациях в 1930-е гг. Текст новой Конституции СССР существовал сам по себе, отдельно от граждан Советского Союза. В советской действительности утвердились неписанные законы партийно-государственной номенклатурной бюрократии. Как и в начале 1930-х гг., люди по-прежнему обращались не к тексту Конституции, не в советский суд, а к тем же товарищам: Сталину, Молотову, Калинин и другим, в надежде решить партийные, государственные и свои личные вопросы. Конечно, это было небезопасно, но другого пути не было.

2. Начало массовых репрессий и выборы в органы власти по новой Конституции

Выборы в Верховный совет СССР на основе Конституции 1936 г. входили в повестку дня почти всех пленумов ЦК партии 1937 г. Участники пленума ЦК ВКП(б) от 12 октября 1937 г. горячо обсуждали вопрос о том, кого следовало выдвигать кандидатами в Верховный совет СССР. Многие считали, что, исходя из установки партии, данной февральско-мартовским пленумом ЦК, для дальнейшего усиления политической активности масс важно и необходимо привлекать к управлению государством «новые слои

¹ Там же. Л. 25–27.

трудящихся». Предлагалось больше выдвигать кандидатов из рядов колхозного крестьянства как самого многочисленного класса советского народа.

Сталин внимательно слушал дискуссию, а в конце обсуждения взял слово и высказал несколько своих замечаний: «...Тут в речах некоторых авторов сквозит мысль такая, что если они выставят кандидатами в Верховный Совет больше всего комбайнеров, трактористов, трактористок, теребильщиц и прочих... все будет хорошо, но нам нужны в Верховном Совете испытанные политики областного масштаба и центрального масштаба. Ведь все-таки мы выбираем в Верховный Совет, а не районный совет...»

Нельзя... забывать, что у нас есть интеллигенция партийная, есть искушенные политики не только в Москве, но и в областях... Нам придется кое-кого из профессоров провести, кое-кого из военных командиров, отличившихся в боях...»¹.

Репрессии чувствительно ударили даже по самой верхушке большевистского руководства, поэтому на этом же пленуме обсуждался вопрос о замене выбывших в связи с арестами кандидатов и членов ЦК. Сталин успокаивал, говоря, что найдутся другие лидеры, чем вызывал еще большее усиление страха всех присутствовавших на пленуме. Никто уже не осмеливался высказывать малейшие сомнения по поводу репрессий: только молчаливое согласие и даже одобрение.

По поручению Политбюро Сталин предложил обсудить вопрос о составе ЦК, так как в период после июльского пленума до октября того же года из состава ЦК выбыло и арестовано несколько членов: Зелинский, Лебедь, Носов, Пятницкий, Хатаевич, Икрамов, Криницкий, Варейкис. По словам Сталина, материалы на этих членов ЦК были рассмотрены и проверены. Они оказались «врагами народа». Вопросов не было, и он предложил принять его сообщение к сведению. Голоса с мест подтвердили, что все было сделано правильно, и согласились принять информацию секретаря ЦК к сведению. Сталин зачитал список кандидатов в члены ЦК, выбывших и арестованных за тот же период. Назвал 16 человек: Гринько, Любченко — застрелился, Еремин, Дерibas — оказался японским шпионом, Демченко, Калычина, Семенов, Серебровский — оказался шпионом, Шубриков, Грядинский, Саркисов, Быкин, Розенгольц — оказался немецким, английским и японским шпионом, Лепа, Гикало и Птуха. По словам Сталина, эти люди являлись «врагами народа». Данная информация также

¹ Там же. Л. 89.

была принята к сведению и одобрена как решение ЦК открытым голосованием, то есть поднятием рук, единогласно¹.

Сталин продолжал: «По практике нашей партии, когда выбывают из состава ЦК люди, либо потому, что они умерли, либо потому, что они исключены, состав обычно пополняется кандидатами. Так мы делали до сих пор. И Политбюро ЦК думает, что было бы целесообразно также поступить и сейчас. У нас список в кандидаты членов ЦК составляется на съезде, как вы знаете, не в алфавитном порядке, а в порядке большинства голосов...

Политбюро ЦК думает, что было бы целесообразно первых 10 кандидатов перевести в состав ЦК. Кто они такие?

Пахомов — наркомвод, наибольшее количество голосов получил. После него по большинству голосов, полученных на съезде, — Исаев, председатель Совнаркома Казахстана, Смородин — 1-й секретарь Сталинградского обкома, Блюхер — вы его знаете хорошо. Булганин — тоже вы его хорошо знаете. Булин — в военном ведомстве работает. Кульков — тоже вы должны хорошо его знать. Лозовский — знаете его тоже хорошо. Багиров — 1-й секретарь Азербайджанского ЦК. Макаров — работает в Наркомтяжпроме. 10 человек.

Голоса: Правильно!

Сталин: Политбюро предлагает принять решение о переводе этих кандидатов в члены ЦК, как получивших наибольшее количество голосов на XVII съезде партии.

Андреев: Есть ли еще какие-либо предложения?

Хрущев: Я бы внес дополнение к предложению тов. Сталина. Я бы предложил товарищей, которые не идут в таком порядке, о котором говорил т. Сталин, в порядке по числу полученных голосов, но товарищей, которые известны Центральному Комитету партии и проводят очень большую работу, и я считаю, что нужно было бы этих людей из кандидатов перевести в члены ЦК. Прамнек — секретарь Донецкого обкома, крупнейший обком и товарища все знают. Мехлис — руководит газетой «Правда», кандидат в члены ЦК. Михайлов — секретарь Воронежского областного комитета партии, также работает на крупнейшей работе. Угаров — 2-й секретарь Ленинградского областного комитета партии. Давно работает, показал себя на работе как большевик... Есть предложение этих товарищей также перевести из кандидатов в состав членов ЦК.

Андреев: Как желает пленум?

¹ Там же. Л. 94.

Голоса: Голосовать.

Андреев: Голосовать отдельно предложение Политбюро и предложение тов. Хрущева?

Голоса: Вместе.

Андреев: Значит, предложение Политбюро вместе с дополнением т. Хрущева голосуем? Кто за это предложение, прошу поднять руку. Прошу опустить. Кто против? — нет. Кто воздержался? — нет. Принято единогласно.

Сталин: Можно было бы всех кандидатов перевести в состав ЦК, мы имеем на это полное право, но, во-первых, нужды в этом нет никакой, во-вторых, нельзя иметь ЦК без резерва, без кандидатов. Поэтому можно ограничиться тем решением, которое принято»¹.

На том же пленуме большевистской партии по предложению Сталина единогласным открытым голосованием Н.И.Ежов был введен и утвержден кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Тогда же был решен вопрос о всеобщей воинской повинности, обязательной для всех граждан СССР. Прежний республиканский принцип формирования воинских подразделений в армии был отменен. С того времени призванные в армию граждане СССР, как правило, направлялись из своих родных мест в те части, которые были расположены в отдаленных от места жительства регионах СССР по разнарядке Генерального штаба Красной Армии. Также единогласно было принято решение об обязательном изучении русского языка во всех школах союзных, автономных республик и автономных областей СССР, начиная с начальных классов. Каждый молодой человек, призывавшийся в Красную Армию, должен был владеть русским языком. Русский язык официально был объявлен средством национального общения.

«...Есть у нас один язык, на котором могут изъясняться все граждане СССР более или менее, — это русский язык. Поэтому мы пришли к тому, чтобы он был обязательным...» — так обосновал это решение И.В.Сталин².

В разгар массовых репрессий, 11 декабря 1937 г. И.Сталин выступил в Большом театре на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы, которые выдвинули его кандидатом в депутаты в Верховный совет СССР. Он поздравил всех присутствовавших с наступавшим всенародным праздником, с днем выборов в Верховный совет СССР и сказал:

¹ Там же. Л. 95–98.

² Там же. Л. 99–100.

«Всеобщие выборы проходят и имеют место и в некоторых капиталистических странах, так называемых, демократических. Но в какой обстановке там проходят выборы? В обстановке классовых столкновений. В обстановке классовой вражды... Нельзя назвать такие выборы, даже если они всеобщие, равные, тайные и прямые, вполне свободными и вполне демократическими выборами.

У нас, в нашей стране, наоборот, выборы проходят в совершенно другой обстановке... сотрудничества рабочих, крестьян, интеллигенции, в обстановке взаимного доверия,... взаимной дружбы, потому что у нас нет капиталистов, нет помещиков, нет эксплуатации и некому давить на народ для того, чтобы исказить его волю»¹.

Далее Сталин отметил, что новая Конституция дала избирателям право досрочно отзывать своих не оправдавших доверия депутатов и потребовать от правительства назначения новых выборов². Советский лидер очень хотел выглядеть демократом в глазах западной общественности. Он утверждал, что «классовые столкновения» и «вражда» имеют место в капиталистических странах, в СССР — обстановка «дружбы» и «доверия», и нет давления на народ. Законом о возможности отзыва депутатов своими избирателями он пытался прикрыть безальтернативность советской избирательной системы, когда на каждое депутатское место партия, Советы, профсоюзы и комсомол выставляли по одному своему кандидату. У людей, имевших право голоса, не было никакой возможности выбора, кроме того депутата, который был предложен сверху. Люди, высказывавшие сомнения в демократичности системы выборов, попадали в агентурную разработку НКВД. Предшествовавшие выборам аресты, ссылки и расстрелы, однако, не сломили общественность, не превратили народ в забитую безропотную массу, как того добивались сталинские «политтехнологи». В сводках госбезопасности фиксировалось массовое сопротивление граждан сталинскому режиму под видом «всеобщего одобрения» и принятия «демократической» конституции победившего социализма. Сталинское руководство не надеялось, что советский народ добровольно проголосует за очередной обман, поэтому оно не решилось на запланированный конституцией референдум, а усилило террор в стране. Граждане, которые рассуждали о несоответствии текста конституции реальной дей-

¹ Сталин И. Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 11 декабря 1937 г. и 9 февраля 1946 г. М., 1950. С. 5.

² Там же. С. 6–7.

твительности и призывали не принимать участия в голосовании, подвергались арестам. В день выборов 12 декабря 1937 г. на всех избирательных участках дежурили сотрудники госбезопасности, и аресты граждан, пришедших исполнить свой конституционный долг и изъявивших возмущение кандидатурами, записанными в бюллетенях, производились непосредственно в помещениях избирательных участков. Совсем не удивительно, что обнародованные результаты голосования показали почти «единодушное одобрение» политики сталинского режима — 98,6% избирателей проголосовало за предложенных кандидатов в депутаты Верховного совета СССР. На торжественном ужине, данном для депутатов в Кремле по случаю 1-й сессии Верховного совета СССР (12–19 января 1938 г.), Сталин сказал, что никому на слово верить нельзя, и предложил тост за органы бдительности, т.е. за всех чекистов и их главу — Н.И.Ежова¹. Он хорошо знал, кому обязан «успешным» проведением выборов.

В своей краткой речи перед избирателями (11 декабря 1937 г.) Сталин рассказывал о законе отзыва депутатов как о новом, в действительности закон об отзыве депутатов своими избирателями был принят еще 23 июля 1928 г. постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета, но фактически не действовал, так как не было закона «О порядке отзыва избирателями депутатов Верховного совета СССР»². Работа над ним продолжалась до марта 1941 г. В начале марта того же года члены комиссии по подготовке проекта закона М.Шамберг, А.Горкин и П.Бахмутов докладывали секретарям ЦК ВКП(б) А.А.Андрееву, А.А.Жданову и Г.М.Маленкову, что по поручению Организационного бюро ЦК ВКП(б) от 26 ноября 1940 г. они подготовили проект закона «О порядке отзыва избирателями депутата Верховного совета СССР», объяснительную записку к проекту закона и справку об отзыве и выбытии депутатов и лишении депутатских полномочий в капиталистических странах. В связи с тем, что полномочия депутатов Верховного совета 1-го созыва истекали в конце 1941 г., члены комиссии предлагали проект закона внести на рассмотрение и утверждение одной из сессий Верховного совета СССР 2-го созыва³.

Члены комиссии по иностранным делам Совета Союза Верховного совета цитировали Сталина, что в капиталистических

¹ Павлова И.В. 1937: выборы как мистификация, террор как реальность // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 34–35.

² Конституции и Конституционные Акты РСФСР. (1918–1937). С. 210.

³ ГАРФ. Ф. 7523 (секретная часть). Оп. 65. Д. 507. Л. 6.

странах «...пока идут выборы, депутаты заигрывают с избирателями. ...Как только выборы состоялись и кандидаты превратились в депутатов, отношения меняются в корне. Вместо зависимости депутатов от избирателей, получается полная независимость... Депутат чувствует себя совершенно свободным, независимым от народа, от своих избирателей. Он может перейти из одного лагеря в другой, он может свернуть с правильной дороги на неправильную...»¹.

От членов комиссии по подготовке проекта закона требовалось найти подтверждение сталинских слов в конституциях европейских капиталистических государств и США. То была нелегкая задача. Особенно трудно пришлось с историей парламентской практики в США, так как там в каждом штате были свои права избирателей об отзыве депутатов Конгресса. В Швейцарии у каждого кантона тоже была своя конституция. Избиратели, набрав определенное количество подписей под петицией, могли поставить вопрос о народном голосовании всего Кантонального совета. Наши специалисты все-таки нашли нарушение в том, что право отзыва было записано в отдельных кантональных конституциях, поэтому оно якобы оставалось только на бумаге и в жизнь не проводилось. С последней четверти XIX в. в Швейцарии ни разу не был поставлен вопрос об отзыве Кантонального собрания².

Конституции капиталистических стран предусматривали выбытие депутатов из парламента по разным причинам: смерть депутата, отказ от депутатских полномочий, принятие правительственной должности и т.п. Например, в Англии по установившейся парламентской практике член палаты общин выбывал в связи с принятием депутатом правительственной должности (в феврале 1941 г., когда уже шла война с Германией, был принят закон, по которому член палаты может занять правительственную должность, не теряя депутатских полномочий). В III разделе было сказано, что конституция и избирательные законы Англии допускали лишение депутата его полномочий по причине банкротства, приговора суда к лишению свободы или утраты права гражданства и др. Во Франции по существовавшему с 1875 г. закону о выборах член палаты депутатов лишался депутатских полномочий, если он после избрания в палату становился директором, администратором,

¹ Сталин И. Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа. С. 6.

² ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 507. Л. 15-21.

членом наблюдательного совета, управляющим или представителем в акционерном обществе, предприятии и учреждении.

Из положения о Государственной думе в Российской империи приводилась выдержка о выбытии депутата из Думы в результате утраты русского подданства или ценза, дающего право на участие в выборах; поступления на действительную военную службу; назначения на некоторые должности по гражданской службе; непосещения собрания Думы в течение года без отпуска; осуждения судом за государственные и уголовные преступления; лишения дворового сана или звания за пороки и др.¹

В IV Государственной думе царской России незаконно были лишены депутатских полномочий депутаты-большевики. Поводом для того явилось раскрытое полицией совещание думской фракции с представителями местных организаций партии. Без разрешения Думы полиция арестовала депутатов-большевиков, лишив их депутатской неприкосновенности, которой депутаты пользовались согласно статье 15 положения о Государственной думе. Руководство Думы не допустило обсуждения данного вопроса на сессии: председатель Думы Родзянко спустя почти месяц после ареста депутатов ограничился посылкой письма формального характера председателю Совета министров, где он указывал на нарушение полицией статьи 15 положения о Государственной думе². Специалисты из комиссии Совета союза Верховного совета СССР пришли к выводу, что лишение депутатских полномочий часто производилось за политические убеждения, как средство удаления из парламента неугодных правительству депутатов.

В предложенном проекте закона «О порядке отзыва избирателями депутата Верховного совета СССР» было сказано, что на основании статьи 142 Конституции СССР каждый депутат Верховного совета СССР должен был отчитываться перед избирателями в своей работе и мог быть в любое время отозван по решению большинства избирателей соответствующего избирательного органа. Далее приводилось подробное описание процедуры отзыва. Депутат считался отозванным, если за его отзыв было подано абсолютное большинство голосов, т.е. больше половины всех голосов, поданных по округу и признанных действительными, при участии в голосовании не менее половины избирателей. Выборы в Верховный совет СССР депутатов вместо отозванных должны были производиться в соответствии с положением о выборах в Верховный совет СССР³.

¹ Там же. Л. 22.

² Там же. Л. 23.

³ Там же. Л. 7–10.

В действительности ничего подобного не происходило, не было ни одного случая, когда советские избиратели своим заявлением в Верховный совет смогли бы отозвать депутата, не оправдавшего их доверия. Вместе с тем сами депутаты, пользовавшиеся депутатской неприкосновенностью, также подвергались арестам по ложным доносам: у них изымались депутатские удостоверения, к ним применялись пытки, по решению троек их направляли в концентрационные лагеря и даже расстреливали. Об этом свидетельствуют заявления и жалобы депутатов в Верховный совет СССР и переписка, хранящаяся в архивном фонде приемной М.И.Калинина, о неправильном привлечении депутатов Верховного совета СССР к уголовной ответственности¹.

Существовавшая в 1930-е гг. избирательная система в СССР не являлась демократичной. Она была маскировкой для партийно-государственного аппарата, возглавлявшегося Сталиным. Конституция 1936 г. и выборы в Верховный совет СССР в 1937 г. явились прикрытием беспрецедентной расправы деспотического режима над советским народом. Основное содержание Конституции было декларативным, так как фактически она не давала человеку права на жизнь, на труд, на отдых, не говоря уже о свободе слова, печати. Зато строго предписывала гражданам исполнять законы, соблюдать дисциплину, военнослужащим защищать Отечество, соблюдать присягу, всемерно охранять социалистическую собственность. Практическое применение сталинской Конституции во время незаконных массовых репрессий 1936–1940 гг. показало ее несостоятельность.

¹ Там же. Д. 490. Л. 1–4, 29–44, 48–54.

ТЕХНОЛОГИЯ ТЕРРОРА ПРОТИВ «ВРАГОВ НАРОДА» В 1937–1938 гг.

1. Начало «ежовщины»

Как стало известно из опубликованных недавно документов, политическим репрессиям 1937–1938 гг. предшествовала тщательная подготовка, необходимая для того, чтобы убедить общественность в применении крайних мер к виднейшим деятелям партии и советского государства — Г.Е.Зиновьеву, Л.Б.Каменеву и другим, осмелившимся открыто выразить несогласие с политикой Сталина. Суд над бывшими лидерами «оппозиции» состоялся в январе 1935 г. Им были предъявлены нелепые и ничем не обоснованные обвинения в соучастии подготовки убийства С.М.Кирова и принадлежности к организации, якобы готовившей устранение руководства страны. Признания обвиняемых в не совершенных ими преступлениях получить не удалось, поэтому Зиновьев был осужден на 10 лет, а Каменев — на 5 лет заключения. В июле 1935 г. состоялся новый закрытый процесс по «кремлевскому делу» над Каменевым и другими, обвиненными в подготовке очередного покушения на Сталина. Без улик и доказательств Каменев был осужден на 10 лет тюрьмы. Но на этом преследования не закончились. Развязка была неизбежна.

С начала 1936 г. Сталиным и его соратниками готовился сценарий открытого процесса над лидерами «оппозиции», к которым были применены жестокие меры физического и морального воздействия. Запуганные расправой над их женами и детьми, они вынуждены были собственноручно написать показания против самих себя и дать обязательства все подтвердить на открытом судебном процессе. 19–24 августа 1936 г. по отработанному сотрудниками НКВД делу «Объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра» состоялся судебный процесс. Перед Военной коллегией Верховного суда предстали обвиняемые Каменев, Зиновьев, Бакаев, Смирнов и др. Приглашенные в зал заседания журналисты, в том числе зарубежные, были поражены «чистосердечными» признаниями подсудимых о том, как они го-

товили убийство Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Чубаря, Косиора, Эйхе и других руководителей партии и государства. С беспрецедентными нарушениями принятой Конституции и действовавших в то время законов, при полном пренебрежении к правам советских граждан, суд приговорил всех обвиняемых к расстрелу.

Во время подготовки открытого суда по делу Пятакова, Радека и других Сталин большое внимание уделял тому, чтобы процесс был широко освещен в печати внутри СССР и за рубежом как честный, справедливый и демократический суд над предателями и врагами социализма.

С этой целью 8 января 1937 г. Сталин принял известного германского писателя Лиона Фейхтвангера. Беседа получилась длительной и затронула многие стороны жизни в СССР, особенно начавшиеся массовые репрессии.

Из записи беседы видно, что в начале речь шла о функциях писателя в обществе. Л.Фейхтвангер задал вопрос: «Если я Вас правильно понял – Вы также считаете, что писатель-художник более апеллирует к инстинкту читателя, а не к его разуму. Но тогда писатель-художник должен быть более реакционным, чем писатель научный, так как инстинкт более реакционен, чем разум. Как известно, Платон хотел удалить писателей из своего идеального государства.

И. Сталин. Нельзя играть на слове инстинкт. Я говорил не только об инстинкте, но и о настроениях, о неосознанных настроениях масс. Это не то же, что инстинкт, это нечто большее. Кроме того, я не считаю инстинкты неизменными, неподвижными. Они меняются.

Фейхтвангер. В каких пределах возможна в советской литературе критика? Как мне кажется, раньше было больше литературных произведений, критикующих те или иные стороны советской жизни.

Сталин. Надо различать критику деловую и критику, имеющую целью вести пропаганду против советского строя... До 1933 г. мало кто из писателей верил в то, что крестьянский вопрос может быть разрешен на основе колхозов. Тогда критики было больше.

Факты убеждают. Победила установка советской власти на коллективизацию, которая сомкнула крестьянство с рабочим классом.

Проблема взаимоотношений рабочего класса и крестьянства была важнейшей и доставляла наибольшую заботу революционерам во всех странах.

Она казалась неразрешимой: крестьянство реакционно, связано с частной собственностью, тащит назад; рабочий класс — идет вперед. Это противоречие не раз приводило к революции. Так погибла революция во Франции в 1871 г., так погибла революция в Германии. Не было контакта между рабочим классом и крестьянством.

Мы эту проблему успешно решили: естественно, что после таких побед меньше почвы для критики.

Фейхтвангер. Не можете ли Вы прекратить своим словом эти формы проявления восторга, которые смущают ваших друзей за границей?

Сталин. Огромная победа! Помещики и капиталисты изгнаны, рабочие и крестьяне — хозяева жизни. Приходят в телячий восторг.

Фейхтвангер. Я боюсь, что употребление вами слова «демократия» — я вполне понимаю смысл вашей новой конституции и ее приветствую — не совсем удачно. На Западе 150 лет слово демократия понимается как формальная демократия.

Не получается ли недоразумение из-за употребления вами слова демократия, которому за границей привыкли придавать определенный смысл?

Все сводится к слову «демократия». Нельзя ли придумать другое слово?

Сталин. У нас не просто демократия, перенесенная из буржуазных стран. У нас демократия необычная, у нас есть добавка — слово социалистическая демократия. Это другое. Без этой добавки путаница будет. С этой добавкой понять можно.

Фейхтвангер. О процессе Зиновьева и др. был издан протокол. Этот отчет был построен главным образом на признаниях подсудимых. Несомненно, есть еще другие материалы по этому процессу. Нельзя ли их также издать?

Сталин. Какие материалы?

Фейхтвангер. Результаты предварительного следствия. Все, что доказывает их вину помимо признаний.

Сталин. Непонятно, почему некоторые люди или литераторы за границей не удовлетворяются признанием подсудимых. Киров убит — это факт. Зиновьева, Каменева, Троцкого там не было. Но на них указали люди, совершившие это преступление, как на вдохновителей его. Все они — опытные конспираторы — Троцкий, Зиновьев, Каменев и др. Они в таких делах документов не оставляют. Их уличили на очных ставках их же люди, тогда им пришлось признать свою вину.

Еще факт — в прошлом году произошло крушение воинского поезда на станции Шумиха в Сибири. Поезд шел на Дальний Восток. Как говорилось на суде, стрелочница перевела стрелку неверно и направила поезд на другой путь. При крушении были убиты десятки красноармейцев. Стрелочница — молодая девушка — не признала свою вину, она говорила, что ей дали такое указание. Начальник станции, дежурный были арестованы, кое-кто признался в упущениях. Их осудили. Недавно были арестованы несколько человек в этом районе — Богуславский, Дробнис, Князев. Часть арестованных по делу о крушении, но еще не приговоренных, показали, что крушение произведено по заданию троцкистской группы. Князев, который был троцкистом и оказался японским шпионом, показал, что стрелочница не виновата. У них, троцкистов, была договоренность с японскими агентами о том, чтобы устраивать катастрофы. Чтобы замаскировать преступление, использовали стрелочницу как щит и дали ей устный приказ неправильно перевести стрелку.

...Говорят, что показания дают потому, что обещают подсудимым свободу. Это чепуха. Люди эти все опытные, они прекрасно понимают, что значит показать на себя... Скоро будет процесс Пятакова и др. Вы сможете много интересного узнать, если будете присутствовать на этом процессе.

Фейхтвангер. ...Критики за границей (не я) говорят, что они не понимают психологию подсудимых, почему они не отстаивают своих взглядов, а сознаются.

Сталин. 1-й вопрос — почему они так пали. Надо сказать, что все эти люди — Зиновьев, Каменев, Троцкий, Радек, Смирнов и др. — все они при жизни Ленина вели с ним борьбу. Теперь, после смерти Ленина, они себя именуют большевиками-ленинцами...

...Эти люди углубили борьбу, создали свою партию. В 1927 г. они устраивали демонстрации против Советской власти, ушли в эмиграцию, в подполье.

Осталось из них тысяч 8 или 10 человек. Они скатывались со ступеньки на ступеньку. Некоторые люди не верят, что Троцкий и Зиновьев сотрудничали с агентами гестапо. А их сторонников арестовывают вместе с агентами гестапо — это факт. Вы услышите, что Троцкий заключил союз с Гессом, чтобы взрывать мосты и поезда и т.д., когда Гитлер пойдет на нас войной. Ибо Троцкий не может вернуться без поражения СССР на войне.

Почему они признаются в своих преступлениях? Потому, что изверились в правоте своей позиции, видят успехи всюду и везде. Хотят хотя бы перед смертью или приговором сказать народу правду.

Эти люди свои старые убеждения бросили. У них есть новые убеждения. Они считают, что построить в нашей стране социализм нельзя...

...Они вели переговоры с Гессом в Берлине и с японским представителем в Берлине. Пришли к выводу, что власть, которую они получают в результате поражения СССР в войне, должна сделать уступки капитализму: уступить территорию Германии — Украину или ее часть, Японии — Дальний Восток или его часть; открыть широкий доступ немецкому капиталу в Европейскую часть СССР, японскому — в азиатскую часть, предоставить концессии; распустить большую часть колхозов и дать выход «частной инициативе», как они выражаются, сократить сферу охвата государством промышленности. Часть ее отдать концессионерам.

....Когда спрашиваешь, почему они сознаются, то общий ответ — хотим перед смертью помочь узнать правду, чтобы мы не были окаянными иудами.

...Это не обычные преступники, не воры, у них осталось кое-что от совести. Ведь Иуда, совершив предательство, потом повесился.

Фейхтвангер. Об Иуде — это легенда.

Сталин. Это не простая легенда. В эту легенду еврейский народ вложил свою великую народную мудрость¹.

В январе 1937 г. был суд над Г.Л.Пятаковым, К.Б.Радеком, Г.Я.Сокольниковым, Л.П.Серебряковым и другими (всего 17 человек), большинство из которых были расстреляны. Репрессиям подверглись и другие видные государственные, дипломатические, военные и культурные работники как пособники «врагов народа».

Приглашенный Сталиным Фейхтвангер присутствовал на «процессе-спектакле» и поверил всему, что там происходило. Его поразило то, что обвиняемым даже предоставили защитников. Позднее он написал книгу, которая оправдывала процесс. Сталин добился того, чего он хотел от зарубежного писателя.

По заданию Сталина секретарь ЦК ВКП(б) Ежов контролировал деятельность НКВД, осуществлял непосредственное наблюдение за подготовкой судебных процессов. Он присутствовал на допросах и докладывал Сталину, что Зиновьев и Каменев под пытками дали показания о террористических связях с «правыми» — Бухариным, Рыковым и Томским (последний покончил жизнь самоубийством). Таким образом, готовился новый судебный процесс над «правыми».

¹РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1120. Л. 1–20.

Когда в Москве в самом начале декабря 1936 г. Чрезвычайный VIII съезд Советов Союза ССР утверждал текст Конституции СССР, 4 и 7 декабря того же года состоялись заседания пленума ЦК ВКП(б). На них были заслушаны два вопроса, которые, как могло показаться, логически не были связаны между собой. Первый имел непосредственное отношение к съезду и был связан с исправленным и уточненным окончательным проектом Конституции СССР. По второму вопросу был заслушан доклад наркома НКВД Ежова «Об антисоветских троцкистских организациях». Если первый вопрос был рассмотрен быстро, то второй вызвал бурную дискуссию участников пленума и протесты Н.И.Бухарина и А.И.Рыкова, которые были возмущены надуманными ложными и оскорбительными обвинениями в их адрес, прозвучавшими в выступлении Ежова. Прямо на пленуме оба потребовали очных ставок с арестованными, которые во время следствия их оговаривали.

7 декабря 1936 г. в ЦК ВКП(б) были проведены очные ставки Бухарина и Рыкова с привезенными из Лубянской тюрьмы Е.Ф.Куликовым, Л.С.Сосновским и Г.Л.Пятаковым. Из стенограммы видно, что очная ставка Бухарина с Куликовым и Сосновоким была превращена в допрос, на котором в качестве следователей выступали Ежов, Сталин, Ворошилов, Орджоникидзе, Каганович, Микоян, Молотов и др. Бухарина и Рыкова вместе с подследственными обвиняли в организации подрывной работы против ЦК ВКП(б), подготовке террора с целью убийства Сталина¹.

Цель травли опальных виднейших деятелей партии государства состояла в том, чтобы заставить их признать обвинения, открыто и публично покаяться в несовершенных грехах и устроить очередное показательное судилище над выявленными врагами народа. Причины таких акций известны. Советский режим укреплялся тем, что регулярно истреблял несогласных с его деятельностью, а других, нагоняя страх за свою жизнь, доводил до полного подчинения. Борьба с антисоветской крамолой превращалась в главный принцип жизни общества. Сломленные и запуганные допросами, арестованные Куликов, Пятаков, Сосновский написанными ими же самими мифологическими показаниями помогали Сталину и Ежову политически компрометировать ненужных свидетелей прежних «дел»: Бухарина, Рыкова, Томского и др.

Так фабриковались политические процессы 1930-х гг. Одних жертв сменяли другие, а между ними Ежов и его подручные всегда

¹ Стенограммы очных ставок в ЦК ВКП(б). Декабрь 1936 г. // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 8–9.

обнаруживали порочащую «преступную» связь. Газетная шумиха в те годы помогала психологически доводить жертвы до безумия. После статьи в «Правде» Бухарин сообщал Сталину в письме от 15 декабря 1936 г.: « Я политически убит. ...Нет слов, чтобы выразить всю муку от ложных обвинений, оскорблений... Бывшие лидеры правой оппозиции (а следовательно... и я, Бухарин) обвиняются в том, что они шли рука об руку с троцкистами и диверсантами, гестапо и т.д.»¹

Обратимся к важнейшим приказам Ежова, связанным непосредственно с необоснованными репрессиями 1937–1938 гг., когда борьба с «врагами народа» и «шпионами» достигла кровавого апогея. За менее чем 2-летний срок своего пребывания на посту наркома НКВД и руководителя Главного управления государственной безопасности Ежов успел сделать многое из того, чего от него требовал Сталин при назначении. Он первым поставил на поток фальсификацию следственных дел, арестованных по подозрению, оговору или доносу руководителей партии, государства, народного хозяйства, армии, науки и искусства. При нем конвейер уничтожения советских граждан действовал с небывалой интенсивностью. Под личным руководством Ежова в СССР было реализовано более 15 чекистских операций по ликвидации «врагов» народа.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Н.Ежов начал свою деятельность с реорганизации и укрепления своего аппарата: подбора заместителей начальников управлений, создания новых структур и привлечения свежих сил для решения новых задач. Усиление репрессий вызвало поток жалоб в партийные и советские организации. Приказ № 0011 от 13 января 1937 г. за подписью Ежова предусматривал передачу работы по рассмотрению заявлений, адресованных в центральные партийные и правительственные органы, ему лично и в Особое совещание при НКВД — 8-й отдел Главного управления госбезопасности. Нововведение он мотивировал тем, что существовавший порядок прохождения и рассмотрения в четырех разных местах аппарата НКВД заявлений осужденных о пересмотре дел, сокращении сроков наказаний и проч. приводил к дублированию работы, к отсутствию единой ответственности, учета и контроля.

Ежов хотел контролировать всю переписку с осужденными и особенно — заявления об амнистиях, поступавших из Президиума ЦИК. С этой целью 8-му отделу Управления госбезопасности было

¹ Там же. № 4. С. 9–11.

поручено разрешать наиболее важные вопросы путем доклада самому наркому или постановкой на рассмотрение Особого совещания. Переписка по заявлениям осужденных периферийных органов НКВД должна была проводиться только через тот же 8-й отдел ГУТБ НКВД СССР, запросы которого исполнялись в 5-дневный срок. Приказ Ежова обязывал Управление госбезопасности выделить специальное помещение для приема посетителей, лично обращавшихся на Лубянку по всем вопросам, связанным с заявлениями. На начальника 8-го отдела ГУТБ Цесарского было возложено представительство на заседаниях комиссий ЦИК СССР по применению амнистий¹. Как секретарь ЦК ВКП(б), Н.Ежов непременно должен был согласовывать содержание приказа в Политбюро и получить одобрение на его реализацию. Приказ способствовал возвышению роли органов государственной безопасности в политической сфере.

Параллельно Ежов активно занимался делом Бухарина, Рыкова и вредительством в аппарате НКВД, готовя компрометирующие материалы на своего предшественника Генриха Ягоду. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г., когда Сталин дал конкретные установки на массовые репрессии, Ежов выступил с двумя докладами и подробно отчитался о том, что успел сделать. Он буквально следовал в русле основного докладчика, фактами подтверждая его тезис о необходимости до конца искоренить остатки недобитых враждебных классов. В своем заключительном слове на пленуме Сталин сказал: «...О вредителях, диверсантах и о всех других агентах троцкистского и нетроцкистского типа, иностранных государств. Я думаю, что все товарищи поняли и осознали, что эта порода людей, каким бы флагом она ни маскировалась, троцкистским или бухаринским, нам все равно, эта порода людей не имеет ничего общего с каким бы то ни было политическим течением в рабочем движении. Это оголтелая банда наемных убийц, диверсантов, шпионов, вредителей...»².

Далее Сталин перечислил имена и должности присутствовавших на пленуме партийных функционеров, которых не сегодня-завтра ждал арест и суд. Некоторые из них (Разумов, Стецкий, Хатаевич, Ягода и др.) робко пытались оправдаться, но их грубо

¹ ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 11. Д. 5. Л. 253–254. Заявления на имя Ежова Н.И. от неосужденных граждан по-прежнему поступали и рассматривались в секретариате НКВД СССР.

² Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1995. № 11–12. С. 12.

останавливали, не давали слова. На пленуме Сталин заявил, что 18 тыс. троцкистов и зиновьевцев уже арестовано. «Вы не утешайте себя тем, — сказал он далее, — что каких-нибудь 12 тыс. из старых кадров остается и что троцкисты последние кадры пускают в ход для того, чтобы пакостить, которых мы скоро перестреляем, не утешайте себя»¹. На пленуме Ежов получил конкретное указание к началу массовых расстрелов. Он также понял, что необходимо это делать как можно быстрее и с особой секретностью.

В конце марта 1937 г. Ежову было присвоено звание Генерального комиссара государственной безопасности, что было сопоставимо со званием маршала. Он старался оправдать доверие и редко покидал свое ведомство. 3 апреля того же года Ежов направил за своей подписью так называемую ориентировку № 27, подготовленную 3-м отделом Управления госбезопасности НКВД, о вскрытых антисоветских организациях троцкистов и правых в военно-химической промышленности. В ней он сообщал, что проведенные расследования показали создание троцкистами и правыми относительно разветвленной организации на военно-химических заводах с целью вывода их из строя. Поскольку в то время военно-химическое производство отставало от общего уровня развития оборонных отраслей хозяйства, то вывод из строя завода или цеха явился бы серьезным ударом по обороне страны.

По исправлениям в тексте видно, что Ежов стремился сделать приказ более конкретным. Он подчеркивал, что работа местных органов госбезопасности по выявлению всех участников организации и ее деятельности, за исключением управления НКВД Горьковской, Ленинградской, Московской и Западно-Сибирской областей, не отвечала требованиям партии и государства. Новый нарком обращал внимание чекистов на основной недостаток ведения следствия, состоявший в том, что не вскрыта деятельность иностранных разведок, несмотря на безусловную их заинтересованность в получении секретных материалов и в выводе из строя военно-химических заводов.

Он приказывал: «Троцкистов и правых, работающих на пороховых и военно-химических заводах, подозреваемых в антисоветской деятельности, *арестовывать* (подчеркнуто Ежовым. — Авт.) с соблюдением установленного порядка производства ареста. Следствие по их делам вести с задачей полного вскрытия всех участников антисоветской организации... в главных управлениях наркоматов... тяжелой промышленности и обороны. В следственной

¹ Там же. С. 21.

работе поставить важнейшую задачу — выявление агентуры иностранных разведок, зарезервированной диверсантами на время войны...»¹. Об исполнении так называемой «ориентировки» требовалось донести наркомку к 15 мая 1937 г. через 3-й отдел управления госбезопасности НКВД. В этом небольшом документе была определена конкретная задача: в кратчайший срок на территории СССР найти и обезвредить антисоветские группы, занимавшиеся шпионажем в пользу иностранных государств.

К уже упомянутой ориентировке № 27 прилагался обзор начальника 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР Миронова о деятельности антисоветских организаций троцкистов и правых на военно-химических заводах. В нем говорилось, что за последние месяцы была вскрыта вредительская диверсионная организация, состоявшая из работников военно-химического завода № 12 и научно-исследовательского противогазового института № 26 в Ногинске. Арестованный участник организации, бывший заместитель директора научно-исследовательского противогазового института З.Я. Левин показал, что, работая в Военно-химическом тресте, он якобы был вовлечен в диверсионную организацию бывшим управляющим треста, а в то время директором завода № 12 — известным лидером право-левацкого блока С.И. Сырцовым. В конце 1933 г. при направлении Левина для работы на снаряжательном заводе № 80 Сырцов будто бы дал ему конкретные указания по срыву производства активированного угля, идущего для изготовления фильтров противогазов, а также срыву производства тротила, необходимого для снаряжения снарядов и бомб.

На допросах Левин назвал ряд участников вымышленной «организации Сырцова», которые так же как, и он сам, якобы выполняли диверсионную и вредительскую работу на указанных выше военных заводах. Почти все арестованные признавали свою непосредственную антисоветскую связь с Сырцовым, а через него с троцкистами или с правыми. В деле фигурируют фамилии известных политиков того времени, которых по указке сверху следователи государственной безопасности сводили в «объединенный центр» врагов социализма.

В конце обзора обращалось особое внимание чекистов на их упущения в работе, так как в деле о вредительско-диверсионной деятельности троцкистов и правых на военно-химических заводах не были вскрыты происки иностранных разведок, особенно немецкой, которая насадила на заводах свою агентуру, использо-

¹ ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 1. Л. 183–185.

вав пребывание в СССР представителей фирм по договорам о технической помощи¹.

Новые исторические исследования, основанные на документах из лубянских архивов, раскрывают причину вымышленных признаний арестованных в несовершеннолетних преступлениях. Следователи госбезопасности убеждали обвиняемых в важности для партии их ложных признательных показаний². Анализ политических биографий расстрелянных в 1937–1938 гг. показал, что большинство из них являлись убежденными коммунистами и преданными партии функционерами, поэтому они, как правило, соглашались ради высших партийно-политических интересов на «игру», якобы проводившуюся по инициативе ЦК ВКП(б) лубянскими «маратами». Кроме того, протоколы допросов фальсифицировались. К тем подсудимым, которые не соглашались на «договор» с сотрудниками госбезопасности, применялись методы запугивания, угроз и пыток.

Разоблачение НКВД «врагов народа» и шпионов проводилось одновременно по нескольким направлениям. 29 апреля 1937 г. Ежов направил всем начальникам управлений НКВД краев, областей и республик циркулярное письмо о том, что меньшевистским подпольем в СССР была развернута активная нелегальная работа по воссозданию меньшевистской партии для борьбы с большевистским правлением. Оно целиком было построено на показаниях людей, арестованных по ложным доносам. В нем сообщалось, что за последнее время в 4-й отдел ГУГБ поступил ряд агентурных и следственных данных, якобы подтверждавших, что в СССР существовал Всесоюзный меньшевистский центр, основанный в 1933–1934 гг. освобожденными из политических изоляторов и ссылки по окончании сроков бывшими членами ЦК меньшевиков Либером, Ежовым-Цедербаумом и другими. В 1935 г. работа центра была вскрыта, а его члены арестованы и вновь направлены в ссылку, где, по мнению НКВД, восстановили организацию меньшевиков.

В 1936 г. в Москве было создано «Союзное бюро» меньшевиков, которое наладило связь с «Заграничной делегацией» меньшевиков (в Париже), откуда получало директивы. По сводкам чекистов из Рязани, Томска, Тулы, меньшевики из «Союзного бюро» организовали там областные и городские комитеты. Вскоре НКВД прекратил деятельность «Бюро», а следствием было установлено,

¹ Там же. Л. 186–192.

² См.: *Кислицын С.А.* Вариант Сырцова. Из истории формирования антисталинского сопротивления в советском обществе в 20–30-е гг. Ростов н/Д, 1992. С. 231 и др.

что оно ставило целью своей контрреволюционной деятельности вооруженное свержение Советской власти при поддержке антисоветской интервенции. Нарком Ежов обращал особое внимание своих сотрудников на тот факт, что «Союзное бюро» и его низовые организации в своей работе ориентировались на установление блока с правыми, троцкистами, эсерами и стремились использовать легальные возможности, «предоставляемые» сталинской Конституцией.

В циркулярном письме также сообщалось, что чекисты Московской области вскрыли и ликвидировали «Московское бюро», созданное в 1934 г. известными меньшевиками Кузовлевым, Плесковым, Кейзманом и Горчаковым. В декабре 1935 г. Кейзман на заседании «Московского бюро» будто бы докладывал по вопросу о новых методах борьбы с Советской властью и заявлял, что в обстановке возможной войны фашистской Германии против Советского Союза насильственное устранение руководства ВКП(б) способствовало бы выступлению всех антисоветских сил и свержению коммунистической диктатуры. Такой поворот событий внутри СССР мог привести к умиротворению Европы и обеспечению возможности парализовать все попытки организовать новую мировую войну. В НКВД из этого сделали вывод, что меньшевики уже перешли на позиции террора против Советской власти и будто бы надеялись, что террор может стать величайшим актом мира, поскольку основным стимулом к войне служила борьба с коммунизмом. Если же данный вопрос был бы снят, то и возможность войны отпадала. «Во имя мира и спасения миллионов рабочих, — заявлял Кейзман, — мы можем пойти на террор»¹.

Во время допросов чекисты пытками получали от арестованных нужные им показания, дававшие основание «обнаруживать» и «обезвреживать» меньшевистские антисоветские организации не только в Москве и Ленинграде, но и в городах Урала, Сибири, Казахстана, где бывшие члены разгромленной в начале 1920-х гг. партии меньшевиков находились в тюрьмах и ссылке. Для физического уничтожения уцелевших меньшевиков готовился компрометирующий материал: их связь с враждебными СССР зарубежными организациями и группами, объединение с троцкистами и правыми внутри Советской республики для совместной борьбы против диктатуры сталинского Политбюро в стране.

¹ ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 5. Л. 259. Из показаний арестованного меньшевика А.В.Кузовлева на Лубянке 4 апреля 1937 г.

В директиве Ежова сотрудникам госбезопасности СССР приводились агентурные данные 4-го отдела ГУТБ о том, что лидеры меньшевистской «Заграничной делегации» в Париже Ф.И.Дан и А.А.Югов высказывали мнение, что наиболее передовые представители советской общественности попытаются воспользоваться в своей борьбе избирательной кампанией на основе новой Конституции СССР. Они якобы дали установки на необходимость заключения избирательных соглашений меньшевиков с другими антисоветскими организациями в момент выборов в Советы¹.

В конце циркуляра о меньшевиках Ежов делает организационные выводы и дает указание центральному и областным управлениям госбезопасности перейти к активным действиям. После его приказа региональные структуры советских спецслужб немедленно приступили к быстрой и полной ликвидации «меньшевистского подполья». Мало кто из уцелевших бывших меньшевиков избежал ареста и расстрела. Нарком Ежов приказал пересмотреть все архивные агентурные дела и материалы по меньшевикам с «целью выявления и полного вскрытия в самом зародыше каждой попытки... направленной к возобновлению антисоветской деятельности»².

2. Ликвидация «военно-фашистского заговора»

Тема предстоящей войны с Германией, Японией и Польшей проходила красной нитью через большинство расстрельных приказов наркома Ежова.

В 1935–1936 гг. в СССР среди военных проводилась дискуссия о возможном начале новой мировой войны в Европе. Спорили о том, какой будет война и как к ней готовиться. Как диктатор, Сталин хотел иметь хорошо вооруженные и боеспособные армию и флот. Поклонник императора Петра Великого, он много времени уделял формированию высшего кадрового состава в войсках. Советский руководитель никогда не упускал возможности подчеркнуть опасность враждебного для СССР окружения и предупреждал о возможном нападении на первое в мире пролетарское государство. Исходя из своего стремления обезопасить границы СССР, Сталин поддерживал тех полководцев, некоторые утверждали, что следует готовить Красную Армию к войне с сильным

¹ Там же. Л. 263.

² Там же. Л. 269.

противником технически оснащенным, с танками, самолетами, подводными лодками и моторизованной пехотой.

Сталин разделял такое мнение и помогал военным специалистам: М.Н.Тухачевскому, А.И.Егорову, В.В.Блюхеру. Вместе с его преданными соратниками К.Е.Ворошиловым и С.М.Буденным, в 1935 г. Тухачевский, Егоров и Блюхер стали первыми маршалами. Но в обстановке искусственно нагнетаемого страха перед заговорами, противники военной модернизации в лице Ворошилова, Буденного, Кулика и др. стремились привлечь Сталина на свою сторону и преднамеренно возбуждали у него подозрение и недоверие к молодым маршалам. Они обвиняли их в недооценке и даже отрицании роли крупных соединений кавалерии в предстоящей войне. Против сторонников насыщения войск техникой были выдвинуты абсурдные обвинения в подражании европейским армиям и даже в их связях с военными разведками Германии, Японии и др. капиталистических государств. Важным доводом Ворошилова и Буденного был опыт участия СССР в Гражданской войне в Испании, где кавалерия якобы хорошо себя проявила.

В середине мая 1937 г. Тухачевский был арестован по фальшивому доносу. За ним на Лубянку последовали видные советские военачальники: И.Э.Якир, И.П.Уборевич, А.И.Корк, Р.П.Эйдеман, Б.М.Фельдман, В.К.Путна и другие, а В.М.Примаков был арестован на год раньше, и к нему уже были применены пытки, с целью получения лжесвидетельств на сослуживцев.

Решающую роль в дальнейшем разгроме советской военной элиты сыграло совещание Военного совета Наркомата обороны СССР с участием командиров и политработников Красной Армии 1–4 июня 1937 г.¹ Стенограмма выступления Сталина и его беседы в ходе совещания с членами Военного совета и политработниками содержали обоснование широкомасштабных репрессий в армии и необходимости срочной замены арестованных и расстрелянных путем выдвижения новых командиров и политработников. Свою речь Сталин начал с того, что факты, «уйма показаний самих преступников», наблюдения за ними «подтверждали раскрытие» военно-политического заговора против Советской власти, финансируемого германским фашизмом. Он сказал, что многие выступавшие характеризовали «заговорщиков» «мерзавцами, чудаками, помещиками». Такой подход, по его мнению, не правильный, так

¹ См. об этом: Печенкин А.А. 1937 г.: Сталин и военный совет // Отечественная история. 2003. № 1. Мы даем более развернутую характеристику стенограммы, которую И.Сталин не успел отредактировать.

как он не мог решить поднятой проблемы. «Для того, чтобы зло с корнем вырвать и положить ему конец, — сказал Сталин, — надо его изучить спокойно... изучить его корни, вскрыть и наметить средства, чтобы впредь никаких безобразий ни в нашей стране, ни вокруг нас не повторялось.

Я и хотел как раз по вопросам такого порядка несколько слов сказать...»¹

Сталин назвал тех, кто «стоял» во главе мифического заговора — политических руководителей: Л.Д.Троцкого, А.И.Рыкова, Н.И.Бухарина, Я.Э.Рудзутака, Карахана, А.С.Енукидзе; затем руководителей по военной линии: Г.Г.Ягоду, М.Н.Тухачевского, И.Э.Якира, И.П.Уборевича, А.И.Корка, Р.П.Эйдемана, Я.Б.Гамарника. Поскольку совсем недавно названные лица занимали высшие руководящие государственные посты и пользовались доверием и авторитетом в партии, то Сталин всячески стремился оправдать прежнее свое к ним расположение и доказать их постепенное «превращение» во «врагов народа» и даже в шпионов. Причину их предательства он видел в сущности характера бывших соратников по партии, а не в их происхождении, дворянском или буржуазном. «Ленин был дворянского происхождения, — говорил Сталин. — ...Энгельс был сын фабриканта... ..Управляя своей фабрикой и кормил этим Маркса. Чернышевский — сын попа — неплохой человек. И наоборот, Серебряков был рабочим, а вы знаете, каким мерзавцем он оказался. Лившиц был рабочим, а оказался шпионом...

...Есть у вас еще другая, тоже неправильная точка зрения. Часто говорят: в 1922 г. такой-то голосовал за Троцкого. Тоже неправильно, человек мог быть молодым, просто не разбирался. Дзержинский голосовал за Троцкого, не только голосовал, а открыто Троцкого поддерживал при Ленине, против Ленина. Вы это знаете? Он не был человеком, который мог бы оставаться пассивным в чем-либо. Это был очень активный троцкист и весь ГПУ он хотел поднять на защиту Троцкого. Это ему не удалось»². Далее добавил, что Дзержинский потом открыто перешел к нам и дрался с нами против троцкистов.

В своем выступлении Сталин утверждал, что после смерти Ленина ЦК партии оставался верным его политической линии. Многие бывшие троцкисты увидели это «и перешли на нашу сторону и в одних рядах с нами очень хорошо дрались против троцкистов».

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1120. Л. 29.

² Там же. Д. 31–32.

У Сталина была очень трудная, почти невыполнимая задача — доказать опытным партийным и государственным деятелям, многие из которых являлись участниками революции и Гражданской войны, почему через 20 лет в рядах большевиков появлялись враги социализма, которых необходимо было уничтожать физически. А была ли необходимость объявлять террор против соратников по большевистской партии, несогласных с партийной линией?

В начале своего доклада Сталин сразу поставил в число политических ренегатов, рядом с находившимся за границей Троцким, Рыкова, Бухарина, Гамарника и Рудзутака. Однако вскоре он заявил, что у него нет данных о том, были ли они шпионами или хотя бы информировали немцев. Следовательно, Рыков, Бухарин, Гамарник и Рудзук не были сломлены на допросах и не стали клеветать на себя и своих коллег. Сталин повторял, что многие обвиняемые не признавались, что они шпионы, но добавлял, что против них есть данные: «Знаем, кому он (Рудзук. — *Авт.*) передавал сведения»¹.

Вся их вина, согласно Сталину, состояла в том, что они были связаны, разумеется, по работе, с осужденными ранее или ждвшими суда под арестом Енукидзе, Караханом, Якиром, Тухачевским, Уборевичем и Ягодой². Хорошо известно, что обвиняемые — бывшие члены Политбюро ЦК ВКП(б) — также общались и со Сталиным, Молотовым, Ворошиловым, Ежовым и другими, которые тогда в 1937 г. выступали против них в качестве обвинителей.

Часть выступления Сталина прямо напоминала шантаж, рассчитанный на аудиторию. Он «раскрывал» механизм вербовки шпионов. Трудно ответить, для чего он рассказывал людям очевидную небылицу. Иногда он любил в виде отступления от основного текста «повеселить» аудиторию.

Сталин сказал буквально следующее: «Есть одна разведчица опытная в Германии, в Берлине. Вот когда вам, может быть, придется побывать в Берлине, Жозефина Гензи, может быть, кто-нибудь знает. Она красивая женщина. Разведчица старая. Она завербовала Карахана. Завербовала на базе бабской части. Она завербовала Енукидзе. Она помогла завербовать Тухачевского. Она держит в руках Рудзутака... Будто бы сама датчанка, на службе у германского рейхсвера. Красивая, очень охотно идет на всякие предложения мужчин, а потом гробит...

¹ Там же. Д. 36–38.

² Там же.

Могут спросить..., как это так, эти люди, вчера еще коммунисты, вдруг стали сами шпионами? — А так, что они завербованы. Сегодня от них требуют, — дай информацию. Не дашь, у нас уже есть твоя расписка, что — ты завербован, опубликуем. Под страхом разоблачения они дают информацию. Завтра требуют... давай больше и получи деньги, дай расписку.

После этого требуют, — начинайте заговор, вредительство. В Кремле попытайтесь что-нибудь устроить или Московском гарнизоне и, вообще, займите командные посты... Дайте реальные факты... И они убивают Кирова. Вот, получайте, говорят. А им говорят: идите дальше... организуйте группу, которая должна арестовать правительство. Арестовать, перебить несколько человек, а народ, а армия... Они сообщают, что у нас ... заняты... большие командные посты: Тухачевский, Уборевич, Якир...

Они выступили против командующего Дальневосточным военным округом Блюхера, чтобы отдать Дальний Восток Японии... Он выпивает... устарел... Созываем совещание. ...Видимся с ним. ...Даем ему произнести речь — великолепно. Проверяем его... Он ...разумнее, опытнее чем любой Тухачевский, ...Уборевич, ...Якир. Есть люди с 10-летним командующим опытом, действительно из них сыплется песок, но их не снимают, наоборот, держат...»¹.

Когда перечитываешь текст стенограммы выступления Сталина перед военными, то все больше понимаешь, какими методами он стремился воздействовать на слушателей, повлиять на их подсознание своей «доверительностью», а чаще запугиванием, страхом. Одновременно создавалось впечатление, что он хотел убедить и себя в том, что заговор был, что люди, с которыми он совсем недавно работал, — «враги» и должны были умереть. Он говорил о том, какие они слабые — «рабы» германского рейхсвера, даже представлял, как они плакали, когда их приводили в тюрьму.

Разоблачительный накал его выступления нарастал. Сталин вспоминал, что Рыков, Бухарин и другие «заговорщики» были против коллективизации. У него невольно вырвалась фраза: «Колхозы. Да какое им дело до колхозов? Видите ли, им стало жалко крестьян. Вот этому мерзавцу Енукидзе, который в 1918 г. согнал крестьян и восстановил помещичье хозяйство, ему теперь стало жалко крестьян. Но так как он мог прикидываться простачком и заплакать, этот верзила (смех в зале), то ему верили... Я его еще тогда представлял к исключению из партии, мне не верили, считали, что я как грузин очень строго отношусь к грузинам. А русские,

¹ Там же. Л. 39–40.

видите ли, поставили перед собой задачу защищать «этого грузина». Какое ему дело, вот этому мерзавцу, который восстанавливал помещиков, какое ему дело до крестьян...»¹

Сталин говорил, что успех и достижения в стране — планы перевыполнялись, жизнь улучшалась, международный вес возрастал — притушилось чувство политической бдительности, доверились людям своим и чужим. Впервые за 20 лет разведка плохо сработала, поэтому надо поставить ее на ноги: «Это наши глаза, наши уши». Сталин акцентировал внимание на том, чтобы каждый партиец и каждый непартийный большевик сигнализировал о «происках врагов народа». По его словам, Ленин сам хотел сделать это, но не успел.

По данным Сталина, 300–400 человек арестованных необходимо заменить выдвиженцами снизу. Он призывал присутствовавших не смущаться, поскольку в Красной Армии «непочатый край талантов». Советовал выдвигать участников Гражданской войны в Испании: Д.Г.Павлова, Я.К.Берзина, Г.М.Штерна. Закончил свое выступление Сталин словами: «...Этих людей смелее выдвигайте, все перекроют, камня на камне не оставят. Смелее — не бойтесь. (Продолжительные аплодисменты)»².

После перерыва осмелевший от похвал Сталина в его адрес Блюхер вдруг заявил: «Нам сейчас, вернувшись в войска, придется начать с того, что собрать небольшой актив, потому что в войсках говорят и больше и меньше, и не так, как нужно. Словом, нужно войскам рассказать, в чем тут дело»³.

Сталин был удивлен. Ему не понравился тон и смысл заявления советского маршала. В свою очередь он задал Блюхеру неожиданный и провокационный вопрос: «То есть пересчитать, кто арестован?» Блюхер смутился и ответил: «Нет, не совсем так». Сталин понял, что Блюхер, члены Военного совета и приглашенные настолько были шокированы его речью, что не могли даже сообразить, как им дальше действовать: возвращаться в места дислокации войск или ждать своей участи в Москве. Все ждали разъяснений, и тогда Сталин, обращаясь к Блюхеру и всем остальным, посоветовал сделать следующее: «Я бы на вашем месте, будучи командующим ДВО, поступил бы так: собрал бы более высший состав и им подробно доложил. А потом собрал бы командующий состав пониже и объяснил бы более коротко, что враг затесался в нашу

¹ Там же. Л. 47.

² Там же. Л. 72–74; Источник. 1994. № 3. С. 83.

³ Там же. Л. 75.

армию, он хотел подорвать нашу мощь, что это наемные люди наших врагов, японцев, немцев. Мы очищаем нашу армию от них, не бойтесь, расшибем в лепешку всех, кто на дороге стоит»¹.

Массовые аресты высокопоставленных командующих обезглавили командование военных округов, соединений и армий, поэтому на том же июньском совещании у наркома обороны СССР К.Е.Ворошилова предстояло наметить решение проблемы замены руководящих военных кадров. Участников Гражданской войны в Испании, о которых говорил Сталин как возможном высшем командном резерве, было явно недостаточно. Сталин советовал командирам, сидевшим в зале, наметить в своих организациях двух заместителей с тем, чтобы выращивать их как по политической, так и по командной части. По его мнению, такой подход представлял возможность лучше изучать людей.

Нарком обороны СССР дал поручение руководителю кадрового управления Красной Армии Фельдману представить ему список примерно 150 человек командиров на выдвижение. Но Ворошилову пришлось ждать этого списка около трех лет и жаловаться С.М.Буденному: «Этот список есть где-то. Нужно разыскать». На что Буденный отвечал: «Я его видел, там все троцкисты, одни взятые, другие под подозрением». Сталин, слышавший этот диалог, заметил: «Так как половину из них арестовали, то значит, нечего тут смотреть».

Там же на совещании, в присутствии участников, Сталин, Ворошилов и Буденный решили не публиковать приказ о выдвиженцах на командные должности в армии и стенограмму совещания, а после ознакомления в войсках вернуть их в центр².

После обсуждения кадрового вопроса Сталин обратился к присутствовавшим с предложением простить тех командиров по политической или военной части, которые случайно были задеты по делу о заговоре, при условии, если бы они пришли и обо всем рассказали. Участники совещания, естественно, поддержали предложение Сталина. Но на его вопрос о том, есть ли такие люди, никто не откликнулся. Сталин же продолжал говорить о том, что 5 лет «работали», кое-кого задели случайно, а кто-то, может быть, выжидал. Хорошо если бы эти люди рассказали, как их дело провалилось, и предлагал помочь таким выжидавшим. Щаденко и Ворошилов стали дружно «помогать». Первый заявил, что в Гражданскую войну бандитам обещали прощение, если те сдавали

¹ Там же.

² Там же. Л. 76.

оружие и сами являлись с повинной. На что Сталин заметил, что у нынешних, сидящих в зале, и оружия-то нет, может, только знают о врагах, но не говорят. Ворошилов предупреждал «не желавших признаваться», что они могут оказаться в неприглядном положении, если за них что-то расскажут другие, и т.д. Сталин дал честное слово, что простит тех, кто признается, но зал молчал... Тогда Щаденко и Ворошилов пошли на открытую провокацию, они стали называть фамилии людей, якобы как-то причастных к заговорщикам или близких к ним. Прозвучали имена Д.А.Кучинского и К.А.Мерецкова, но они оба сразу же публично отвергли голословные наветы¹.

Вскоре из сообщения газеты «Правда» стало известно, что 11 июня 1937 г. специальное судебное присутствие Верховного суда СССР признало всех подсудимых — М.Н.Тухачевского, И.Э.Якира, И.П.Уборевича, А.И.Корка, Р.П.Эйдемана, Б.М.Фельдмана, В.М.Примакова и В.К.Пугну — виновными в нарушении присяги, измене родине. Все они были лишены воинских званий и приговорены к расстрелу. Еще до приговора суда Сталин от имени Центрального комитета партии направил местным партийным организациям предложение организовать митинги рабочих, крестьян, красноармейцев в поддержку суда над шпионами и предателями, чтобы вынести резолюцию о необходимости применения к ним высшей меры наказания². Ночью 12 июня того же года приговор был приведен в исполнение.

Сталин держал в напряжении весь состав ЦК партии личной регулярной информацией о новых арестах и расстрелах членов и кандидатов в члены ЦК. Выступая на пленуме ЦК ВКП(б) 29 июня 1937 г., он сказал, что на основе неопровержимых данных, поступивших на членов ЦК И.Ф.Кадацкова, М.С.Чудова и кандидата в члены ЦК И.П.Павлуновского, они были арестованы. Сталин дополнил, что в НКВД завершилась проверка дела И.А.Пятницкого, которого ожидали передопрос и очная ставка³.

В доказательство сталинских слов участники пленума получали копии стенограмм допросов для ознакомления, и кто-то из них среди новых имен заговорщиков находил и свою фамилию. Там же на пленуме люди, «оказывавшиеся» участниками антиправительственного заговора, выводились из состава ЦК партии открытым голосованием, сопровождавшимся голосами одобрения: «Правильно». А.А.Андреев, председательствовавший на заседа-

¹ Там же. Л. 81.

² Военные архивы России. Вып 1. 1993. С. 55.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1120. Л. 82.

нии, соблюдая партийный «порядок», спрашивал: «Кто против?» Против никого не было.

Уничтожив маршала Тухачевского, а с ним и группу командиров высшего ранга, Сталин обратил свое внимание на других маршалов Красной Армии. Летом 1937 г. Сталин принял участие в специальном военном совещании. Кроме Сталина, на нем присутствовали: В.М.Молотов, К.Е.Ворошилов, Н.И.Ежов, А.И.Егоров, С.М.Буденный, И.Ф.Федько, Н.С.Хрущев, С.К.Тимошенко, П.Е.Дыбенко, Л.З.Мехлис, Е.А.Щаденко, Г.И.Кулик. В.К.Блюхера на совещании не было. Сталин слушал выступавших, а в конце сам взял слово. Суть его выступления состояла в том, что антисоветский заговор, возглавлявшийся Тухачевским, был ликвидирован, но остались отдельные группировки, которые, по его мнению, недовольны политикой партии в военном деле, могли, собрав вокруг себя таких же недовольных, выступить против советской власти.

В центре критики оказалась «группировка», состоявшая из Егорова, Буденного и Дыбенко. Сталин поддержал выступления Тимошенко и других, заявлявших, что Егоров, Буденный и Дыбенко — политические единомышленники, недовольные существовавшим тогда положением в армии. Он развил эту мысль и предположил, что они, возможно, были недовольны и политикой партии. «...Мы слишком много выдвигаем и популяризируем таких людей...», — сказал Сталин, — нас нельзя упрекнуть в том, что мы затираем талантливых... Если нашего какого-либо наркома снять и направить на... низовую работу — он моментально обидится и полезет в какую-нибудь оппозицию, станет недоволен политикой партии... правительства... Ленин... писал, что коммунист должен подчиниться любому решению. ...Было оговорено... что с ответственных постов направлять иногда на низовую работу... и выдвигать новых людей. К примеру, возьмите меня. Работая при Ильиче, я был наркомнацем, и в то же время был нарком РКИ. Несмотря на это, меня направили в Царицын заготавливать хлеб, и я был подчинен Цурюпе, даже не члену ЦК. ...Будучи дважды наркомом... членом Политбюро ЦК, я в течение 3 лет исполнял различные поручения ЦК на более низкой работе и никогда не вздумал обидеться. Был только один случай, когда мне позвонил Владимир Ильич и сообщил, что в Ростове плохо, возможно, что Ростов взят, и предложил поехать туда выправить положение. Я наотрез отказался и мотивировал тем, что не хочу без конца... чистить чужие конюшни. Пусть поедет туда Троцкий. ... Просто тогда дал советы Владимиру Ильичу, как поступить с Ростовом, что сделать. Были приняты мои предложения, и дело вышло.

Так что, товарищи, зазнаваться нечего... Правильная политика правительства решает успех армии. При правильной политике техника и командный состав всегда приложатся»¹.

Сталин охарактеризовал недовольство Егорова, Буденного и Дыбенко порядками в армии «буржуазными настроениями». Привел пример из истории буржуазной Германии: похвалив премьер-министра Бисмарка, который не обиделся, когда им стали недовольны и направили послом в Россию. Он честно работал, поэтому его вновь призвали и сделали премьер-министром. Этим Сталин хотел подчеркнуть, что только преданные и исполнительные люди, а не оппозиционеры достойны выдвижения на высшие командные посты. К примеру из истории Германии он присовокупил рассказ о причинах побед Наполеона. Он говорил, что армия Наполеона была первоклассной, имела хорошую артиллерию, но главное было не в этом, а — в политике Наполеона, который легко завоевывал страны как освободитель крестьян от феодалов. Но он назначал своих родственников во главе правительств, а те стали эксплуатировать народы, чем вызывали большое недовольство. По мнению Сталина, недовольство народа политикой Наполеона привело его к поражению. При этом Сталин всегда подчеркивал, что народы СССР всегда поддерживали политику большевиков.

Запугивая военных, Сталин говорил, что народ разоблачил и уничтожил Тухачевского и его группу заговорщиков, а недовольным политикой партии Дыбенко, Егорову и Буденному народ выражает недоверие. Он открыто предупреждал их об опасности.

Как мы знаем, из троих названных им военачальников уцелел только один — Буденный. И это не случайно. Сталин никогда не видел в Буденном конкурента в политике, считая его преданным функционером, доверял ему много больше, чем другим. В годы Гражданской войны они были рядом: профессиональный политработник Сталин и профессиональный кавалерист — Буденный. За четыре года до разгрома высшего командного состава Красной Армии, 26 апреля 1933 г. Сталин через газету «Правда» лично поздравил своего боевого товарища, организатора «славной красной конницы», талантливейшего «выдвиженца революционных крестьян» С.Буденного с днем его 50-летия.

Истребление высшей командной элиты Красной Армии продолжалось. В 1938 г. были обвинены в измене и расстреляны: маршал В.К.Блюхер (историк Ф.Д.Волков пишет, что его до смер-

¹ Там же. Л. 103–109.

ти замучили на допросах)¹, командармы II ранга Я.И.Алкснис, П.Е.Дыбенко, Н.Ф.Каширин, командарм I ранга И.П.Белов. Маршал А.И.Егоров погиб от пыток во время следствия в 1939 г. Репрессиям подверглись и многие другие командиры высшего и среднего звена, а всего погибло примерно 40 тысяч человек офицеров, т.е. более 50% командного состава Красной Армии и Военно-морского флота. Значительно больше военных были приговорены к длительным срокам тюремного заключения и лагерей. Еще больше было уволено из армии и флота. То, что происходило внутри страны в 1937–1940 гг., можно назвать разгромом командования Красной Армии накануне Второй мировой войны.

У историков нет единого мнения по вопросу о точной численности советских военных, погибших от сталинских репрессий в 1937–1938 гг.² По нашим данным, основанным на изучении постановлений, распоряжений, решений ЦК ВКП(б) и СНК СССР, Политбюро ЦК ВКП(б), приказов, сводок и дел осужденных НКВД СССР за 1937–1938 гг., цепная реакция репрессий нарастала в геометрической прогрессии. Каждого арестованного принуждали давать показания на 5–10–15 и более человек его сослуживцев, родственников и знакомых. Почти на каждое новое названное имя давался ордер на арест. Многие из арестованных по воле руководства НКВД становились «участниками» антиправительственного заговора. К ним применялись самые суровые меры социальной защиты с целью раз и навсегда искоренить возможность возникновения «нового заговора». К примеру, после гибели маршала СССР В.К.Блюхера расстреляли еще четырех человек, близких родственников. Расстреляны 5 человек родных маршала СССР М.Н.Тухачевского: жена — Н.Е.Тухачевская, два родных брата, муж сестры Елизаветы, муж сестры Марии³.

¹ Волков Ф.Д. Взлет и падение Сталина. М., 1992. С. 125.

² На заседании Главного военного совета Красной Армии 29 ноября 1938 г. К.Е.Ворошилов подвел итог, что в 1937–1938 гг. вычистили более 40 тыс. человек. (См. Черушев Н.С. 1937 год: Элита Красной Армии на голгофе. М., 2003. С. 7.) По архивным данным, полученным Г.А.Куманевым, с 27 февраля 1937 г. по 12 ноября 1938 г. Сталин, Молотов и Каганович дали санкции на расстрел 38679 военнослужащих (Правда. 1989. 22 июня). А.Т.Уколов, В.И.Ивкин на основе судебной статистики Военной коллегии Верховного суда СССР подсчитали, что в 1936–1940 гг. за контрреволюционные преступления было осуждено 10838 человек, из коих 2218 человек военных среднего, старшего и высшего командного звена. Они отметили, что приводимые ими данные не учитывали осужденных особым совещанием НКВД СССР и др. внесудебными органами. (Военно-исторический журнал. 1993. № 1.С. 60–61).

³ См.: Черушев Н.С. Указ. соч. С. 524–531.

Сталину и Ворошилову удалось обезглавить Красную Армию. Из 94 человек высшего командного звена, принимавших участие в «работе» Высшего совета Наркомата обороны СССР 1–4 июня 1937 г., не подверглись репрессиям только восемь человек, это И.Р.Апанасенко, К.Е.Ворошилов, С.М.Буденный, О.И.Годовиков, Е.А.Щаденко, С.К.Тимошенко, А.В.Хрулев, Б.М.Шапошников. 78 человек были расстреляны. С.С.Каменев умер до начала репрессий и был посмертно причислен к врагам народа. Я.Б.Гамарник застрелился, Л.М.Галлер умер в тюремной больнице, А.Я.Лапин покончил с собой в тюремной камере. Выжили и впоследствии были освобождены: К.А.Мерецков, А.И.Тодорский, Г.Г.Ястребов, Я.М.Фишман, К.К.Рокоссовский¹.

3. Борьба с «диверсантами и агентами» империализма

Страх перед агрессией со стороны капстран возбуждал недоверие советского руководства к иностранцам. Ухудшение отношений между СССР и Германией после прихода к власти Гитлера привело к преследованию в Советском Союзе не только германских граждан, но и всех так называемых «советских немцев».

В оперативном приказе № 00439 от 25 июля 1937 г. о шпионаже и диверсиях на советских оборонных предприятиях, совершавшихся германскими подданными, сообщалось, что агентурными и следственными материалами «доказывалась» провокационная деятельность германского генерального штаба и гестапо на важнейших оборонных предприятиях промышленности СССР. По мнению НКВД, для этой цели будто бы использовались осевшие на оборонных заводах германские граждане.

Оперативный приказ обязывал все управления и отделы госбезопасности СССР приступить к арестам германских политических эмигрантов, работавших на оборонных предприятиях, а также лиц, сохранивших подданство Германии. На каждого из германских политэмигрантов Ежов потребовал через 10 дней представить ему подробный компрометирующий материал для решения вопроса об аресте. В процессе следствия над «выявленными» германскими «шпионами», их предлагалось немедленно арестовать независимо от гражданства и места работы. При проведении операции был произведен тщательный учет всех советских немцев,

¹ Печенкин А.А. 1937 год: Сталин и военный Совет. С. 52.

работавших на промышленных предприятиях, в сельском хозяйстве и в советских учреждениях¹.

В Москве и других городах начались повальные аресты граждан с немецкими фамилиями, работавших на оборонных предприятиях, железнодорожном транспорте, а также уволенных с них, если они проживали на территории данной республики, края или области. Все они обвинялись в шпионаже как агенты гестапо и в деятельности контрреволюционных подпольных организаций. В процессе проведения операции НКВД выявлялись новые и новые «завербованные» немецкой разведкой «вредители и террористы». Следователи госбезопасности, стремясь быстрее решить проблему поиска «шпионов», запрашивали списки лиц немецкой национальности из парторганизаций институтов, техникумов и школ. Ордера на аресты заполнялись по полученным спискам. Как открылось впоследствии, некоторые следователи выискивали кандидатуры для арестов по справочникам номеров телефонов, содержащим иностранные фамилии. Московское управление НКВД «обнаружило» и ликвидировало антисоветскую организацию немецкой молодежи «Гитлерюгенд». Деятельность этой никогда не существовавшей организации была полностью фальсифицирована сотрудниками органов госбезопасности. На следствии арестованных 17–18-летних молодых людей избивали, чтобы добиться от них признаний. Всего в период с 8 марта 1937-го по 19 ноября 1938 г. были осуждены к высшей мере наказания и расстреляны только на Бутовском полигоне в Москве около 600 немцев. Многие были приговорены к длительным срокам тюремного заключения, а некоторые из них бесследно сгинули в лагерях².

В опубликованных списках расстрелянных в 1937–1938 гг. в Москве значится имя Опеля Альберта Карловича. Из краткой справки о нем узнаем, что родился он в Ногинске Московской области в 1875 г., немец, бывший фабрикант. При Советской власти работал методистом и преподавателем Главного управления учебных заведений Наркомлеса СССР. Проживал в Москве, по улице Житной, в доме 14, кв. 3. Арестован 28 июня 1938 г., по обвинению в шпионаже в пользу Германии приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 19 октября того же года, реабили-

¹ ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 5.

² Дель О., Мусиенко Н. «Гитлерюгенд» и другие фальсификации НКВД // Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. Вып. 3. М., 1999. С. 36–37.

рован 20 августа 1956 г.¹ Какую пользу сталинскому режиму могло принести убийство этого человека?

Операция НКВД, санкционированная ЦК ВКП(б) и подписанная Ежовым 24 июля 1937 г., была предпринята для срыва «подготовки» разведорганами капиталистических стран бактериологических диверсий: заражения территорий городов и сел, отравления водоисточников и продовольствия, — все это должно было вызвать панику в случае войны².

Поскольку в руках Ежова не имелось конкретных материалов о деятельности иностранных разведок по подготовке бактериологических диверсий в СССР, то все внимание госбезопасности было обращено на заводы, производившие и применявшие в своих производствах сильнодействующие яды, а особенно на специалистов, с ними работавших и отвечавших за их сохранность.

В поле зрения чекистов попали научно-исследовательские учреждения, которые «могли» через завербованную иностранными разведками агентуру из числа советских ученых получать для реализации своих диверсионных планов необходимые бактериологические материалы. Таким образом, только *предположение* руководства Управления госбезопасности НКВД послужило основанием для проведения операции, в результате которой были разгромлены перспективные научные институты, воссозданные в советское время.

Такая же участь постигла ученых Биотехнического института. Директор института молодой профессор И.М.Великанов и его жена З.И.Михайлова сделали ряд важнейших научных открытий, изучая причины возникновения у раненых газовой гангрены. В 1929 г. ими была получена сыворотка, впоследствии успешно применявшаяся в институте им. Склифосовского. Иван Михайлович впервые в СССР предложил и внедрил сыворотку против отравления мясными, рыбными и овощными консервами. Зоя Ивановна подготовила противостолбнячную сыворотку, широко использовавшуюся в медицинской практике.

И.М.Великанов был арестован 6 июля 1937 г. Его обвиняли в том, что он являлся шпионом японской разведки и вредителем и по заданию Тухачевского подготавливал план массовой биологической диверсии, путем заражения пищевых продуктов, потребляемых населением столицы³. На допросах и очных ставках

¹ Там же. С.127.

² ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 5. Л. 193–198.

³ См.: Великанов В. Судьбы людские. М., 1998. С. 129–130. Из обвинительного заключения, взятого автором данной книги, сыном профессора И.М.Великанова в архиве бывш. КГБ СССР в 1993–1999 гг.

профессор Великанов понял, что от него добиваются подтверждения ложных обвинений. Он отверг представленные обвинения и 21 ноября 1937 г. в письменной форме отказался давать дальнейшие показания¹.

От жены Великанова, З.И.Михайловой, арестованной в тот же день, следователи Лубянки требовали подтвердить преступную антисоветскую и шпионскую деятельность ее мужа. В архивах имеется стенограмма ее ответа оперуполномоченному: «Собственноручным показаниям, в которых он (Великанов) разоблачает себя как участник военно-фашистского заговора, я не верю. Врагом народа его не считаю»². Несмотря на отсутствие конкретных доказательств, Великанов и Михайлова по закону от 1 декабря 1934 г. были расстреляны. Малолетние дети ученых (дочь и сын) были взяты в семью родственников, получив впоследствии хорошее воспитание и образование.

В самый разгар кампании, направленной против «советских немцев», Сталин не забывал о тех рабочих и крестьянах, которых, по его мнению, контрреволюционеры могли привлечь на свою сторону. Подавляющее большинство людей, уничтоженных сталинским режимом, не имели никакого отношения к так называемой «пятой колонне», которая якобы существовала в СССР накануне Второй мировой войны. Самое большое число рядовых граждан было уничтожено на основании решения руководства страны «Об антисоветских элементах», выраженного в оперативном приказе Н.Ежова за № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г.

События развивались в ускоренном темпе. 9 июля 1937 г. Сталин подписал решение Политбюро об утверждении троек и разрядку на аресты. Органам государственной безопасности предписывалось «самым беспощадным образом разгромить всю банду антисоветских элементов», чтобы защитить трудящийся советский народ от их «контрреволюционных происков». Такой директивой Сталин хотел добить остатки недовольных политикой Советской власти. Как и в феврале 1930 г., территории республик, краев и областей были разделены на оперативные сектора. В каждом секторе были созданы оперативные группы во главе с начальником госбезопасности. В их распоряжении имелись подразделения Красной Армии и милиции. Общее руководство осуществлял начальник Главного управления госбезопасности комкор М.П.Фриновский.

¹ Там же. С. 128.

² Там же. С. 142.

Во время арестов требовалось производить тщательные обыски, изымать оружие, контрреволюционную литературу, драгоценности, иностранную валюту. Следствие производилось ускоренно и в упрощенном порядке. Репрессиям подвергались и люди, содержащиеся в то время под стражей, следствие по делам которых было закончено, но дела еще не были рассмотрены судебными органами. Они передавались на суд троек.

Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 июля 1937 г. было дано указание отпустить НКВД из резервного фонда Совнаркома на расходы, связанные с проведением операции, 75 млн руб.

Судя по разнарядке, в СССР начиная с августа 1937 г. и до конца года предполагалось расстрелять 73 950 человек, осужденных тройками по I категории. Из них только в РСФСР должны были расстрелять 47 450 человек, в том числе в Московской обл., Азово-Черноморском и Западно-Сибирском краях по 5000 человек, а в Украинской ССР (без данных по двум областям) — 4800 человек, Казахской ССР — 2500 человек, Белорусской и Грузинской ССР — по 2000 человек в каждой. В других республиках и областях было расстреляно значительно меньше. В лагерях НКВД предполагалось расстрелять 10 000 человек подследственных¹.

После высылки и осуждения кулаков в 1930–1931 гг. расстрелы лета и осени 1937 г. были продолжением политики устрашения гражданского населения. По тому же приказу по II категории следовало арестовать 188 500 человек.

С маниакальным упорством власти преследовали раскулаченных крестьян, заподозренных в контрреволюционных высказываниях, а также тех, кто нелегально вернулся в родные края из мест спецпоселения или скрывался от выселения. Например, в 1936 г. из «бегов» к своей семье (жене и дочерям, бежавшим из Северного края) возвратился крестьянин П.В.Дорожинский. Вместе с ними он проживал в приобретенном еще до коллективизации домике в поселке «Локомотивстрой» г. Орска Оренбургской области. Работал кузнецом в сельхозартели. Летом 1937 г. он попал под сталинско-ежовскую разнарядку на расстрел. За ним пришли рано утром. С тех пор семья его больше не видела. Искали, обращались во все инстанции — никакого ответа. Только после Великой Отечественной войны из Президиума Верховного Совета СССР сообщили, что П.В.Дорожинский умер в местах лишения свободы. Родные понимали, что то была просто отписка.

¹ Расстреляно по разнарядке или как это делали большевики // Труд. 1992. 4 июня.

Только спустя много лет началась реабилитация жертв беззакония. Дорожинский был реабилитирован за отсутствием состава преступления. В 1989 г. внук Дорожинского обратился с письмом в Управление КГБ СССР по Оренбургской области с просьбой сообщить ему правду о судьбе деда. По указанию начальника подразделения УКГБ материалы следственного дела П.В.Дорожинского в порядке надзора были направлены в областную прокуратуру.

В результате проведенной прокуратурой проверки было установлено, что после ареста 27 июля 1937 г. сотрудниками госбезопасности на Дорожинского было заведено уголовное дело. Следствие велось в Орске сержантом госбезопасности Винокуровым. Через месяц, применяя незаконные методы, следователь получил нужные показания и направил Дорожинского в Оренбург. 24 августа 1937 г. тройкой УНКВД Оренбургской области он был осужден как участник контрреволюционной организации к высшей мере наказания. На следующий день приговор был приведен в исполнение. Место захоронения расстрелянного в материалах указано не было. В мае 1989 г. прокуратура Оренбургской области, рассмотрев материалы уголовного дела Дорожинского, пришла к выводу, что оно было полностью сфальсифицировано, так как в основу обвинения были положены «признательные показания» самого подследственного. Следовательно, он был осужден необоснованно¹.

Единственный сын необоснованно расстрелянного П.В.Дорожинского Григорий работал на лесоповале в Коми АССР. В мае 1942 г. он был направлен на фронт, за участие в боях награжден двумя орденами и медалями. После войны с тяжелым ранением вернулся в республику Коми. Там женился, воспитывал детей, проработал до пенсии.

Архивы НКВД долгое время хранили документы о том, как «разоблачались антисоветские организации» в Дальневосточном крае. «Расскажите о вредительской деятельности вашей контрреволюционной организации», — требовал следователь от крестьянина Н.Е.Матвеева из колхоза «Вперед». На 4-й день Матвеев не выдержал и стал оговаривать себя и тех, кто с ним работал: «Пичуев путем недогляда сделал пасеку бездоходной, Бобриков вывел из строя конское поголовье, коего не кормил. Белокрылов

¹ Копия ответа из Управления КГБ СССР по Оренбургской области от 26.05.1989 г. была предоставлена в наше распоряжение внуком П.В.Дорожинского.

...сгубил 2 дойных коров и т.д. Сам я так провел весенний сев, что урожая почти не было»¹.

Следователям не приходилось ломать голову, изобретая преступления колхозников, поскольку колхоз «Вперед» разваливался на глазах. Проливные дожди, наводнение, а затем засуха середины 1930-х гг. уничтожили пастбища, чем вызвали падеж скота и, как следствие, предопределили массовый выход крестьян из колхозов. Однако, колхозная история о вредительстве не была главной «причиной» ареста Никиты Матвеева. Его обвиняли в связях с заграницей. Зимой 1935 г. он действительно перешел на ту сторону пограничной реки Уссури, посетив там бежавшего туда от коллективизации своего двоюродного брата Якова Матвеева. Обвинения были выдвинуты и против жены нарушителя советской границы, арестованной вместе с ним. Под арест попали все колхозники, на которых под давлением следствия показал Никита Матвеев. Только двое отвергли предъявленное им обвинение, остальные были сломлены и подписали клевету на себя и других. Таким образом, была разоблачена «контрреволюционная организация», руководимая «японским шпионом» Яковом Матвеевым. Арестованных вывезли в Хабаровск, где тройкой УНКВД приговорили всех к расстрелу. Сиротами остались 26 несовершеннолетних детей.

На этом история расстрелянных колхозников не кончается. В 1960 г., когда начался пересмотр сфабрикованных дел, открылись новые факты. Кроме полной невиновности казненных в 1938 г. сельчан, были установлены подлинные мотивы ареста мужа и жены Матвеевых. Основную роль в той истории сыграли карьерные амбиции капитана Сурженко, который еще в 1935 г. разработал план собственной операции по захвату перебежчика Якова Матвеева, а в качестве помощника избрал его брата Никиту, засланного в Китай для «переговоров». Из той затеи ничего не получилось, поэтому спустя два года Сурженко воспользовался фактом «нарушения границы» для раскрытия «шпионской сети»².

Приказ Ежова от 25 июля 1937 г. был перевыполнен, а цифры, намеченные в нем для ареста и расстрела, были превышены в несколько раз. С августа 1937 г. по ноябрь 1938 г. было расстреляно 386 798 человек, отправлено в лагеря — 380 559 человек³.

¹ Красиков И., Наумов В. Что снится по ночам палачам? Впервые открытые дальневосточные архивы НКВД потрясают фактами страшных злодеяний // Труд. 1992. 11 авг.

² Там же.

³ Данилов В.П. К истории сталинского террора // Куда идет Россия...? Международный симпозиум 10–19 января 2002. М., 2002. С. 322–323; Зеле-

В лице тех, кто избежал расстрела, советское государство видело бесплатную рабочую силу, непрерывно пополнявшую лесоразработки, стройки и рудники ГУЛАГа. На организацию новых лагерей было выделено 10 млн руб. Для решения столь важной задачи в ГУЛАГ направлялись новые партийные, комсомольские кадры, а для охраны лагерей Наркомат обороны призвал из запаса РККА 240 командиров и политработников¹.

Расстреляв Тухачевского, Сталин не забыл о его подчиненных по советско-польской войне 1920 г. По указанию Политбюро ЦК ВКП(б) была проведена крупномасштабная чекистская операция против граждан СССР польского происхождения. Враждебное отношение СССР к независимой Польше нашло отражение в приказе наркома Ежова за № 00485, подробности которого были изложены в строго секретном письме Главного управления госбезопасности к руководителям на местах от 11 августа 1937 г. «О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР». В нем сообщалось, что НКВД была вскрыта и ликвидирована крупнейшая диверсионно-шпионская сеть польской разведки в СССР, существовавшая в виде «Польской организации войсковой» (ПОВ). Отмечалось также, что накануне Октябрьской революции и непосредственно после нее Ю.Пилсудский создал на советской территории свою политическую агентуру. Из года в год в нашу страну под видом политэмигрантов, обмениваемых политзаключенных и перебежчиков систематически перебрасывались многочисленные кадры шпионов и диверсантов, включавшихся в общую систему польской разведки².

Главное управление госбезопасности предупреждало чекистов, что был ликвидирован в основном только актив организации, который охватывал систему НКВД, РККА, аппарат Коминтерна (его польскую секцию), Наркоминдел, оборонную промышленность, транспорт и даже сельское хозяйство³. Получалось, что польская разведка разрушала важнейшие сферы экономики и структуру управления страной.

Кроме поляков пострадали «завербованные “непольские элементы”». Они обвинялись в подготовке свержения Советской власти, провоцировании войны с Германией в 1918 г. Им припи-

нин И.Е. Кульминация «Большого террора» в деревне. Зигзаги аграрной политики (1937–1938 гг.) // Отечественная история. 2004. № 1. С. 175–176.

¹ Расстрел по разнарядке... // Труд. 1992. 4 июня.

² ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 5. Л. 276–277.

³ Там же. Л. 278.

сывалась организация подрывной работы на Западном и Юго-Западном фронтах во время войны с Польшей в 1920 г. Руководство польской секцией исполнительного комитета Коминтерна обвинялось в том, что оно способствовало полному захвату членами ПОВ руководящих постов в Польской компартии, с целью использования их для антисоветской деятельности¹.

После неудачного для Красной Армии похода в Польшу в 1920 г. указанная группа польских шпионов развернула вредительство в советской разведывательной и контрразведывательной системе, захватив под свое влияние решающие участки деятельности в Москве, Минске, Ленинграде. Так, член ПОВ Шташевский, назначенный И.С.Уншлихтом награничную работу, использовал свое пребывание в Берлине в 1923 г. для поддержки германской контрреволюции, направленной на разгром пролетарского восстания. Другой член той же организации, сотрудник разведывательного управления РККА Жбиковский, занимался провокационной деятельностью для осложнения взаимоотношений СССР с Англией. По директиве Уншлихта, сотрудники иностранного отдела ОГПУ Логановский и Баранский готовили покушение на французского маршала Фоша во время его приезда в Варшаву и т.д.

Очевидно, Ежов стремился объединить так называемые «вредительские», «шпионские» и «фашистские» группы в единый антисоветский заговор. Для этого был запущен в дело нелепый компромат против Уншлихта и его коллег²: «шпионы» И.С.Уншлихт и Р.А.Муклевич, выполняя задания все той же вездесущей польской разведки, стремились подорвать развитие советского военно-промышленного комплекса. Уншлихт, с 1931 г. занимавший пост заместителя председателя Госплана СССР, будто бы создал в секторе обороны Госплана группу «Польской организации войсковой» в составе Анны Муклевич, Заслава Ширинского и других, которые «...открыто выступали против строительства военных заводов под предлогом того, что это дорого и непосильно, вредительски рекомендуя военное производство налаживать в гражданской промышленности»³.

Далее в письме следуют подробности «шпионажа» начальника Военно-морских сил СССР (а с 1934 г. начальника Главморпрома) Р.А.Муклевича. Судя по письму, он начал свою «вредительскую»

¹ Там же. Л. 279.

² Там же. Л. 293, 308–316.

³ Там же. Л. 300.

работу с искусственного замедления строительства торпедных катеров, сторожевых кораблей и подводных лодок, поручив проектирование Игнатьеву, «возглавлявшему» группу «вредителей» в научно-техническом бюро. Заложенные на стапелях корабли по несколько раз расклепывались и переукладывались заново, а утвержденные Реввоенсоветом сроки проектирования и строительства нарушались.

Муклевич вовлек во вредительскую организацию более 20 руководящих работников судостроительной промышленности из числа троцкистов, зиновьевцев и антисоветски настроенных специалистов. В результате его деятельности, как считали сотрудники спецслужб, было задержано строительство и сдача военному ведомству ряда кораблей и подводных лодок. В частности, путем задержки производства дизелей была сорвана в 1937 г. сдача подводных лодок для Дальнего Востока. В подлодке «Малютка» был вредительски увеличен габарит, лишаящий возможности перевозить ее по железной дороге. Срыв строительства серийных эсминцев и многое другое служило «доказательством» преднамеренного вредительства Муклевича¹. От арестованного Муклевича добивались, чтобы он признался в руководстве подготовкой диверсионных актов, а также в том, что по его личному указанию члены группы Стрельцов и Бродский должны были вывести из строя большие стапели Балтийского судостроительного завода².

Абсурдность данного обвинения была очевидной, поскольку в те годы планы первых советских пятилеток выполнялись досрочно и успешно только на бумаге, а производство новой, тем более военной техники осуществлялось с огромными трудностями и с большим опозданием, так как не хватало современного оборудования и многое приходилось делать почти вручную. Опыта строительства новейших боевых кораблей не было, поэтому приглашались зарубежные специалисты. Многие отечественные инженеры и квалифицированные рабочие были уволены или репрессированы как «бывшие люди», которым советская власть не доверяла.

Обвинительные процессы отличались тем, что изначально отменялись все прежние заслуги арестованных перед Советской властью. Награды, совсем недавно полученные от правительства СССР, не учитывались. Причина такого подхода ясна. Если бы сотрудники госбезопасности учитывали вклад арестованных в дело

¹ Там же. Л. 304.

² Там же. Л. 305.

укрепления Советского государства, то обвинительное заключение полностью бы рассыпалось.

Например, Муклевич, будь он шпионом или вредителем, не стал бы беспокоиться за Беломоро-Балтийский канал, этот кратчайший водный путь для переброски боевых кораблей с Балтики с целью усиления обороны северного побережья СССР. В ответ на запрос Совета труда и обороны и Особого комитета по строительству Беломорского водного пути он честно и аргументировано изложил свое мнение о том, что глубины р. Свирь, равные 6 футам, не позволят проводить каналом ни одного боевого корабля, что сводило на нет всю проделанную работу на участке Онежское озеро – Белое море. Он писал: «...Вопрос о возможности перегруппировки морских легких сил (подводных лодок, эсминцев, сторожевых кораблей) из Балтийского моря на север в 1933 г. приобретает особо важное значение»¹. Муклевич считал, что «...в 1932 г. совершенно необходима постройка хотя бы временных гидротехнических сооружений Свирской электростанции для поднятия воды до 12 футов, что подтянет единственно отстающий участок и тем самым позволит перебрасывать легкие силы с Балтики на Север»². Прислушались к его мнению, учли его предложение или нет – это уже другой вопрос, хотя предложение было своевременным и конкретным. На допросах в НКВД об этом никто не вспоминал, а если бы вспомнили и вышеприведенная цитата могла бы фигурировать в деле Муклевича, то, скорее всего, и она была бы использована против арестованного.

Август 1937 г. был вершиной разгула «ежовщины» в стране. Подтверждением тому явился зловецкий оперативный приказ за № 00486 от 15 августа 1937 г. об аресте жен «изменников родины, членов право-троцкистских шпионско-диверсионных организаций». Репрессиям подвергались жены арестованных и расстрелянных по ложным доносам людей. Они не доносили на своих мужей, не осуждали их и не хотели от них отрезаться, за что многие поплатились жизнью. Этот приказ требовал вернуться на год назад и репрессировать жен осужденных мужей начиная с 1 августа 1936 г. В нем предписывалось подвергнуть арестам тех женщин, мужья которых были осуждены военной коллегией и военными трибуналами по I и II категориям. В дальнейшем

¹ ГАРФ. Ф. 9414 с.ч. Оп. 1. Д. 1806. Л. 44. (ГУЛАГ НКВД СССР. Гидротехнический отдел. Протоколы особого комитета по строительству Беломорстроя.)

² Там же.

действие приказа было распространено и на другие категории. Заключительный 36-й пункт приказа обязывал руководство госбезопасности «впредь всех жен измененных изменников родины, право-троцкистских шпионов арестовывать одновременно с мужьями...»¹

Большинство жен, обеспокоенные арестами своих мужей, писали обращения в высшие государственные и политические инстанции, вплоть до СНК СССР и ЦК ВКП(б), в которых они стремились доказать несостоятельность и ошибочность арестов. Однако обращения, как правило, оставались без ответа.

Приказ № 00486 предписывал закончить аресты жен осужденных «изменников родины» к 25 октября 1937 г. Таким способом Сталин и его подручный Ежов исправляли свою «ошибку», когда подвергали аресту только главу семьи.

Но приказ был направлен против семей репрессированных, а не только против жен. При подготовке арестов собиралось досье на каждого члена семьи, составлялись — подробная общая справка на всю семью, отдельная краткая характеристика на «социально-опасных и способных к антисоветским действиям» детей старше 15 лет. На основании ордера аресту подвергались жены, состоявшие в момент ареста в юридическом или гражданском браке с осужденными, а также жены, хотя и состоявшие с осужденными к моменту ареста в разводе, но причастные к его контрреволюционной деятельности или знавшие об этой деятельности бывшего супруга, но не сообщившие об этом.

Жены, которые были беременны или имели грудных и тяжелобольных детей, а также женщины преклонного возраста до суда могли получить отсрочку. Они давали подписку о невыезде, за ними устанавливалось тщательное наблюдение. Однако после вынесения приговора они подвергались аресту и направлялись не в тюрьму, а в лагерь. Жены, разоблачившие своих мужей, т.е. сообщившие о них сведения, послужившие основанием для их ареста, не подвергались репрессиям.

Аресты сопровождалась тщательными обысками, во время которых конфисковались: иностранная валюта, драгоценные металлы в слитках, монетах и изделиях, личные и денежные документы, все имущество, за исключением необходимой одежды, обуви и постельных принадлежностей. Квартира арестованных опечатывалась. На каждую арестованную и на каждого «социально-опасного» ее ребенка старше 15 лет заводились следственные

¹ ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 1. Л. 224–228.

дела, которые рассматривались особым совещанием. Согласно данному приказу, жены осужденных «изменников родины» подлежали заключению на сроки, соответствующие степени их социальной опасности, но не менее чем на 5–8 лет. Дети осужденных в зависимости от их возраста, степени опасности и возможностей исправления подлежали заключению в исправительно-трудовые колонии НКВД или «водворению в детские дома особого режима»¹. В приказе № 00486 отдельно регламентировалось размещение, учет и наблюдение за детьми осужденных. Все дети были разделены на 3 группы, из которых 1-я и 2-я находились под особым надзором НКВД, а дети старше 15 лет и осужденные «социально-опасные» подростки учитывались 8-м отделом Главного управления государственной безопасности НКВД СССР. Грудные дети, находившиеся в лагерях вместе с их осужденными матерями, по достижении одного года отбирались у матерей и передавались в специальные детские дома и ясли. Именные списки детей, направлявшиеся из всех республик, краев и областей в Москву заместителю начальника административно-хозяйственного управления НКВД СССР, составлялись по группам, комплектуемым с таким расчетом, чтобы в один и тот же дом не попадали дети, связанные между собой родством или даже знакомством.

Детей-сирот, у которых были расстреляны отец и мать, власти разрешали нерепрессированным родственникам брать на свое полное иждивение. Наблюдение за политическими настроениями детей осужденных, за их учебой, воспитанием и жизнью возлагалось на народных комиссаров внутренних дел республик, начальников управлений НКВД краев и областей СССР.

Очередной оперативный приказ от 20 сентября 1937 г. за № 00593, подписанный Ежовым, был направлен против 25 тыс. человек, русских – служащих Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Репатрианты из Харбина (Китай) и реэмигранты из Манчжурии были на особом учете и под наблюдением ГУТБ НКВД. Все они подверглись беспощадной расправе как «бывшие белые офицеры, полицейские, жандармы, участники различных эмигрантских шпионско-фашистских организаций»². В приказе утверждалось, что в подавляющем большинстве эти люди являлись агентурой японской разведки, которая на протяжении ряда лет направляла их в СССР для террористической, диверсионной и шпионской деятельности.

¹ Там же. Л. 235.

² Там же. Л. 236–237.

В 1937 г. на железнодорожном транспорте и в промышленности Советского Союза было репрессировано 4500 человек реэмигрантов из Харбина. На следствии их заставили давать показания на своих коллег по работе на КВЖД. Операция по «ликвидации» харбинцев продолжалась в течение трех месяцев. Значительную часть из них отнесли к I категории и сразу же расстреляли. Остальных, включая женщин, детей и пожилых людей, приговорили к длительным срокам тюремного заключения и лагерей¹.

¹Там же. Л. 238.

ОХОТА НА «ПРАВЫХ» В ГОСАППАРАТЕ И ПАРТИИ

1. Дело председателя профсоюза железнодорожников А.М.Амосова

Политбюро ЦК ВКП(б) требовало раскрытия крупных заговоров и предотвращения организованных покушений на первых лиц партии и государства. Для таких дел требовались солидные фигуры. «Охота» чекистов на крупных руководителей чаще всего осуществлялась при помощи доносов одного-двух сослуживцев из ближайшего окружения «подозреваемого». Не исключено, что доносы писались под диктовку сотрудников госбезопасности. Зачастую следователи прибегали к шантажу, угрозам, физическим и моральным пыткам, рассчитывая добиться признания в несовершенных страшных преступлениях.

До лета 1937 г. имя потомственного железнодорожника Алексея Мефодьевича Амосова едва ли могло фигурировать в лубянских списках. Впервые оно встречается в анонимном письме от 11 мая 1932 г., адресованном председателю Совета народных комиссаров СССР Молотову. В нем сообщалось буквально следующее: «...Два-три года тому назад железнодорожный транспорт был доведен до состояния, во многом напоминающего годы разрухи периода гражданской войны. Довели его до такого состояния реорганизациями, реформами и обезличкой, проводившимися тт. Рудзутаком, Сулимовым, Рудым, Амосовым (председателем ЦК профсоюза железной дороги), Мироновым, Лебедем и др. видными руководителями, не исключая и руководителя транспортного ГПУ»¹. Амосов был взят на заметку чекистами, но «оргвыводы» последовали через пять лет.

10 августа 1937 г. по ордеру № 4210 Главного управления государственной безопасности НКВД СССР, выданному лейтенанту госбезопасности Бруевичу, за подписью заместителя наркома внутренних дел Союза ССР М.Фриновского, был произведен арест А.Амосова и обыск в его квартире по адресу: Москва, ул.

¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 89. Д. 20. Л. 199.

Веснина, д. 11, кв. 20. В трехкомнатной квартире вместе с взятым под арест Амосовым проживала его жена И.В.Довгалевская и два сына — Николай и Андрей. В процессе обыска у Амосова (члена партии с 1914 г., участника гражданской войны, кандидата в члены ЦК ВКП(б) с 1930 г., делегата XVII съезда партии, награжденного в 1936 г. орденом Ленина) никаких вещественных доказательств не обнаружили, так как их не было и не могло быть. У него изъяли охотничьи принадлежности и пишущую машинку.

За два дня моральных и физических истязаний во внутренней тюрьме на Лубянке Амосова заставили признаться в том, чего он никогда не делал, и написать заявление на имя Ежова с признанием своих антисоветских преступлений:

«На вопросы о том, состоял ли я в контрреволюционной организации и веду ли борьбу против Советской власти, заявляю, что до последнего времени этот вопрос был дик для меня. Но, обдумав всю свою работу, особенно начиная с ВЦСПС, перед 8-м съездом союзов, заявляю, что в начале, как мне теперь представляется, по существу контрреволюционной антипартийной организации правых изменников, я был вовлечен в нее, благодаря своей чрезмерной доверчивости. Произошло это так. Перед 8-м съездом профсоюзов в ВЦСПС, руководимом тогда председателем Томским, началось большое оживление. Прежде всего разговорчики о необходимости сплоченно провести съезд. Затем обычные профсоюзные пьянки. Они происходили на даче Шмидта, расположенной рядом с дачей Томского.

На одной пьянке пошли разговоры, что Томского хотят снять, обижают в ЦК, что этого нельзя допустить... Я считаю, что так как я бывал на этих пьянках, меня пичкали подобной «информацией», то, стало быть, тоже причастен был к этой антипартийной группировке или организации. Разговоры велись... прежде всего Ягломом, Луговым, Шмидтом, Мельничанским, Чернышовой и др. о том, что в ЦК нет коллективности, что профсоюзы хотят превратить в простой бюрократический придаток к партии, и т.п.

В начале я не придавал особого значения этим разговорам... Но, когда начались разговоры об отсутствии коллективности в ЦК, о якобы личных нападках на Томского и др., я пошел к т. Сталину выяснить, что же скрывается за этими разговорами. Был 2 раза у тов. Сталина. Он рассказал о позорном поведении Бухарина, Томского, Рыкова перед кулаком. Тогда я при встрече в ВЦСПС с Томским заявил ему: «Ты опять лезешь в правое болото». После этого меня на пьянки не приглашали... На 8-м съезде профсоюзов я голосовал за т. Кагановича... на работе и в личных отношениях порвал со всеми правыми изменниками. И в ЦК профсоюза железной дороги и

в ВЦСПС открыто вел борьбу с ними, так что я считаю себя на положении обрабатываемого, но не обработанного правыми изменниками...

Не пишу здесь о деталях потому, что мне сказали, надо написать короткое заявление.

13 августа 37 г. А.Амосов»¹.

Амосов вспомнил тех «врагов народа и шпионов», которые уже прошли через процессы 1936 г. и были расстреляны. Конечно, человек, отдавший себя служению советской власти, хотел доказать абсурдность и нелепость предъявленных ему обвинений и оправдаться, но губил себя и других, таких же, как и он сам, ни в чем не виновных людей. А.Амосов, возможно, надеялся, что заявлением на имя Ежова закончатся моральные и физические издевательства, но, как выяснилось на следующий день, жестокие и изнурительные допросы только начинались.

После 13 августа 1937 г. в деле Амосова нет никаких записей. Можно лишь догадываться о том, что происходило с ним в течение трех последующих недель. Возможно, он отказывался давать нужные чекистам показания. Как бы там ни было, только 4 сентября 1937 г. арестованному Амосову было объявлено постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения. В предъявленном ему постановлении было сказано, что капитан государственной безопасности Овчинников из 6-го отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР рассмотрел дело гражданина А.М.Амосова и решил, что он — участник право-троцкистской антисоветской организации в Народном комиссариате путей сообщения СССР, активно проводящий контрреволюционную работу на железнодорожном транспорте. Капитан Овчинников постановил: гражданина Амосова привлечь в качестве обвиняемого по статье 58 пунктам 7, 9, 11 УК (через месяц он прибавил еще 2 пункта той же статьи. — *Авт.*), а в качестве меры пресечения — содержание под стражей во внутренней тюрьме Лубянки.

Допросы Амосова длились два месяца с перерывами примерно на двое суток, во время которых оформлялись и уточнялись записи протоколов. По времени каждый допрос занимал примерно 10 часов. Допрашивали арестованного два следователя, т.е. капитан Овчинников и чекисты из 6-го отдела ГУГБ или госбезопас-

¹ ЦА ФСБ России. Дело Р-8622. А.М.Амосов. Т. 1. Л. 16–17. Без малого половина текста следственного дела была закрыта бумажными пакетами, прошитыми металлическими скрепками, так как по закону 2003 г. все дело не может быть рассекречено.

ности железной дороги. В среднем текст протокола каждого допроса составлял более 40 страниц машинописи.

Первый протокол допроса обвиняемого Амосова, оказавшийся в нашем распоряжении, датирован 7 сентября 1937 г. Допрашивали зам. начальника 6-го отдела – старший майор Г. Андреев вместе с Овчинниковым. 1-й вопрос обвиняемому: «Вы сделали заявление о намерении дать откровенные и исчерпывающие показания о своей антисоветской деятельности. Что вы можете показать?»

Амосов отвечал, словно по заранее написанному тексту. Такой поворот в поведении Амосова был неожиданным, так как в заявлении на имя Ежова он не делал подобных «признаний» в измене партии и советской власти. Вот его ответ: «Я решил рассказать следователю всю правду о моем участии в контрреволюционной борьбе против ВКП(б) и советской власти на протяжении почти 10 последних лет. Я признаю себя виновным в принадлежности к нелегальной организации правых и в активном участии в антисоветской деятельности указанной организации.

Вопрос: Когда и кем вы были завербованы в антисоветскую организацию правых?

Ответ: В антисоветскую организацию правых я был вовлечен в 1929 г. Томским Михаилом Павловичем. Мое вступление в организацию правых явилось завершением длительного процесса идейной обработки меня Томским, а также его ближайшими сподвижниками Ягломом и Луговым.

Должен заявить, что до 1929 г. я в сильной степени был подвержен враждебным большевизму влияниям и настроениям и, начиная с 1918 г., принимал активное участие в целом ряде антипартийных выступлений и группировок.

В 1921 г. во время дискуссии о роли и задачах профсоюзов я являлся активным сторонником Троцкого и подписал троцкистскую платформу.

В последующие годы я активно поддерживал Томского в его выступлениях с позиции правых против ЦК ВКП(б) по разным вопросам: о профсоюзах, независимых от партии, осуществлявших свою самостоятельную политику, о затаянном характере нэпа, о необходимости длительной, рассчитанной на десятилетия политики лишь ограничения кулака... против намечавшегося развернутого наступления на него, что прежде всего приведет к значительному сокращению посевных площадей и голоду в стране, а в конечном счете к потере завоеваний Октябрьской революции»¹.

¹ Там же. Л. 18–20.

Из приведенного «признания» видно, что Амосов сознательно наговаривал на себя и на тех, о ком упоминал на следствии, так как никакой нелегальной организации правых никогда не существовало. Дискуссия по вопросам, которые он выдавал за политику, направленную против ЦК ВКП(б), проходила открыто и широко освещалась в печати до 1928 г. Каждый член партии считал своим долгом высказывать личную точку зрения по каждому обсуждавшемуся вопросу.

Следователи госбезопасности своими вопросами подталкивали арестованного давать необходимые показания, называть нужные фамилии или предлагали перечислить всех сослуживцев подряд, а главное, выдумывать теракты на вождей партии и государства или шпионаж в пользу капиталистических стран. Настойчиво твердили, что такие показания необходимы для спасения партии и Советской власти от замаскировавшихся врагов.

Как вспоминал впоследствии очевидец и участник тех событий Н.С.Хрущев, «их убеждали определенными способами в том, что они или немецкие, или английские, или какие-то другие шпионы. И некоторые из них «признавались». Даже в тех случаях, когда таким людям объявляли, что с них снимается обвинение в шпионаже, они уже сами настаивали на своих прежних показаниях, так как считали, что лучше уж стоять на своих ложных показаниях, чтобы быстрее прийти к смерти»¹. Оказывается, для несчастных подследственных расстрел был благом, освобождавшим от невыносимых страданий.

7 сентября 1937 г. допрос по «делу» обвиняемого Амосова был продолжен. По тексту протокола, отредактированному, перепечатанному и подписанному подследственным, хорошо видно, где человек говорил правду, а где то, чего от него требовали. О чем бы ни говорил Амосов, отвечая на вопросы, его всегда, как бы случайно, возвращали к разговору о бывшем главе профсоюзов СССР М.П.Томскому.

Амосов рассказывал, что с конца 1928 г. Томский развернул активную работу по сколачиванию контрреволюционной организации правых в профсоюзах. Во время встречи с Амосовым в 1929 г. в служебном кабинете здания ВЦСПС Томский заявил о своих планах борьбы с ЦК ВКП(б). Он в самых резких выражениях характеризовал политику ЦК и Сталина по вопросу о кулаке и развер-

¹ Хрущев Н.С. Отчет Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду партии. Доклад и заключительное слово 17 и 27 октября 1961 г. М., 1961. С. 173.

нудом социалистическом наступлении как политику, гибельную для страны. Во время беседы Томский сказал, что такую политику можно и нужно было изменить путем насильственного отстранения Сталина от руководства партией¹.

Что же являлось правдой, а что вымыслом в «признаниях» Амосова? Правдой, на наш взгляд, было то, что Томский, как и многие члены ЦК ВКП(б), не разделял позицию Сталина, Молотова и др. на ликвидацию так называемого кулака в деревне и курс на ускоренную и насильственную коллективизацию сельского хозяйства. Ложью, добытой от Амосова угрозами и насилием, было то, что Томский заявил ему о необходимости насильственного отстранения Сталина от руководства ЦК ВКП(б). Как искушенный политик, такого сказать он не мог. В своем собственном кабинете председателя советских профсоюзов Томский едва ли решился бы говорить о необходимости смещения Сталина с поста секретаря ЦК партии, хотя в неформальной обстановке в 1929 г. и позднее такие разговоры были возможны среди единомышленников.

7 сентября 1937 г. подследственный Амосов «признался» следователям, что Томский в 1929 г. сообщил ему, что они — правые — от дискуссий и общих разговоров переходят к организованной борьбе против ЦК ВКП(б) в нелегальных условиях, что для организации и руководства этой борьбой был образован Всесоюзный руководящий центр. Он назвал в качестве его членов Бухарина, Рыкова и Угланова. По словам Томского, указанный центр правых поддерживали и другие члены ЦК ВКП(б), которые из тактических соображений открыто не выступали за платформу правых, но в нужный момент они были готовы выступить на их стороне. Назвал сторонников правых — Рудзутака и Ягоду.

На предложение Томского принять участие в борьбе правых против политики ЦК ВКП(б) и Сталина Амосов будто бы ответил, что полностью разделял их позицию и готов был принять активное участие в борьбе за изменение политики партии путем отстранения Сталина и его окружения от руководства партией и государством и захвата власти правыми. (Весь абзац был подчеркнут синим карандашом, а редактирование текста в виде зачеркивания отдельных слов делалось красным карандашом, возможно, рукой самого Ежова или Сталина, который правил бумаги, как правило, синим карандашом.)

Очередной вопрос следователя был таким: «Вы уже упомянули Рудзутака, как причастного к активной деятельности Всесоюзного центра правых, что вам по этому вопросу известно?»

¹ ЦА ФСБ РФ. Дело Р-8622. А.М.Амосов. Т. 1. Л. 24–25.

Амосов подтвердил, что в 1929 г. Томский сообщил ему о связях члена Политбюро ЦК ВКП(б) с 1926 г. по 1932 г. Я.Э.Рудзутака с антисоветским центром правых. Далее сказал, что, со слов Томского, ему было известно, что Рудзутак, будучи наркомом путей сообщения СССР, сколотил в аппарате управления комиссариата крепкую группу правых, которая вела борьбу против линии ЦК партии и Сталина путем саботажа в железнодорожном хозяйстве страны. В связи с этим сюжетом появились имена руководителей железнодорожного транспорта, якобы входивших в состав вредительской группы правых, созданной и возглавлявшейся самим наркомом Рудзутаком: Сулимов, Правдин, Халатов, Полюдов, Рудой, Миронов, Полюян, Постников, Черный. По словам допрашиваемого, все эти люди были враждебно настроены к политике партии в вопросах коллективизации и являлись активными сторонниками платформы Бухарина, Рыкова, Томского¹.

Поскольку в ходе допроса у Амосова прозвучало имя бывшего наркома НКВД СССР Г.Ягоды, то следующий вопрос касался непосредственно связей последнего с контрреволюционной нелегальной организацией правых и его антисоветской деятельности. У следователей не возникло вопроса, откуда Амосов, бывший руководитель Калининской железной дороги, мог знать о подрывной антисоветской работе наркома союзного сверхсекретного силового ведомства, подотчетного только Политбюро ЦК ВКП(б) во главе со Сталиным.

Амосов стал сочинять на заданную тему. О Ягоде как о стороннике правых ему «говорил Томский». В начале 1929 г. Амосов увидел заместителя председателя ОГПУ Ягоду на пленуме Московского комитета ВКП(б), где при обсуждении вопроса о сельском хозяйстве тот вместе со всеми голосовал за резолюцию, предложенную секретарем МК П.Л.Углановым, которая отражала политику правых в противовес установкам Политбюро ЦК партии. Такое обстоятельство давало Амосову повод начать с Г.Ягодой «откровенный» разговор о его отношениях с правыми. Ягода заявил ему, что он сторонник правых и противник отстранения Рыкова, Бухарина и Томского от руководства партией. При последующих разговорах Ягода, по словам Амосова, в очень резкой форме с позиций правых осуждал политику ЦК ВКП(б) и Сталина. Следователи сочли высказывания Амосова о Ягоде не очень правдоподобными и больше не стали развивать эту тему.

¹ Там же. Л. 27.

Вопросы свои следователи формулировали так, чтобы выяснить, какие указания Томского о создании антисоветской организации правых выполнял Амосов в профсоюзе железнодорожников. Амосов рассказывал, что до 1931 г. он работал председателем ЦК профсоюзов железнодорожников, в котором, по указанию Томского, создал нелегальную организацию правых. Когда его попросили назвать всех участников организации, он назвал 33 человека и по желанию следователей на каждого дал подробную характеристику, а также когда и при каких обстоятельствах они были вовлечены в организацию¹.

Наконец допрос был подведен под «конкретное дело» — подготовку террористического акта против Л.М.Кагановича и И.В.Сталина. Амосов «сознался», что в декабре 1934 г. его группа хотела совершить покушение на Кагановича во время его возвращения из Сибири. Перед его поездом лопнул рельс, поэтому Амосов со своими сообщниками (Москалевым и Жариковым) попытались использовать этот случай для организации задуманного. Но дорожный мастер заметил неполадку и предупредил НКВД. Поезд был остановлен, а рельс заменен другим.

После того Амосов, если верить протоколу допроса, специально перевелся на Курскую железную дорогу, по которой Сталин ездил отдыхать на юг. Судя по признанию подследственного Амосова, в октябре 1936 г. он получил сведения, что поезд, в котором ехал Сталин, приближался к Курску. По распоряжению Амосова на пути следования поезда с правительственным вагоном было организовано крушение товарного поезда с бензином и керосином. Но об этом тоже стало известно, и поезд с правительственным вагоном задержали на соседней станции до очистки пути.

Амосов, ссылаясь на плохое самочувствие, попросил следователей прервать допрос, обещая в следующий раз рассказать о подробностях покушения на жизнь Сталина и Кагановича. Допрос был прерван с условием, что на очередном допросе Амосов расскажет обо всех известных ему фактах диверсионно-вредительской и шпионской деятельности антисоветской организации правых².

На последующих допросах следователи, как могли, расширяли круг новых лиц, работавших рядом с Амосовым на железной дороге, в профсоюзной организации или просто знакомых с ним по каким-то случайным встречам. Например, 11 сентября 1937 г. он назвал дополнительно имена восьми человек, с которыми встре-

¹ Там же. Л. 31–32.

² Там же. Л. 61–64.

чался в Наркомате путей сообщения. Отвечал на вопросы по каждому из них: где и когда видел, о чем говорил, вовлек ли в антисоветскую деятельность, какие факты вредительства они совершали и т.д.

13 сентября того же года Амосову предложили рассказать, как в начале 1933 г. он присутствовал на вечеринке у литератора И.М.Гронского, по мнению чекистов близкого человека Н.И.Бухарина. Подследственный вспомнил, что среди других там был известный писатель Борис Пильняк, который, рассказывая о своей повести «Непогашенная луна», утверждал, что повесть отражала историческую правду, при том бросил реплику о том, что лучше бы убить Сталина, чем лишиться Фрунзе. В присутствии Амосова там же писатель Б.Пильняк, известный поэт Павел Васильев и другие совершенно откровенно вели антисоветские разговоры, злобно осуждали политику ЦК ВКП(б) и высказывали явно террористические намерения по адресу Сталина. Заметим, что в начале 1933 г. в узком кругу такие разговоры могли иметь место. На другом допросе Амосов «вспоминал», что зимой 1935 г. Гронский говорил ему, что он имел разговор с Бухариным, который сказал, что единственно реальным средством изменить политику ВКП(б) и внутрипартийный режим являлось совершение террористического акта против Сталина. Такого рода заявления могли быть чисто провокационными и направленными против самого Бухарина. Амосов признавался, что беседа носила больше характер демонстрирования личных антисталинских настроений, чем выработки конкретного плана теракта. При том, по словам Амосова, особую озлобленность проявлял поэт Павел Васильев, который неоднократно повторял, что якобы готов собственноручно убить Сталина¹. П.Васильев по доносу был арестован 6 февраля 1937 г. и расстрелян еще до ареста Амосова.

«Саморазоблачения» Амосова произвели «впечатление» на следователей. 2 октября 1937 г. капитан Овчинников и старший майор Андреев возбудили ходатайство перед Президиумом ЦИК СССР о продлении срока ведения следствия и содержания под стражей Амосова на 2 месяца, до 10 ноября того же года. Они мотивировали это тем, что в процессе следствия было установлено, что Амосов входил в состав руководящего центра контрреволюционной антисоветской организации правых на железнодорожном транспорте, осуществлял руководство подготовкой и проведением террористических диверсионных и подрывных актов

¹ Там же. Л. 116–120.

на Северной, Дзержинской и Калининской железных дорогах. В связи с тем, что в состав вышеназванных организаций входили работники железной дороги, которые подлежали аресту с возбуждением против них уголовного преследования, Амосова предлагали привлечь в разоблачении очередных «врагов» Советской власти. Ведомство Ежова продолжало настойчиво «раскрывать» и уничтожать «массовые контрреволюционные, шпионские и террористические организации» внутри страны.

Не вдаваясь в дальнейшие подробности типичной для 1937 г. истории обманутого, униженного и сломленного коммуниста Амосова, попавшего под тяжелое и слепое колесо политического террора, расскажем о его последних днях жизни. Обвинительное заключение по следственному делу № 13186 по обвинению А.М.Амосова в преступлениях, предусмотренных статьей 58 пунктами 1а, 7, 8, 9, 11 УК РСФСР, было утверждено 21 ноября 1937 г. начальником 6-го отдела ГУГБ НКВД старшим майором госбезопасности Волковым и заместителем Прокурора СССР Г.Рогинским. Он был обвинен во враждебной деятельности против Советской власти и большевистской партии и разведывательной деятельности в пользу капиталистических государств. Все содержание и концовка обвинительного заключения фактически не оставляли Амосову никакой надежды на помилование. 23 ноября 1937 г. состоялось подготовительное заседание Военной коллегии Верховного суда, а 25 ноября было закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда, которое началось в 20 часов 30 мин и через 20 минут, после оглашения приговора, закончилось. По закону того времени на судебном заседании не было адвоката и свидетелей. Подсудимый никаких ходатайств, а также отвода составу суда не заявил, признал себя виновным. Когда ему предоставили последнее слово, он просил суд дать ему возможность искупить свою вину. Амосова приговорили к расстрелу с конфискацией всего ему принадлежащего имущества. В приговоре, подписанном Ульрихом и членами суда, было сказано, что такое решение окончательное и на основании закона от 1 декабря 1934 г. будет приведено в исполнение немедленно. О том, что именно так и было, свидетельствовала секретная справка, которая хранилась в конце тома, в конверте, приклеенном к обложке. В ней имелась запись о том, что приговор о расстреле А.М.Амосова приведен в исполнение в г. Москве 26 ноября 1937 г. В примечании упоминалось, что акт о приведении приговора в исполнение хранился в Особом архиве 1-го Спецотдела НКВД СССР. Справку подписал начальник 12-го от-

деления 1-го спецотдела НКВД СССР лейтенант госбезопасности Шевелев¹.

В деле Амосова имелись материалы о его реабилитации в 1956 г. Все они с грифом секретности, а по содержанию носят характер незавершенности. Неполющеная реабилитация необоснованно репрессированных произошла потому, что ее проводили люди, воспитанные и выдвинутые сталинским режимом. Как писал известный историк А.М.Некрич, «они делали это скрепя сердце, часто саботируя или интерпретируя по-своему решения, принятые Центральным комитетом, указания Хрущева, стараясь их скомпрометировать»². Тем не менее важно было уже то, что через 19 лет дело расстрелянного Амосова было поднято из архива и изучалось военным прокурором подполковником юстиции В.Лазуренко на предмет проверки объективности. Лазуренко в письменном заключении в Военную коллегия Верховного суда СССР сообщил, что в обоснование вины А.М.Амосова были положены его показания, а также показания арестованных по другим делам А.И.Емшакова, И.М.Миронова, П.Б.Билика, А.М.Постникова, Г.Д.Уланова-Зиновьева, Н.М.Дворжецкого-Богдановича, Е.М.Фомиченко и др., которые знали его по совместной работе на железной дороге. Выяснилось, что они под давлением следствия оговаривали себя и друг друга. В результате проверки дела Амосова, проведенной в порядке статей 373–377 УПК РСФСР, было установлено, что он был осужден *необоснованно*. Учитывая, что при проверке данного дела были установлены новые обстоятельства (применение незаконных методов допроса), свидетельствовавшие о том, что Амосов был осужден необоснованно; руководствуясь статьей 378 УПК РСФСР, военный прокурор Лазуренко 6 сентября 1956 г. дело по обвинению Амосова и материалы проверки, утвержденные заместителем главного военного прокурора, полковником юстиции Д.Тереховым, направил в Военную коллегия Верховного суда СССР. Заключение Главной военной прокуратуры содержало предложение: «Приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 25 ноября 1937 г. в отношении А.М.Амосова отменить и его дело по статье 4, пункт 5 УПК РСФСР производством прекратить»³.

10 ноября 1956 г. на заседании Военной коллегии Верховного суда Союза ССР было рассмотрено заключение Главного во-

¹ Там же. Л. 359–368.

² Некрич А. 1941. 22 июня. М., 1995. С. 273.

³ ЦА ФСБ РФ. Дело Р-8622. А.М.Амосов. Л. 379.

енного прокурора по делу А.М.Амосова. Приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 25 ноября 1937 г. в отношении А.М.Амосова был отменен, а дело о нем было прекращено. Секретное определение № 4н-015985/56 было направлено начальнику учетно-архивного отдела КГБ при Совете Министров СССР с просьбой установить ближайших родственников Амосова, и, не объявляя полностью содержания определения, сообщить им лишь результат рассмотрения дела, а дату исполнения сообщить в Военную коллегия и Главную военную прокуратуру.

Ниже по тексту упоминалась фамилия сослуживца А.М.Амосова, его бывшего помощника Николаева Василия Николаевича, по доносу которого Амосов был арестован, а затем расстрелян. В 1956 г. В.Н.Николаев проживал в Москве, на Берсеневской набережной, дом 22, кв. 6. На вызов Военной коллегии Верховного суда СССР он не явился. Не располагая адресом родственников Амосова, что также очень странно, Военная коллегия просила начальника учетно-архивного отдела КГБ разыскать последних для исполнения определения в части возвращения конфискованного имущества Амосова или его стоимости. Ответ из КГБ на имя председательствующего судебной коллегии Верховного суда СССР Лихачева гласил, что родственники А.М.Амосова не установлены¹.

2. Продолжение расправы с инакомыслием

Осенью 1937 г. конвейер пыток и убийств, действовавший по всей территории СССР, начал давать «технические» сбои. Тюрьмы были переполнены людьми, следователи сбились с ног, требуя от арестованных показаний и придумывая протоколы допросов фальсифицированных дел. Палачи не успевали расстреливать приговоренных к высшей мере наказания людей, а похоронные команды — заматывать следы кровавых преступлений властей. Тайное становилось явным. Слухи о страшных следственных изоляторах, пытках и расстрелах в подвалах НКВД подтверждались. Казалось, что ночным арестам родных, знакомых и соседей не будет конца.

НКВД не справлялось с потоком новых предписаний на аресты, о чем свидетельствует совершенно секретное распоряжение № С-1450, подписанное заместителем Ежова комкором Фриновским и оперативным секретарем Главного управления государственной безопасности комбригом Ульмером 22 ноября 1937 г.

¹ Там же. Л. 381–387.

В нем говорилось: «Телеграмма № 928 и пункт 12-й приведенного нами выше по тексту приказа № 00593 отменяются. Действие приказа № 00486 распространить только на семьи осужденных Военной коллегией Верховного суда по I и II категориям». Распоряжение содержало указание прекратить аресты жен репрессированных по польской, харбинской и румынской операциям. Фриновский доводил до сведения местных руководителей госбезопасности, что осужденные по названным операциям жены должны быть расселены в определенных местах. Он требовал представить в центр данные о количестве жен и детей, подлежащих выселению, а также число арестованных жен, содержащихся в следственных тюрьмах в момент получения распоряжения. Кроме того, центр хотел знать примерное число детей, отобранных у арестованных родителей, для определения их дальнейшей судьбы¹.

Репрессии давали в руки властей тысячи детей-сирот, из которых Советская власть рассчитывала воспитать преданных борцов за свои цели. Данная ответственная задача возлагалась на плечи Народного комиссариата просвещения СССР.

В фонде Управления делами Совета министров СССР хранятся оригиналы постановлений СНК СССР за 1937 г. В так называемой «особой папке», под грифом «совершенно секретно», имеется постановление за № 2148-46бсс от 15 декабря 1937 г., подписанное председателем СНК СССР В.Молотовым и управделами Н.Петруничевым «Об отпуске средств на содержание детей репрессированных родителей». Согласно постановлению из резервного фонда Совнаркома на дополнительное содержание и перевозку 10 тыс. детей репрессированных родителей, размещенных в детских домах Народного комиссариата просвещения, до конца 1937 г. предполагалось отпустить 4 млн руб. Из общей суммы 2,5 млн руб. были переведены в распоряжение наркомпросов РСФСР, УССР, Казахской и Белорусской ССР соответственно числу предоставляемых ими мест в детских домах, а 1,5 млн руб. выделялось НКВД на расходы по перевозке детей².

В дальнейшем за выполнение основных пунктов постановления отвечал заместитель председателя СНК СССР В.Чубарь³. 19 декабря 1937 г. он, исполняя обязанности заместителя Моло-

¹ Там же. Д. 5. Л. 319.

² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 497. Л. 47.

³ В.Я.Чубарь был арестован как «враг народа» 3 июня 1938 г. и 26 февраля 1939 г. осужден к ВМН. Расстрелян в тот же день. 24 августа 1955 г. реабилитирован.

това, подписал распоряжение, в котором обязывал наркомов просвещения РСФСР, УССР, БССР и Казахской ССР в декадный срок выделить в распоряжение НКВД для размещения детей репрессированных родителей следующее количество мест в детских домах: РСФСР – 5000, УССР – 3500, Казахской ССР – 1200, БССР – 800 мест. Наркому внутренней торговли предлагалось полностью обеспечить заявку наркомпросов союзных республик на промтовары, необходимые для оборудования детских домов и одежду принимаемых в них детей. Копия была направлена Ежову¹.

Сталинское руководство проявляло особую «заботу» о детях репрессированных подросткового возраста. Его беспокоило то, насколько сильно дети 14–15 лет и старше разделяли враждебные взгляды родителей, а также возможность их перевоспитания. Главная задача, поставленная партией перед органами госбезопасности, состояла в выявлении среди таких детей явных и скрытых врагов Советской власти.

В детских домах, где размещались дети репрессированных «врагов народа», имели место грубейшие нарушения порядка содержания: детей репрессированных называли троцкистами, их всячески преследовали, воспитатели избивали неугодных детей, способствовали созданию враждебного отношения между воспитанниками. Вследствие издевательства имели место массовые побег из детдомов. Так, «в Федоровском детдоме Кустанайской области дети не могли заниматься урокам, так как их избивали школьники-хулиганы. Дети репрессированных Кучина и Степапова были изнасилованы взрослыми воспитанниками. В столовой детдома на 212 детей имелось всего 12 ложек и 20 тарелок. В спальне – один матрац на 3 человека. Дети спали в одежде и обуви»².

Детей репрессированных, пытавшихся оказывать сопротивление произволу и насилию, доводили до гибели. Один из них – 15-летний Владимир Мороз – сын «врага народа» Г.С.Мороза, бывшего председателя ЦК профсоюза работников торговли, члена ВКП(б) с 1917 г., необоснованно осужденного и расстрелянного 2 ноября 1937 г. После ареста отца и матери Владимир вместе с 9-летним братом был выслан органами НКВД из Москвы в детдом в Анненково Кузнецкого района Куйбышевской области. Школа в детдоме оставляла желать лучшего, а Володя хотел учиться. Об этом и о многом другом он написал Сталину: «...Вы, наверное, слышали о «золотой молодежи» царского периода. ...Такая «золо-

¹ ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 5. Л. 320.

² Дети ГУЛАГа. 1918–1956. Сб. документов. М., 2002. С. 296–297.

тая молодежь» существует и сейчас. ...В состав ее входят ... дети ответственных, всеми уважаемых людей. Эти дети не признают ничего: пьют, развратничают, грубят... В большинстве случаев учатся они отвратительно, хотя им предоставлены все условия для учебы... Помогите мне!»¹

Володя Мороз не дождался ответа от Сталина. Писал Ежову — и тот же результат. 25 апреля 1938 г. юноша был арестован за контрреволюционную агитацию среди воспитанников детдома и помещен в Кузнецкую тюрьму. После следствия, по постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 25 октября того же года, его заключили в исправительно-трудовой лагерь сроком на 3 года, где он умер при невыясненных обстоятельствах. В следственном деле Мороза сохранились, как вещественные доказательства, его дневниковые записи. Приведем отрывок из них: «...Подхалимство, ложь, клевета, склоки, сплетни и прочие дрязги процветают. А почему? Потому что народ — низок? — Нет. Потому, что низка кучка негодяев, держащая власть в своих руках...»²

Власти опасались нежелательного идеологического влияния детей репрессированных на их одноклассников, находившихся в детских домах в те годы. 20 мая 1938 г. заместитель наркома внутренних дел М.Фриновский подписал секретный циркуляр № 106 «О порядке устройства детей репрессированных родителей в возрасте свыше 15 лет». Циркуляр был дополнением к приказу НКВД за № 00486 от 15 августа 1937 г. и касался детей от 15 до 17 лет включительно, родители которых были осуждены Военной коллегией и Военным трибуналом по I и II категориям. Если подростки своим поведением не внушали социальной опасности, не проявляли антисоветских реваншистских настроений и действий, то в соответствии с циркуляром НКВД за № 4 от 7 января 1938 г. их предлагалось передавать нерепрессированным родственникам, на полное иждивение.

При отсутствии родственников, изъявлявших желание взять таких детей на воспитание, предлагалось их помещать в детские дома в пределах области, края, республики (за исключением мест, где были репрессированы их родители), дав им возможность окончить среднюю школу. После школы они должны были трудоустроиться на предприятия и учреждения необоронного значения. За ними устанавливалось агентурное наблюдение с целью своевременного вскрытия и пресечения антисоветских настроений и действий.

¹ Там же. С. 290.

² Там же. С. 292.

Социально опасные юноши и девушки от 15 до 17 лет, родители которых были репрессированы, проявлявшие опасные для власти настроения и действия, предавались суду на общих основаниях и направлялись в лагеря по персональным нарядам НКВД. Начальник ГУЛАГа, дивизионный интендант И.Плинер получил соответствующие указания о порядке содержания в лагерях детей репрессированных родителей¹.

В 1938 г. исполнение репрессивных оперативных приказов, распоряжений и инструкций руководства НКВД продолжалось. Аресты, допросы, расстрелы людей, приговоренных к ВМН, не прекращались. Многие арестованные получали от 10 до 25 лет тюремного или лагерного заключения и справедливо считали, что им повезло. Семьи репрессированных «врагов народа» отправляли в ссылку в отдаленные местности. 13 апреля 1938 г. нарком НКВД Н.Ежов и прокурор СССР А.Вышинский подписали совместный циркуляр № 80 в дополнение инструкции НКВД от 15 июня 1937 г. о порядке выселения из Москвы, Ленинграда, Киева, Ростова-на-Дону, Таганрога, Сочи и прилегающих к Сочи районов.

Все выселенные по прибытии к месту ссылки были взяты на персональный учет и находились под постоянным гласным надзором органов госбезопасности и завербованных ими осведомителей из числа местных жителей. У ссыльных поселенцев отбирались паспорта, которые гасились специальным штампом и приобщались к личному делу. На руки они получали удостоверение на право проживания в ссылке. Фактически они становились спецпереселенцами, так как не имели права покидать, даже временно, места проживания без разрешения начальника НКВД и обязаны были в срок, установленный районным отделом (или отделением) НКВД, являться на регистрацию².

Осенью 1938 г. ЦК ВКП(б) решил привлечь к репрессиям руководителей местных партийных органов областного, краевого и республиканского масштаба. То была попытка представить необоснованные репрессии как «справедливые», идущие из «глубинки», чтобы переложить ответственность за них на местный партийный актив. 17 сентября 1938 г. Ежов подписал приказ за № 00606 «Об образовании Особых троек для рассмотрения дел на арестованных в порядке приказов НКВД СССР № 00485 и др.». В нем говорилось, что в целях быстрее рассмотрения следственных материалов на лиц, арестованных

¹ ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 1. Л. 248–249.

² Там же. Л. 244–245.

в порядке приказов НКВД СССР за №№ 00485, 00439 и 00593 от 1937 г. и №№ 202 и 326 от 1938 г., создать при управлениях НКВД краев и областей Особые тройки, на которые необходимо возложить всю ответственность за рассмотрение дел. Так называемые Особые тройки образовывались в составе: секретаря обкома, крайкома ВКП(б) или ЦК нацкомпартий, начальника соответствующего управления НКВД и прокуратуры области, края или республики.

В Украинской, Казахской ССР и Дальне-Восточном крае особые тройки рассматривали дела в отношении лиц, арестованных только до 1 августа 1938 г., и должны были закончить эту неотложную работу в двухмесячный срок. После отведенного времени дела на всех остальных арестованных предполагалось направлять для рассмотрения в соответствующие судебные инстанции по подсудности: Военные трибуналы, линейные и областные суды, Военную коллегия Верховного суда, а также на Особое совещание НКВД СССР. Таким образом, создавалась видимость законности. В действительности все шло по-прежнему, только намного быстрее.

Особые тройки не рассматривали дел на иностранных подданных. Такие дела брал на себя 3-й отдел 1-го управления НКВД для рассмотрения в центре. Обновленные тройки выносили приговоры только по 1 и 2-й категориям, т.е. ВМН или 25 лет тюрем и лагерей. Некоторым ослаблением свирепости приказа следовало считать право троек возвращать дела на доследование и вынесение решений об освобождении обвиняемых из-под стражи при отсутствии достаточных улик.

Решения особых троек по 1-й категории, т.е. расстрелы, приказывалось приводить в исполнение НЕМЕДЛЕННО. Это зловещее слово по-прежнему печаталось заглавными буквами.

Приказ добавлял в процедуру делопроизводства некоторые формальности: особые тройки должны были вести протоколы своих заседаний, в которые записывались вынесенные ими решения в отношении каждого осужденного; по каждой национальной линии (польской, немецкой, латышской и т.п.) следовало вести отдельные протоколы; протоколы подписывались всем составом тройки в двух экземплярах; один из которых направлялся в 1-й спецотдел НКВД; к следственным делам приобщались выписки из протокола в отношении каждого осужденного в отдельности; по исполнению приговоров как по I, так и по II категориям дела немедленно направлялись в 1-й спецотдел НКВД СССР¹.

¹ Там же. Л. 256–257.

В октябре 1938 г. Сталин возложил всю ответственность за разгул репрессий на Ежова и НКВД. Он приставил к нему своего доверенного Л.Берия, который возглавил Главное управление государственной безопасности и одновременно стал первым заместителем Ежова. Вскоре Берия получил звание комиссара госбезопасности 1 ранга, но формально еще подчинялся Генеральному комиссару госбезопасности Ежову. 17 октября того же года Ежов и Берия вместе подписали приказ за № 00689 «Об изменении оперативного приказа НКВД СССР 1937 г. № 00486 о порядке ареста жен изменников родины, правотроцкистских шпионов». В нем предлагалось подвергать репрессиям не всех жен «врагов народа», а только тех из них, которые, по имеющимся материалам, содействовали контрреволюционной работе своих мужей. Органы НКВД должны были располагать данными об антисоветских настроениях с тем, чтобы рассматривать жен репрессированных как политически сомнительных и социально опасных.

Приказ требовал от чекистов не только прямой реакции на любой донос или анонимку, но и дополнительной агентурной слежки за поведением жен и других членов семей «врагов народа», для чего предлагалось наметить и провести вербовку среди жен репрессированных и осужденных, подбирая из них подходящих для этой цели и тех, кто имел широкое знакомство с другими женами таких же арестованных. Кроме того, вербовались осведомители из числа родственников, знакомых, сослуживцев, соседей по месту работы, квартиры и т.д. Насаждавшаяся сеть осведомительства должна была выявлять наиболее активных антисоветчиков.

Пункт 36 того же оперативного приказа об обязательности ареста жен одновременно с мужьями отменялся. Принятие такого решения оставлялось в ведении руководства местного органа НКВД и зависело от агентурного материала о «степени причастности жены к контрреволюционной работе мужа». Во всем остальном порядок ареста и дальнейшего направления жен «врагов народа», а также порядок размещения их детей, установленный приказом № 00486 от 15 августа 1937 г., целиком сохранял свою страшную силу¹. Мы можем заметить, что документ уже «попал под воздействие» Л.Берия — будущего наркома НКВД. Бериевская установка на тотальную вербовку осведомителей во всех слоях общества четко прописана в приказе № 00689 от 17 октября 1938 г. В дальнейшем данная установка — «езде свои глаза и уши» — получит небывалое развитие.

¹ Там же. Л. 258–259.

Возмущение народа размахом сталинско-ежовских репрессий достигло апогея в 1938 г. Потоки писем, обращенных в ЦК ВКП(б), в СНК СССР и в приемную Верховного совета СССР, переполнили административные инстанции. Во многих анонимных письмах содержались угрозы в адрес руководства страны. К этому времени сталинский план уничтожения оппозиции, намеченный на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г., был многократно перевыполнен. Ежов сделал свое дело, и его убрали в сторону дожидаться решения своей участи. 17 ноября 1938 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Оно вскрывало серьезные недостатки и извращения в работе органов НКВД и прокуратуры, были указаны пути подъема работы советской разведки в деле окончательного разгрома оппозиции и очистки страны от «шпионско-диверсионной агентуры иностранных разведок», от всех «предателей и изменников родины». Это был смертный приговор Ежову, а будущий нарком Берия воспринял постановление как одобрение на продолжение репрессий до победного конца, но с соблюдением видимости конституционной законности. По некоторым данным, Ежова снимали с должности так же, как он прежде сам снимал других, т.е. по заказному доносу начальника Ивановского областного управления НКВД В.П.Журавлева по инициативе Берия. В Политбюро ЦК ВКП(б) ждали этого доноса и 19 ноября 1938 г. рассмотрели его на заседании и признали политически правильным. 23 ноября того же года Ежов написал на имя Сталина заявление с просьбой об освобождении его от должности наркома внутренних дел СССР. 24 ноября просьбу Ежова удовлетворили. В выписке из решения Политбюро ЦК ВКП(б), подписанной Сталиным, было сказано, что просьба Ежова удовлетворена, за ним сохранялись должности секретаря ЦК ВКП(б), председателя Комиссии партийного контроля с новым назначением наркомом водного транспорта¹.

26 ноября 1938 г. Берия – нарком НКВД – подписал приказ № 00762 о порядке осуществления вышеназванного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б). В нем отмечалось, что правильное проведение в жизнь постановления приведет к коренному улучшению агентурно-осведомительной и следственной работы, к решительному исправлению и устранению имевших место в работе НКВД ошибок и извращений. Берия обязывал своих подчиненных

¹ Полянский А.И. Ежов. История «железного» наркома. М., 2003. С. 182–188.

немедленно прекратить производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению. Аресты надо было производить в строго индивидуальном порядке, вынося по каждому подлежащему аресту лицу специальное постановление, в котором подробно и конкретно обосновывать необходимость производства ареста. Берия изменил практику выдачи ордеров на арест и предложил предварительно согласовывать аресты с прокуратурой. Он обязал снабдить весь состав следователей и оперативных работников НКВД в центре и на местах экземплярами уголовных и уголовно-процессуальных кодексов. То есть при Берии репрессии были продолжены, но с уголовными кодексами на столах у чекистов.

Пункт 18-й пространного приказа гласил, что дополнительные указания о порядке развертывания агентурно-осведомительской работы готовились, и должны были поступить ко всем подчиненным как руководство к действию¹.

Конечно, как и Ежов в начале своей недолгой «карьеры» на Лубянке, Берия создавал видимость бурной работы по наведению надлежащего порядка и перестройки деятельности вверенного ему ведомства. Все сводилось к закрытию одних структур и созданию на их же основе якобы других. Например, вскоре после назначения он образовал секретариат Особого совещания при народном комиссаре внутренних дел СССР. На секретариат возлагалась подготовка следственных дел к рассмотрению в Особом совещании: проверка правильности оформления в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.; знакомство с содержанием материала и его соответствия приговору; представление на заключение прокурору; контроль за исполнением решения. Таким образом, на Особое совещание возлагалась в основном техническая сторона — делопроизводство и организация заседаний². Главная задача секретариата Особого совещания состояла в том, чтобы ускорить прохождение дел и устранить чрезмерное их скопление в отделах.

Между тем во время массовых репрессий Сталин продолжал укреплять так называемую социалистическую законность в государстве. Он и его политическое окружение решили, что постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке согласования арестов», принятое накануне развертывания политических репрессий 17 июля 1935 г., в некоторых своих частях устарело и нуждалось в уточнениях. 1 декабря 1938 г. было принято постановление

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 1. Л. 260–264.

² Там же. Л. 267–268.

«О порядке согласования арестов», которое в принципе ничем не отличалось от первого. Сравним тексты отмененного и нового постановления.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке согласования арестов» от 17 июня 1935 г. изменяло инструкцию от 8 мая 1933 г. и предписывало органам НКВД аресты по всем без исключения делам производить лишь с согласия прокуратуры, а в случае необходимости произвести арест на месте преступления — чекисты обязывались немедленно сообщать о том в прокурору. Разрешение на аресты членов ЦИК СССР и ЦИКов союзных республик давались с согласия председателя ЦИК СССР или председателей ЦИКов союзных республик. Разрешение на аресты руководящих работников наркоматов СССР и союзных республик, начальников центральных учреждений, их заместителей, директоров и их заместителей, а также инженеров, агрономов, профессоров, врачей и т.д. давались якобы с согласия соответствующих народных комиссаров. Разрешения на аресты членов и кандидатов ВКП(б) давались по согласованию с партийными органами, а в отношении коммунистов, занимавших руководящие должности — по получении на то согласия председателя Комиссии партийного контроля. Аресты военнослужащих (офицеров) производились с согласия наркома обороны¹. Как это было на деле, показали события 1937–1938 гг., когда на 50% был физически истреблен начальствующий корпус Красной Армии.

Новое постановление от 1 декабря 1938 г. в корне ничего не изменило, появились лишь некоторые незначительные дополнения. Например, по новому постановлению разрешения на аресты депутатов Верховного совета СССР, Верховных советов союзных и автономных республик давались по получении органами прокуратуры и НКВД согласия председателя Президиума Верховного совета СССР или председателей Президиумов Верховных советов союзных и автономных республик. И еще, санкции на аресты, проводившиеся непосредственно народным комиссаром внутренних дел СССР, давались прокурором СССР. Таким образом, законодательная преемственность государственных решений неукоснительно соблюдалась в пользу карательных органов, которые действовали при постоянной поддержке прокуратуры. В случае — гипотетического — изменения политической ситуации вся ответственность за

¹ См.: Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936. М., 2003. С. 676–677.; ЦА ФСБ РФ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 1. Л. 175–176.

необоснованные аресты сваливалась на плечи самих же карательных органов и конкретных исполнителей государственных решений — чекистов, местных партийных и советских руководителей.

8 декабря 1938 г. нарком внутренних дел СССР Берия подписал приказ № 00786, в котором постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 1 декабря 1938 г. «О порядке согласования арестов» объявлялось краеугольным камнем для руководства и неукоснительного исполнения¹. Берия, используя поддержку со стороны Сталина, развернул активную деятельность по искоренению серьезных недостатков и извращений в работе НКВД по ведению следствия, на которые было указано в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Он начал с того, что заменил руководство НКВД СССР, работавшее с Ежовым, своими доверенными лицами и занялся сбором материала к процессу над Ежовым и его помощниками, виновными в репрессиях в 1937–1938 гг.

Ежов поплатился за свое усердие угодить Сталину в раскрытии «заговоров», и истреблении «врагов народа». Ежов был арестован 10 апреля 1939 г. и до своего расстрела 4 февраля 1940 г., прошел через созданную им же из бывшего монастыря сухановскую специальную тюрьму. Там, в ожидании допроса, он не выдержал и «дал волю» чувствам. Тогда постоянно находившийся с ним огромный «детина»-контролер, выполняя инструкцию, едва не убивал его своими кулачищами. Следователь-садист, воспитанный его — Ежова — наставлениями, «обламывал ему рога», т.е. избивал на каждом допросе, чтобы «не врал», а подтверждал то, чего от него требовали. Ежова и его сослуживцев (Фриновского, Евдокимова и др.) обвиняли в создании антисоветской шпионско-террористической организации и заговоре против советского правительства, в шпионаже в пользу Польши, Германии, Англии и Японии. Поскольку до своего ареста Ежов и его подчиненные в дни революционных советских праздников находились на трибуне мавзолея Ленина, охраняя правительство, то их обвинили и заставили признаться в подготовке 7 ноября 1938 г. террористического акта против Сталина на Красной площади. Подобного рода обвинения подручные Ежова и он сам ранее предъявляли своим жертвам. В этом не было ничего нового, но по чьей-то указке следователи заставили бывшего наркома письменно «признаться» в отравлении своей жены, а также в беспорядочных связях с женщинами и мужеложстве².

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 1. Л. 269–271.

² Полянский А.И. Ежов. История «железного» наркома. С. 233–234; 248–249 и др.

На закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда СССР, на котором судили Ежова, он в своем последнем слове отверг обвинения в антипартийной деятельности, терроризме, шпионаже и моральном разложении. Он заявил, что на предварительном следствии к нему применяли пытки, чтобы заставить говорить и писать ложные показания. Ежов не поверил словам Берии, что ему, возможно, сохранят жизнь, если подтвердит данные на допросах показания. Он сознавал, что обречен, просил не трогать дочь и родственников.

На долю 6-летней дочери бывшего наркома Ежова выпали детские испытания: политический надзор, побои, оскорбления. В детском доме Пензы ее заставили носить другую фамилию и не вспоминать о родителях. Сейчас Наталья Николаевна — женщина преклонного возраста, мать и бабушка, которая хочет знать правду о своем происхождении. Она предполагает, что является внебрачной дочерью Ежова, считая, что секретные архивы по сей день хранят тайну ее детства¹. Искренне жаль Наталью Николаевну, дочь Ежова, даже по возрасту не имевшую никакого отношения к преступлениям отца. Она много пережила и выстрадала без родителей. Вместе с тем вспоминаются дети необоснованно расстрелянных родителей, которые прошли через детские дома и исправительно-трудовые колонии НКВД.

Вот один из примеров. Во время ареста в 1937 г. член партии, строитель Магнитогорска Я.А.Либет на прощанье сказал сыну, тогда еще 13-летнему мальчику: «Помни, твой отец ни в чем не виновен». Отца расстреляли, а его сына через несколько лет по ложному доносу арестовали. Виктора Либета осудили на 8 лет за контрреволюционную агитацию. В исправительно-трудовом лагере он голодал, замерзал и заболел туберкулезом. Через 1 год и 8 месяцев был освобожден по состоянию здоровья. В 25 лет стал инвалидом I группы. В Москву не мог вернуться, считался высланным. В 1956 г. добился реабилитации отца, а в 1957 г. в московском суде был реабилитирован сам «за незаконностью обвинения». С тех пор 36 лет проработал токарем на заводе. Заслужил награды «Знак почета», «За трудовую доблесть», стал ветераном труда. В семье В.Я.Либета есть дети, внуки, которые знают об испытаниях, выпавших на долю Виктора Яновича и их деда. Они считают, что нельзя забывать о незаконных репрессиях прошлого, чтобы не допустить их в будущем².

¹ Паникаров И. Дочь наркома Ежова. // 30 октября. 2003. № 36.

² Орлова И. Мой отец не виновен // Соколинка. Москва. 2003. 29 дск.

3. «Антропофагия» власти

В конце 1937 – начале 1938 г. центральные власти, стремясь еще более обезопасить свое существование, обрушились на местное руководство, обвиняя его в извращении своих указаний по разоблачению «врагов народа». За превышение полномочий к ответственности были привлечены местные партийные и советские руководители. Власть «пожирала» своих «детей».

Руководство страны несколько изменило методы политического преследования, предложив ограничить аресты по родственной линии, когда вслед за одним человеком арестовывались все близкие родственники, а под подозрение попадала и дальняя родня. В частности, были даны указания о недопустимости увольнения с работы людей лишь по мотивам родственной связи с арестованными. Реакция на директиву властей содержалась в совершенно секретном приказе прокурора СССР А.Вышинского от 14 января 1938 г. В нем указывалось, что в ряде мест наблюдались факты увольнения с работы родственников лиц, арестованных за контрреволюционные преступления. Вышинский требовал в каждом случае тщательно проверять, что было причиной увольнения – только родственная связь с указанными выше лицами или же имелись законные основания. Он рекомендовал восстанавливать на работе тех, кто был уволен лишь по причине родственной связи с арестованным. Прокурорам предлагалось следить за тем, чтобы в трудовых списках уволенных производились записи, соответствовавшие формулировкам в Кодексе законов о труде, и не допускались записи подобного рода: «За связь с врагом народа», «по причине политического недоверия» и проч.¹

В действительности все было иначе. Простые граждане не знали о секретных приказах, а из-за родственной связи с «врагом народа» им по-прежнему невозможно было устроиться на работу, так как НКВД всегда информировала работодателей о нежелательных фактах биографии каждого человека. Тем не менее данный приказ прокурора СССР оказывал сдерживающее влияние на органы НКВД.

Сталин и Берия сами возглавили «борьбу» с перегибами во время массовых репрессий 1937–1938 гг. Они обрушили «возмездие» не только на голову попавших под руку чекистов, но и против партийных и советских функционеров, входивших в состав «троек» и подписывавших списки приговоренных. Берия развернул поиск

¹ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 557. Л. 2.

«перегибщиков», часть из которых к тому времени были уже депутатами Верховного совета СССР первого созыва. Мы не располагаем данными о том, сколько депутатов Верховного Совета СССР было расстреляно в 1938–1940 гг. Причина в том, что дело расстрелянного сразу попадало в архив, а родственники арестованного «врага народа» не всегда осмеливались выяснять причины исчезновения и вести поиск.

Иное дело, когда депутат получал наказание в виде лишения свободы на долгие годы. Опомившись от допросов, он требовал бумагу и спешил заявить о неправильном привлечении его к уголовной ответственности.

В состав «троек» входили первые секретари обкомов, крайкомов ВПК(б), а также ЦК компартий союзных республик. Свои заявления некоторые из них писали на специальных пронумерованных бланках депутатов. Разумеется, обращались прямо к своему бывшему руководителю — председателю Президиума Верховного совета СССР М.И.Калинину. По текстам писем видно, что многие из авторов были совсем недавними выдвиженцами вместо расстрелянных в 1937–1938 гг. своих бывших начальников.

Депутат Верховного совета СССР Н.И.Иванов до ареста проработал меньше года исполнявшим обязанности первого секретаря Карельского обкома ВКП(б). По должности сразу был включен в состав «тройки». В своем заявлении он писал, что 21 января 1939 г. заместитель прокурора РСФСР Борданов предъявил ему обвинение в участии в незаконном расстреле некоего Титова. Иванов не помнил, кем был Титов и за что привлекался к ответственности. Немудрено не запомнить имя человека, когда заочно подписывались списки, в которых содержались десятки фамилий людей, приговоренных к каторге и расстрелу. Ознакомиться с делом Титова ему не дали, а из зачитанных им показаний бывшего прокурора Карельской АССР, подследственного Михайловича Иванов узнал, что Титов был осужден к 10 годам лишения свободы. В другом документе — протоколе заседания — было записано, что Титов осужден был к расстрелу. Оказалось, работники НКВД, по указанию их наркома НКВД Карельской АССР Тенисона, с согласия прокурора Михайловича, перепечатали страницу, заменив решение «тройки» об осуждении Титова к 10 годам лишения свободы решением — расстрелять.

Будучи разоблачены в совершенном подлоге, бывший прокурор Михайлович и замешанные в том деле работники НКВД на следствии признались в совершенном преступлении, но показали, что о замене страницы было известно бывшему секретарю

Карельского обкома партии Н.Иванову, который давал согласие на эту «операцию».

В своем письме Калинину Н.Иванов писал, что его оклеветали, а он не знал о подлоге. Утверждал, что на основании показаний Михайловича и Тенисона, без допроса его самого, Президиум Верховного Совета СССР дал согласие на привлечение его к уголовной ответственности. Он просил Калинина ознакомиться с делом. На данном заявлении нет никакой резолюции. Это означало, что послание Иванова, минуя Калинина, попало в архив. Там же оказались и другие заявления Иванова. В последнем, от 29 марта 1939 г., был указан адрес его последнего места работы: село Аксубаево Татарской АССР, свиноводхоз «Большевик»¹. О расстрелянном чуть позже по подложным документам Титове никто и не вспомнил.

В обстановке доносов и арестов, продолжавшихся в 1939 г., некоторые депутаты Верховного совета СССР исполняли свои обязанности: принимали жалобы граждан, делали запросы, пытались помочь людям. 7 мая 1939 г. заместитель прокурора Калининской области Кольцов обратился в Президиум Верховного совета СССР с просьбой сообщить депутату Т.Т.Щелкуновой по месту ее работы результат запроса по заявлению гражданки Е.А.Ивановой, разыскивавшей арестованного мужа. Областная прокуратура информировала, что Егор Алексеевич Иванов 21 марта 1938 г. «тройкой» УНКВД Калининской области был приговорен к расстрелу².

В конце 1939 г. власти стали действовать хитрее. Заявление бывшего депутата Верховного совета СССР, бывшего секретаря Удмуртского обкома ВКП(б) С.П.Барышникова на имя Сталина и Калинина было направлено в Москву с сопроводительной запиской наркома НКВД Удмуртской АССР капитана госбезопасности Полякова. Сталину послали подлинник, а Калинину — копию. О судьбе подлинника нам не известно, а копия попала в руки адресата.

Депутат Барышников, содержащийся около года под арестом и следствием в тюрьме Удмуртского НКВД, с самого начала постоянно просил следователей предоставить ему возможность подать заявление в ЦК ВКП(б) и в Президиум Верховного совета СССР, но те отказывали, обещая ему предоставить такую возможность по окончании следствия. В мае 1939 г. следствие было закончено, но только в сентябре того же года Барышникову разрешили на-

¹ Там же.

² Там же. Л. 9.

писать заявление. Он подробно изложил, как оказался в тюрьме. В июне 1938 г. Барышникова исключили из партии. Он сразу написал и направил письмо Сталину, а затем — в Комитет партийного контроля. Те, кто выступал против него, действовали оперативнее, поэтому 4 сентября 1938 г. он был арестован, а секретарем Удмуртского обкома ВКП(б) был избран нарком внутренних дел Удмуртской АССР Шленов.

Аресту Барышникова предшествовала кампания по его политической дискредитации, санкционированная сверху. В местной газете появилась заметка о том, что Барышников проявлял себя контрреволюционером еще в 1918 г., при подавлении Ижевско-Воткинского белогвардейского и Святогорского кулацко-белогвардейского восстаний. Сообщалось, что вооруженный отряд Барышникова по его приказу поджег 9 деревень, где сгорело свыше 100 домов.

Другой его проступок состоял в том, что в 1921 г., когда проходила дискуссия по вопросам о кредитовании крестьянских хозяйств, обеспечении их машинами, о проведении закона об уравнительном землепользовании, Барышников защищал тезисы Троцкого. После ареста следователи госбезопасности обвинили его в идейной связи с бывшим секретарем обкома ВКП(б) Г.К.Борисовым, осужденным в 1933 г. за контрреволюционную буржуазно-националистическую деятельность. Кроме того, Барышникову были предъявлены обвинения в злостном срыве плана лесозаготовок и сельскохозяйственных работ в 1937 г., а главное в том, что Барышников допускал перегибы, когда, возглавляя «тройку», реализуя на практике решения февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) в 1937 г.

На допросах в тюрьме следователи упрекали Барышникова в том, что он не признавал себя ни врагом народа, ни контрреволюционером. «Партии и революции, — писал он, — такое мое признание не нужно. Оно нужно и полезно только врагам народа.

Иосиф Виссарионович! Я прошу Вашего вмешательства, чтобы вернуть меня к революционной жизни...»¹

До Сталина это письмо не дошло, а Калинин не стал вмешиваться, ссылаясь на то, что в середине мая 1938 г. письмо было направлено на рассмотрение в коллегию Верховного суда СССР.

Депутаты Верховного совета СССР исчезали в застенках НКВД, а избирателям приходилось их разыскивать. Так, председатель Емельяновского районного исполнительного комитета

¹ Там же. Л. 14–44.

Красноярского края Третьяков и исполняющий обязанности ответственного секретаря РИКа Иконников обратились в Президиум Верховного совета СССР с просьбой прояснить судьбу бывшего депутата Верховного совета СССР по Красноярскому избирательному округу С.М.Соболева. Третьяков и Иконников признавались, что они не знали, как отвечать людям на поставленный вопрос, и просили Верховный совет разъяснить им непонятную ситуацию. Для обоснования своей просьбы они ссылались на «Положение о выборах в Верховный совет СССР в вопросах и ответах. Под редакцией тов. Вышинского». Вопросы: 111 и 112¹.

Некоторым депутатам удавалось оправдаться. Например, депутат Верховного совета СССР Василий Иванович Иванов был арестован 10 июля 1938 г. Полтора года длилось следствие, но доказать виновность арестованного не удалось. Решением подготовительного совещания военного трибунала Калининского военного округа от 11 ноября 1939 г. дело по обвинению В.И.Иванова было прекращено, он был освобожден из-под стражи. 20 ноября того же года он обратился с заявлением в Президиум Верховного совета СССР с просьбой вернуть ему депутатский мандат, отобранный при аресте. Вскоре секретарь Президиума Верховного совета СССР А.Горкин на его заявление наложил резолюцию: «Возвратить документы»².

26 декабря 1939 г. билет депутата Верховного совета СССР был возвращен Ивану Федоровичу Гусихину. Он был исключен из партии в связи с арестом в 1938 г. Предъявленных ему обвинений в измене родине и вредительстве он не признал. 16 декабря 1939 г. военный трибунал Калининского военного округа на основании всей совокупности материалов предварительного и судебного следствия пришел к убеждению о невиновности подсудимого. И.Ф.Гусихин был оправдан и освобожден из-под стражи, а судебные издержки было решено принять на счет государства³.

Во второй половине 1938 г. активизировалась переписка приемной председателя Президиума Верховного совета СССР с союзной прокуратурой, Главной военной прокуратурой и другими учреждениями по заявлениям и жалобам граждан на незаконные методы ведения следствия. Секретариат приемной Президиума Верховного совета СССР, возглавлявшийся тогда Савельевым, на-

¹ Там же. Л. 47.

² Там же. Л. 48.

³ Там же. Л. 54.

правлял заявления и жалобы подследственных и их родственников на рассмотрение в высшие инстанции.

Юридический термин «незаконные методы ведения следствия» появился под давлением потока писем арестованных и истязаемых в тюрьмах НКВД людей, которые стремились донести правду до вождей советского государства. На пути таких посланий была масса барьеров, но часть из них разными путями все-таки доходила до приемных властей.

Так, 31 августа 1938 г. из Президиума Верховного совета СССР была послана прокурору СССР Вышинскому под грифом «Лично. Секретно» копия письма следственного заключенного А.Н.Волкова из Ворошиловска Орджоникидзевского края. На нем была резолюция М.И.Калинина: «т. Вышинскому. Прошу ознакомиться с заявлением и результаты сообщите... 9/VIII-38 г.». В ней излагалась типичная для тех лет история районного чиновника, необоснованно пострадавшего от репрессий. А.Волков сообщал, что с 1 февраля 1935 г. он работал председателем райисполкома. 3 октября 1937 г. прямо в кабинете во время заседания без предъявления ордера на арест его арестовали. Следователь Михайличенко объяснил ему: «...Нам теперь даны все права, уьем, и отвечать не будем, составим акты и все. *Мы теперь контрразведка, проверим всех вас – большевиков*»¹. (Выделено нами. — Авт.).

Далее Волков описывал подробности, как его избивали, если не соглашался писать под диктовку следователя. С 10 часов вечера и до утра здание НКВД превращалось в «скотобойню». Крик и стон сливались в общий гул. Применялись всякие способы пыток, вплоть до «выкручивания» половых органов. Доводили до того, что он бессознательно оправлялся под себя. Находясь в ужасном состоянии, он под диктовку следователя написал ложные показания во вредительстве на себя и на 28 человек коммунистов-руководителей районных организаций. После того в районе происходили массовые аресты названных людей.

Через 10 дней Волкова перевели в тюрьму Ворошиловска, где он официально через начальника тюрьмы подал заявление прокурору Орджоникидзевского края с отказом от своих показаний и просьбой личной аудиенции. Избиения возобновились. Били палкой, ногами до тех пор, пока он частично не подтвердил свои прежние показания. Пытки и издевательства длились месяцами. 19 февраля 1938 г. «через волю» Волков направил жалобу в ЦК ВКП(б) лично Сталину. Он был уверен, что вождь ничего не

¹ Там же. Д. 558. Л. 39–40.

знал о произволе, которому подвергались люди, но никакого ответа не получил. В конце апреля 1938 г. его вновь вызвали на допрос и заставили подписать «показания» о наличии повстанческой организации в районе. Он категорически отказался. Потребовал прокурора и написал заявление на имя начальника краевого управления НКВД о том, что под физическими пытками дал показания о якобы существовавшей в районе контрреволюционной вредительской организации¹.

На секретный и личный запрос А.Вышинскому, подписанный и направленный 31 августа 1938 г. заведующим приемной Президиума Верховного совета СССР Савельевым, никакого ответа не последовало. Тогда 1 декабря 1938 г. он обратился в Главную военную прокуратуру с просьбой ускорить проверку по письму заключенного Волкова, поскольку дело принимало слишком затяжной характер. И снова безрезультатно. Из приемной Калинина было еще два запроса: от 15 апреля и от 21 мая 1939 г. Счастливым день для заключенного Волкова наступил 13 июня 1939 г., когда был получен ответ от главного военного прокурора, армвоенюриста Н.Розовского. В нем он уведомлял заведующего приемной Савельева, что при проверке жалобы Волкова подтвердились факты применения к нему незаконных методов ведения следствия. По делу было проведено специальное расследование. В результате дело по обвинению Волкова было прекращено, а сам он освобожден из-под стражи. Сообщалось, что виновные в нарушениях законности при проведении следствия работники НКВД Крылов и Голиков привлечены к уголовной ответственности². Из ответа главного военного прокурора мы ничего не узнали о судьбе привлеченных по делу Волкова 28 руководителей района. Непонятно, почему виновными в применении к подследственному пыток оказались рядовые чекисты, выполнявшие указание руководства.

Бывший начальник штаба 3-й кавдивизии Сидельников из тюрьмы послал письмо жене с просьбой поехать в Москву и добиваться приема в ЦК партии или в Президиуме Верховного совета СССР, чтобы рассказать о его деле или передать письмо по инстанции. Жена доставила письмо в приемную Калинина, который 15 сентября 1938 г. направил его наркому обороны К.Е.Ворошилову со следующей припиской: «...Может быть, знаешь лично, что за человек?»³

¹ Там же.

² Там же. Л. 41–44.

³ Там же. Д. 556. Л. 55.

Только через месяц письмо арестованного Сидельникова дошло лично до Ворошилова. Вот что поведал из тюрьмы бывший красный командир: «Творится что-то ужасное. Среди арестованных подавляющее большинство невинных людей, честных партийных и непартийных работников. На допросах арестованных бьют до полусмерти, ломают кости. На моих глазах умер от побоев арестованный Кучерук, переломаны ребра у арестованного Юрчука, порваны барабанные перепонки Сапрыкину, доведен до помешательства Грюнов. В отчаянии невинные люди начинают под диктовку следователя выдумывать несуществующие контрреволюционные организации и называют целые списки ничего не знающих людей — «участников» этих организаций. Очные ставки — сплошной монтаж, сопровождаемый побоями. Таким образом, в некоторых деревнях арестовано до 90% мужчин. Это чудовищное злодейство — работа врага. Партия и правительство введены в заблуждение.

Меня обвиняют в участии в военно-фашистском заговоре и вредительстве. Доказать свою невинность и честность нет никакой возможности. На 31-й день после ареста, варварской системой издевательств и избиений, меня под диктовку следователя заставили дать выдуманные, ложные показания... Я думаю, что ЦК партии не знает, как даются арестованными эти «чистосердечные признания...»¹ Удивительно то, что люди верили партии и правительству. Они даже мысли не допускали о том, что приказы руководителям НКВД о поиске врагов и контрреволюционных организаций исходили из Политбюро ЦК ВКП(б), от Сталина.

Жалобы людей на незаконные методы ведения следствия продолжали поступать в Москву со всех концов страны. 24 января 1939 г. на имя главного военного прокурора Розовского была направлена жалоба осужденного И.М.Ли. В письме он сообщал, что родился в 1914 г. в семье бедного крестьянина села Хвиленка Спасского района Дальневосточного края. В 1929 г. окончил школу, вступил в комсомол, работал в колхозе. Затем поехал на учебу в Орехово-Зуево Московской области, но в связи с переселением корейцев из Дальневосточного края в Казахстан вернулся к родителям. Работал счетоводом в колхозе станции Луговой, что на юге Казахстана. 26 мая 1938 г. был арестован сотрудниками местного районного отдела НКВД с предъявлением обвинения в шпионаже по статье 58-б. Привезли в тюрьму Джамбула. Еды не давали, допрашивали три следователя непрерывно по 8 часов в сутки.

¹ Там же. Л. 56.

Когда терял сознание, поливали водой. Затем сажали на ящик так, чтобы ноги не доставали до пола. Заставляли сидеть и смотреть в одну точку. На 5-й день подследственный Ли написал, как «работал на японскую разведку». Когда он дал ложные показания, его стали кормить, вскоре Ли предстал перед судом и был осужден на 10 лет лишения свободы¹.

Военный прокурор Розовский известил сотрудника канцелярии Калинина Савельева, что расследование по жалобе И.М.Ли еще не было окончено. Через 10 месяцев (22 октября 1939 г.) временно исполнявший обязанности главного прокурора Панфиленко информировал Савельева, что дело Ли военной прокуратурой войск НКВД Казахского пограничного округа было направлено в НКВД Казахской ССР для пересмотра решения «тройки»².

Вырваться из замкнутого круга лжи и насилия было невозможно без активной помощи родственников. Главную роль в освобождении арестованных мужчин сыграли их жены, но их усилия были напрасны. Так, в начале 1939 г. Александра Пинчук из деревни Барборово Сычковского сельсовета Бобруйского района Белорусской ССР в своем заявлении сообщала, что к ее мужу И.С.Пинчуку применялись незаконные методы следствия. Запросы из приемной Президиума Верховного совета СССР направлялись неоднократно, но ответ был получен более чем через год, 21 октября 1940 г. заместитель главного военного прокурора Афанасьев дал информацию о том, что в результате рассмотрения дела по обвинению Пинчука последний признал себя виновным в принадлежности к польским разведывательным органам и в передаче им сведений шпионского характера. Поскольку оснований к пересмотру дела не было, Пинчук был расстрелян³. Таким был официальный ответ Калинину.

Примерно в то же самое время Ю.Н.Жаховская настойчиво требовала разобраться в деле арестованного и умершего под следствием мужа. В своем заявлении в приемную Верховного совета СССР она утверждала, что ее муж К.И.Жаховский умер в тюрьме от пыток, применявшихся к нему следователями госбезопасности. Заведующий приемной Калинина три раза запрашивал прокурора СССР Вышинского и главного военного прокурора Розовского рассмотреть заявление жены умершего Жаховского.

Первый ответ был получен через год. 5 мая 1940 г. заместитель главного военного прокурора Афанасьев уведомлял заведующего

¹ Там же. Д. 561. Л. 2–3.

² Там же. Л. 10–12.

³ Там же. Л. 14–18.

приемной председателя Президиума Верховного совета СССР Савельева, что он поручил провести проверку по заявлению жены Жаховского военному прокурору войск НКВД Белорусского округа. Результаты проверки обещал сообщить дополнительно. Окончательный ответ был получен 15 сентября того же года от его помощника Лемешко. В нем сообщалось, что проверкой было установлено, что Жаховский арестован по подозрению во вредительстве и принадлежности к польской разведке. Показаний о вредительстве и шпионской работе он не дал. В связи с тем, что в ночь с 28 на 29 ноября 1936 г. Жаховский покончил жизнь самоубийством, дело было прекращено. Судя по всему, причиной смерти Жаховского стали примененные к нему методы физического воздействия¹.

Некоторым женам арестованных, приговоренных к длительным срокам лишения свободы, удавалось своими ходатайствами и жалобами добиваться проверки и пересмотра дел, а то и досрочного освобождения. Например, А.В.Кучина, проживавшая в Череповце Вологодской области, своими настойчивыми обращениями к властям выручила мужа: летом 1939 г. дело Т.Н.Кучина, осужденного решением тройки от 10 декабря 1937 г. на 10 лет исправительно-трудовых лагерей, было проверено; в ходе проверки было установлено, что дело было искусственно создано с применением незаконных методов ведения следствия; постановлением начальника управления НКВД СССР по Вологодской области решение тройки по делу Кучина было отменено, и он был освобожден из-под стражи.

Иногда женам, чтобы доказать невиновность своих мужей, приходилось самим проводить расследование их дел. 27 июля 1937 г. П.Ефимович, проживавший в селе Полтавка Александровского сельсовета Халиловского района Чкаловской (ныне Оренбургской) области и работавший на строительстве помещений для скота в колхозе «Красное знамя», был арестован. По его воспоминаниям, камеры тюрьмы в Орске были переполнены настолько, что ни лежать, ни сидеть было негде. Суда как такового не было, а просто объявляли постановление тройки — 10 лет исправительно-трудовых лагерей. 11 октября 1937 г. тройкой управления НКВД по Оренбургской области, якобы за участие в контрреволюционной организации, П.Ефимович был осужден на 10 лет ИТЛ. Наказание отбывал в Куйбышевской области. Его жена выяснила, что мужа приговорили к лишению свободы за вредительство на

¹ Там же. Л. 47-53.

строительстве в колхозе. Все построенное с его участием якобы разваливалось. Она поехала в колхоз, где раньше работал ее муж, и установила, что все постройки целы, в хорошем состоянии. Справки об этом она заверила у председателя колхоза и вместе со своей жалобой на необоснованный приговор мужа направила в приемную Калинина. На основании данной жалобы 24 июня 1939 г. прокурором Чкаловской области был внесен протест, и, по постановлению УНКВД по Чкаловской области от 14 декабря 1939 г., дело в отношении П. Ефимовича было прекращено¹.

4. Дело наркома земледелия СССР Р.И.Эйхе

Как и многих партийных функционеров высшего ранга, трагическая участь постигла члена ЦК ВКП(б), кандидата в члены Политбюро (с февраля 1935 г.) Роберта Индриковича Эйхе. Он вступил в партию большевиков в 1905 г. За рубежом познакомился с В.И. Лениным. В 1915 г. за пропагандистскую деятельность был арестован и осужден. До Февральской революции 1917 г. находился в ссылке в Сибири. Затем по заданию партии проводил подпольную работу в Риге. После оккупации немцами Латвии перебрался в Россию. Я.М.Свердлов помог ему найти работу в Наркомате продовольствия. В качестве комиссара занимался заготовкой продовольствия для Красной Армии. В конце 1922 г. был назначен заместителем наркома по продовольствию РСФСР, а через год, после ликвидации данного комиссариата, был направлен в Сибирь. Работал заместителем председателя Сибревкома. Через 2 года был избран председателем крайисполкома Западной Сибири. В 1929 г., при поддержке Сталина, был избран на должность секретаря Сибирского, а с 1930 г. Западносибирского краевого комитета партии. Возглавляя все руководство важного аграрно-промышленного региона страны с центром в Новосибирске², Эйхе являлся исполнителем директив партии и правительства во время насильственной коллективизации и ликвидации «кулачества». При нем край лидировал в организации государственных заготовок хлеба в колхозах и совхозах. По инициативе В.Молотова, побывавше-

¹ Из справки, предоставленной родственникам П.Ефимовича управлением Комитета государственной безопасности СССР по Оренбургской области от 14 августа 1989 г. № 3–19.

² ЦА ФСБ РФ. Дело Р-4516. Р.И.Эйхе. Л. 2, 9–34. Из автобиографии, написанной арестованным подследственным Р.И.Эйхе 3 мая 1938 г.

го в Западной Сибири во время хлебозаготовок осенью 1934 г., Р.Эйхе получил в сентябре–октябре право давать санкцию на применение высшей меры наказания в отношении руководителей, не выполнявших план хлебопоставок государству или отказывавшихся от дополнительной (сверхплановой) сдачи зерна колхозами и совхозами. 2 ноября того же года Сталин своей телеграммой продлил ему право на расстрел до 15 ноября того же года¹. В следующем, 1935 г., во время кампании по хлебозаготовкам по инициативе секретаря Западно-Сибирского крайкома партии Эйхе за саботаж хлебосдачи государству применялись репрессивные меры.

Как и многие партийные руководители, Эйхе, после февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. развернул в Западно-Сибирском крае интенсивную деятельность по разоблачению «врагов народа» и «вредителей». В своем письме в ЦК от 20 июня он приводил данные о том, что за период 1 марта по 15 июня 1937 г. в краевой парторганизации было разоблачено и исключено из партии 196 троцкистов и зиновьевцев, 26 правых контрреволюционеров². Он принимал решительные меры по подготовке края к выборам в Верховный совет СССР и с этой целью реализовал задачу, выдвинутую Сталиным, об окончательном освобождении социалистического общества от антисоветских элементов — бывших кулаков и других, высланных в северный край как недовольных коллективизацией и готовых к подрывной работе. Эйхе дал санкцию на расстрел 5 тыс. человек по 1-й категории социальной опасности и 12 тыс. человек — по 2-й категории отправил в ГУЛАГ³.

Сталин оценил усердие Эйхе. В ноябре 1937 г. его назначили наркомом земледелия СССР. Однако проработал он в этой должности недолго, так как был арестован 30 апреля 1938 г. В тот же день был произведен обыск на работе, в квартире, на даче. Арестованный собственноручно заполнил анкету, в которой записал год и место рождения, адрес, специальность (слесарь), место последней работы, партийность (исключен из ВКП(б) 30 апреля 1938 г., т.е. в тот же день), семейное положение: жена — Е.Е.Эйхе-Рубцова, студентка Новосибирского мединститута; с ним проживали: его престарелая мать — Алиса Карловна Эйхе и теща — Марфа

¹ Павлова И.В. 1937: выборы как мистификация, террор как реальность // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 36.

² Павлова И.В. Указ. соч. С. 27.

³ Бутовский полигон. 1937–1938. Книга памяти жертв политических репрессий. М., 1997. Вып. I. С. 350.

Матвеевна Рубцова. Во время обыска отобрали: партбилет ВКП(б) № 0000016, членский билет ЦИК СССР № 28, депутатский билет № 183, а также орден Ленина с орденской книжкой и другие документы. Из личных вещей — оружие: браунинг, пистолет «вальтер», патроны к ним, 2 охотничьих ружья с патронами, полевой бинокль, 3 кинжала. Кроме одежды и белья, больше ничего не оказалось. Все поместилось в двух чемоданах. После обыска квартиру из семи комнат в доме Правительства по ул. Серафимовича опечатали. Никаких улик, подтверждавших шпионскую и вредительскую деятельность Эйхе, не нашли. О жене и родственниках больше не было никаких упоминаний.

Можно предположить, что 30 апреля 1938 г. вечером был первый допрос, на котором Эйхе «убедили» чистосердечно признаться в своих преступлениях, что для него именно так будет лучше. Если он все без утайки расскажет о своих сообщниках, то, возможно, ему сохранят жизнь. Вероятно, что тогда же под диктовку следователей он написал свое заявление на имя Ежова:

Секретарю ЦК ВКП(б) и Народному
Комиссару внутренних дел Союза ССР
Н.И.Ежову
Арестованного Эйхе Р.И.

Заявление

На 1-м же допросе я решил чистосердечно и полностью сознаться в своих тягчайших преступлениях против партии и Сов. власти.

Врагом Сов. власти я являюсь с 1930 г. в связи с ликвидацией кулачества как класса. Будучи настроен против ликвидации кулачества как класса, я связался с антисоветской подпольной организацией правых в лице Сырцова С.И., бывшего в то время председателем СНК РСФСР, и с 1930 г. я возглавил в Сибири контрреволюционную правую организацию.

Руководящее участие в этой организации вместе со мной принимали: Грядинский — председатель крайисполкома Зап. Сибири; Фомин Ефим — заведующий облземотделом; Колотилов — заведующий Сельхозотделом крайкома ВКП(б); Воронин Д.И. — заместитель председателя крайисполкома; Каврайский — работал в Госиздате; Тракман — заведовал облздравотделом.

В 1932 г. наша контрреволюционная организация сблокировалась с троцкистской организацией в Западной Сибири в лице Богуславского, Шестова, Рухимовича, работавшего в Кузбассугле.

По линии центра... я был связной с Бухариным и Рыковым, от которых получал указания по развертыванию антисоветской работы в крае. Мною и моими сообщниками была проведена большая вредительская

работа, как в области сельского хозяйства, так и в промышленности. В этой антисоветской работе активное участие принимали следующие лица: Барков — крайпрокурор; Эдельман — заместитель председателя крайплана; Горнштейн — потребкооперация; Важнов — наркомвнуторг; Зайцев И.Е. — зам. пред. крайисполкома; Гайлит — командующий войсками Западно-Сибирского военного округа...¹

Таким образом, Р.Эйхе восполнял в своих показаниях то, чего от него требовали следователи, которых предварительно инструктировали. Он называл новые имена участников «антисоветского заговора», среди которых встречались имена уже расстрелянных людей. На втором заявлении Эйхе на имя Ежова от 2 мая 1938 г. имелась приписка о том, что оно было передано комиссару госбезопасности 3 ранга Н.Г.Николаеву и майору госбезопасности З.М.Ушакову. Оно представляло собой откровенный самооговор. Эйхе писал, что будто бы в первом послании Ежову скрыл от него «самые существенные факты... антисоветской деятельности и наиболее существенные заговорщические связи»².

Эйхе стремился заинтересовать своих мучителей нераскрытыми тайнами своей контрреволюционной деятельности. Он понимал, что после 1937 г. руководство НКВД СССР трудно было удивить информацией о каком-нибудь опасном государственном заговоре. Тем не менее ему «помогают» вспоминать, говорить и писать как можно больше показаний. Сталин и Ежов были уверены, что он важный источник информации, и давали следователям возможность «выжать» из него все, что необходимо для фабрикации новых «уголовных» дел.

Сломленный человек старался изо всех оставшихся сил, до последней минуты надеясь на сохранение своей жизни и жизни своих близких. Он «вспомнил», что при нем в начале 1930-х гг. видный деятель партии С.В.Косиор в резкой форме говорил о тяжелом состоянии на Украине, осуждал политику ЦК ВКП(б), которая привела к голодомору. Косиор был против исключения Г.Е.Зиновьева из партии, так как считал, что последний был очень чуткий политик, умевший улавливать направление развития исторического хода событий, а ЦК партии лишь раскалывал партию. В заключение своего письменного показания Эйхе приводил следующее выражение Косиора: «...Сталину говорить об этом бесполезно, что это все равно как горох об стенку...»³.

¹ ЦА ФСБ. Дело Р-4516. Л. 41–42.

² Там же. Л. 46–47.

³ Там же. Л. 48–49.

Не исключено, что Эйхе сами следователи подсказывали интересные их имена. С 7 по 12 мая 1938 г. он назвал среди участников антисоветского центра: В.И.Межлаука, его брата И.И.Межлаука, Г.И.Петровского, латышского писателя Яна Райниса, его сестру Дору Стучку и других. Для большей достоверности не жалел и себя. Он писал, что систематически передавал германской разведке данные о Сибири и материалы о решениях СНК СССР. По заданию разведки организовывал в крае вредительскую и повстанческую работу, способствовал вербовке шпионской агентуры. Возвратившегося из эмиграции и работавшего в Новосибирске бывшего командующего колчаковской армией генерала Болдырева Эйхе в своих показаниях назвал «крупным японским разведчиком».

Арестованный вновь и вновь повторял заученные «преступления», но затем, как правило, следовал очередной дополнительный вопрос. Например: «Вы все же скажите конкретнее, в чем именно заключалась Ваша связь с Заковским Л.М.?» (Заковский — видный руководитель ВЧК-ОГПУ, полномочный представитель ОГПУ в Западной Сибири с 1926 г. по 1932 г.; с января 1938 г. заместитель наркома внутренних дел СССР и начальник УНКВД по Московской области).

Ответ: «Заковский работал в Новосибирске, он знал о моей антисоветской работе. Я давал ему указания о свертывании борьбы с контрреволюцией...»¹ Несомненно, это абсурд, но он предопределил арест Л.Заковского, которого расстреляли в 1938 г., а от Эйхе требовали давать показания и на других.

Эйхе, по подсказке Ежова и его подчиненных продолжал «сочинять» о том, как после прихода А.Гитлера к власти в Германии, он и немецкий консул в Новосибирске Гросскопф вредили советскому строю. Гросскопф даже говорил Эйхе, что Гитлер одобрял его подрывную деятельность в СССР.

Поскольку все эти измышления читали Сталин, Ежов, Вышинский и др., то следователи требовали от Эйхе «правдивых» показаний. Арестованному приходилось напрягать оставшиеся силы для сочинения «правдоподобных» преступлений. Приведем несколько образцов лубянской фальши середины 1938 г.: «ЦК ВКП(б) и СНК придавали большое значение развитию золотой промышленности и по этому вопросу были неоднократные решения... В Западной Сибири имеется много районов, богатых золотом, в которых имеются большие возможности развернуть золотодобы-

¹ Там же. Л. 206.

чу. Рудзутак Я.Э. (видный партийный и государственный деятель, член ЦК ВКП(б) с 1920 г. по 1937 г., расстрелян в 1938 г.) меня неоднократно предупреждал, что план золотодобычи надо срывать, так как для индустриализации нужна валюта...

На Томской железной дороге наша контрреволюционная организация пыталась сорвать подъем работы транспорта, поэтому я дал указание организовать террористический акт против Л.М.Кагановича. ...В 1937 г. ...я решил лично убить наркома внутренних дел СССР, секретаря ЦК ВКП(б) Н.И.Ежова... В конце ноября 1937 г., когда я был у Ежова, у меня был с собой револьвер, из которого я намеревался стрелять в него. Но когда я ясно представил, что мне надо погибнуть, я струсил и ушел, не попытавшись совершить теракта против Ежова. Этому помешала также та сила воли и идейной убежденности, которая проявлялась в каждом слове народного комиссара...»¹ Должно быть, Ежов и добивался такого признания.

13 мая 1938 г. бывшему наркому земледелия СССР Эйхе были предъявлены следующие обвинения:

а) с 1918 г., когда Латвию захватили немецкие войска, он стал германским агентом и проводил подпольную работу против советской власти;

б) после его эвакуации в Советскую Россию вошел в латышскую националистическую и шпионскую организацию, цель которой состояла в свержении советской власти;

в) в Сибири создал и возглавил антисоветский заговор, объединив в нем меньшевиков, эсеров, белогвардейцев, троцкистов, правых и националистов;

г) проводил в Сибири по заданию центра право-троцкистского блока, германской и японской разведок вредительскую, повстанческую и террористическую работу;

д) в связи с ликвидацией право-троцкистского центра вошел в состав западного центра и продолжал борьбу с советской властью до дня своего ареста.

Таких обвинений хватило бы на сотню отъявленных террористов. Каждое из них влекло за собой смертную казнь. За обвинением следовало соответствующее постановление о привлечении гражданина Эйхе в качестве обвиняемого по статье 58, пунктам 1а, 6, 7, 8 уголовного кодекса и заключение его под стражу. Подтверждением того, что данное постановление было объявлено Эйхе, являлась его подпись².

¹ Там же. Т. 1. Л. 195, 210; Т. 2. Л. 39.

² Там же. Л. 16.

В конце июля — начале августа 1938 г. Эйхе дал письменные показания о своих частых встречах с бывшим заместителем председателя СНК и СТО СССР В.Я. Чубарем, который к тому времени уже находился под арестом на Лубянке, а расстрелян был 26 февраля 1939 г. В показаниях Эйхе он был назван сторонником правых, тормозящим проведение важных государственных мероприятий, критиковавшим линию ЦК ВКП(б) по вопросам хлебозаготовок во время коллективизации.

Из протокола допроса арестованного Эйхе от 11 августа 1938 г. видно, что предварительное следствие по его делу было закончено. Следователь спросил, есть ли у него какие-либо заявления, дополнения. Их — не было, Эйхе подтвердил все прежние показания об «изменнической, предательской и шпионской деятельности» против Советского государства и скрепил сказанное личной подписью¹.

Что с Эйхе было дальше? Достоверно известно, что Ежов по какой-то причине его не включил в расстрельные списки. Возможно, не успел, так как на посту наркома его сменил Берия, который обратился к делу Эйхе почти через год. 11 июля 1939 г. новый глава Лубянки утвердил постановление об избрании меры пресечения для Эйхе. В нем говорилось, что материалами следствия Р.Эйхе был «изобличен» в том, что на протяжении ряда лет вел активную антисоветскую деятельность, являясь руководителем право-троцкистской организации, существовавшей в Западно-Сибирском крае. Следствием было «установлено», что Эйхе по антисоветской работе имел связь с «врагами народа» Ежовым, Фриновским, Косиором и Рудзутаком, от которых получал указания на проведение контрреволюционной работы в Западно-Сибирском крае, а также шпионажа в пользу Японии и Германии. В преступлениях он был изобличен соучастниками: М.П.Фриновским, Н.И.Пахомовым, Э.К.Прамнэком, Я.П.Гайлитом и своими личными показаниями. В шпионской деятельности его уличили показания охотника из Новосибирской области П.П.Лобачева и его брата, слесаря из Новосибирска Я.П.Лобачева.

По данному постановлению Эйхе привлекался в качестве обвиняемого по ст. 58, п.п. 1-а, 11 УК РСФСР. Мереу пресечения оставили прежнюю — содержание под стражей. Подписали постановление следователи Радченко и Пинзур. Кроме того, имеются подписи о согласии с принятым решением прокурора НКВД СССР и

¹ Там же. Т. 2. Л. 288.

заместителя начальника следственной части, комиссара государственной безопасности 3 ранга Б.З.Кобулова¹.

Как видим, нарком внутренних дел СССР Берия обвинил Эйхе в связях со своими предшественниками, бывшими руководителями НКВД СССР Ежовым и Фриновским, которые в 1938 г. выбивали из подследственного Эйхе ложные показания на себя самого и других коллег по совместной работе, но до расстрела дело не дошло. Из опубликованных почти через 50 лет данных стало известно, что в октябре 1939 г. искалеченный и больной Эйхе написал два заявления на имя Сталина, в которых клялся вождю в своей преданности партии и социализму, просил доследовать свое дело, так как враги затеяли против него подлую провокацию. 2 февраля 1940 г. дело Эйхе рассматривала Военная коллегия Верховного суда СССР. Он не признал себя виновным, но через два дня был расстрелян².

Таким образом, на примере следственного дела Эйхе мы видим действие запущенной руками власти адской машины смерти, пожиравшей как обвиняемых, так и обвинителей. Эйхе был арестован Ежовым, который вместе с Фриновским руководил допросом и пытками. Следствие затянулось на год. Новый нарком Берия арестовал Ежова и Фриновского, обвинил их в сговоре с предателем и шпионом Эйхе и расстрелял обоих.

* * *

Вопрос о том, сколько людей — граждан СССР — пострадало от незаконных и необоснованных репрессий, остается открытым. Исчерпывающего ответа на него пока нет. Историки располагают теми данными, которые они взяли из рассекреченных архивных фондов в конце 80-х и в 90-е годы XX века.

Причина неясности в том, что власть как организатор массовых репрессий не была заинтересована в огласке списков арестованных, а тем более расстрелянных и замученных ими людей. Напротив, она стремилась всячески скрыть следы своих преступлений, о чем свидетельствуют многочисленные тайные захоронения жертв. Сегодня удалось найти лишь разрозненные данные, основанные на сводках и отчетах НКВД в правительственные инстанции.

После смерти Сталина родственники пострадавших от репрессий стали активнее, чаще и более настойчиво обращаться с требованиями выяснить участь своих исчезнувших в 1930-е гг. родных

¹ Там же. Т. 1. Л. 1-2.

² См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 141.

и близких. Ставший 1-м секретарем ЦК КПСС Н.С.Хрущев, в связи с поступавшими в ЦК КПСС «сигналами от ряда лиц о незаконном осуждении за контрреволюционные преступления в прошлые годы», дал указание о необходимости пересмотра дел. Он запросил сведения о численности осужденных за контрреволюционные преступления коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особыми совещаниями, Военной коллегией, судами и военными трибуналами. Оказалось, что с 1921 г. по 1953 г. было репрессировано 3 млн 777 тыс. 380 человек, из которых 642 тыс. 480 человек было расстреляно. В тот же период в лагерях и тюрьмах отбывали срок лишения свободы от 25 лет и ниже 2 млн 369 тыс. 220 человек, а ссылку и высылку прошли 765 тыс. 180 человек¹. Хрущев — невольный участник репрессий — не мог допустить огласки цифр о численности репрессированных за годы советской власти. В подсчетах настораживает абсолютная точность цифр в рамках 32-летней хронологии. До конца 80-х гг. XX века эти и другие подобного рода данные были строго засекречены, что вело к появлению иных расчетов и цифр, сделанных самими историками. Д.А.Волкогонов опубликовал информацию о том, что с 1937 г. по 1938 г. репрессиям подверглись примерно 3,5–4 млн человек, из которых 600–650 тыс. были расстреляны². По его данным получается, что только в 1937–1938 гг. было арестовано и расстреляно людей больше, чем по подсчетам, представленным Н.Хрущеву за весь период с 1921 г. по 1954 г.

По архивным данным НКВД, в 1937–1938 гг. всего было арестовано около 2,5 млн человек, т.е. около 2,5% от общей численности взрослого населения СССР. Из них по политическим мотивам осуждено 1 млн 344 тыс. 923 человека, из которых 681 тыс. 692 человека, т.е. 50,7%, были приговорены к расстрелу³.

В 1997 г. была опубликована другая цифра расстрелянных в 1937–1938 гг., она была выше на 6308 человек⁴. Через 2 года были опубликованы сводные данные за 1932–1939 гг.: арестовано и приговорено всего — 1 млн 575 тыс. 259 человек, в том числе расстреляно — 681 тыс. 692 человека⁵. Сотрудники международного пра-

¹ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2002. С. 147.

² Волкогонов Д. Триумф и трагедия // Октябрь. 1988. № 12. С. 129.

³ Земсков В.Н. Заключение в 1930-е годы: социально-демографические проблемы // Отечественная история. 1997. № 4. С. 60.

⁴ Головкина Л. Спецобъект «Бутовский полигон». История, документы, воспоминания // Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. М., 1997. С. 18.

⁵ Getty J.A., Naumov O.V. The Road to Terror. Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. New Haven and London. 1999. P. 588.

возащитного общества «Мемориал», фонда «Демократия» опубликовали новые документы, проливающие дополнительный свет на эту человеческую трагедию, которая продолжает будоражить умы современников. В 2002 г. были опубликованы выступления ученых на презентации компакт-диска «Сталинские расстрельные списки», из которых стали известны подробности о том, как выносились заочные приговоры на сотни человек по спискам, подготовленным НКВД и не содержащим никакой информации, кроме фамилии, имени, отчества и предложения о мере наказания. Подписи Сталина сохранились на 357 расстрельных списках ответственных руководителей партии и государства, Молотова — на 372, Кагановича — 188, Ворошилова — 185, Жданова — 176. Не всем членам Политбюро доверялось подписывать приговоры, а только особо приближенным к Сталину.

Изучение расстрельных списков показало, что был один внесудебный орган, действовавший под руководством И.В.Сталина. Лично им и его приближенными было осуждено примерно 40 тыс. человек, из которых 85% — приговорены к расстрелу. Через Ежова и Вышинского прошли списки примерно на 350 тыс. человек, из которых 73% были приговорены к смерти. За 1937–1938 гг. к тюрьме местные внесудебные тройки приговорили примерно около 1 млн человек, из которых 50% было расстреляно¹. Всего по нашим расчетам в 1936–1940 гг. было репрессировано около 3 млн человек, из них 1 млн человек были расстреляны, умерли от пыток и покончили собой.

¹ См: Бесспорные свидетельства // 30 октября. 2002. № 21.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Много в России
троп,
что ни тропа –
то гроб.
Что ни верста –
то крест».

С.А.Есенин

Разгром политической и культурной оппозиции в 1920-е гг. способствовал укреплению деспотического режима в СССР. Партийно-государственная власть относилась к человеку как к средству для достижения своих целей, поэтому поэт, хорошо знавший о жертвах Гражданской войны, предвидел новые миллионные людские потери в предстоящей войне с народом в 1930-е гг.

В результате ликвидации крестьянства как класса был уничтожен главный источник пополнения рядов рабочего класса. Быстрая и насильственная пролетаризация деревни не дала желаемых результатов. Перспектива создания мощного аграрно-промышленного комплекса в кратчайшие сроки утратила реальные очертания. Страна была поставлена под угрозу потери национальной независимости. Попытки решить конструктивные державные задачи силами заключенных и спецпереселенцев ГУЛАГа экономически и социально-демографически себя не оправдали. Резервы дешевой рабочей силы быстро иссякли из-за нерационального ее использования. Принудительный труд никогда не был высокопроизводительным, а техническое оснащение, инфраструктура, орудия труда и безопасность работ в советских лагерях оставляли желать лучшего.

Между тем без насилия сверху артельная система организации колхоза, предложенная правительством СССР, могла бы успешно работать и приносить пользу стране, если бы колхоз был примером оптимального процесса производства для невошедших в коллективы крестьян. Колхоз мог бы стать образцом общественного труда, которому следовали бы неколлективизированные семейные хозяйства.

18 ноября 1932 г. крестьянин-середняк А.И.Дергалеv, работавший в МТС Увельского района Уральской области, в письме Сталину предлагал через Уральскую районную и областную проку-

ратуры восстановить в правах и вернуть из ссылки неправильно раскулаченных и выселенных середняков. Он просил предоставить им право на организацию показательного социалистического хозяйства на их собственные средства. Свое предложение он мотивировал тем, что во время принудительной сплошной коллективизации и раскулачивания государство ударило по лучшим хозяйствам, по жившему своим трудом середняку, поэтому многие побросали свои хозяйства и ушли на производство. У остальных отпало желание биться за развитие хозяйства. Инициатива самих крестьян, как известно, не была поддержана высшей властью¹.

Доведенные до отчаяния голодом 1932–1933 гг. рабочие-текстильщики Родниковского комбината «Большевик» Иваново-Промышленной области, не доверяя своему правительству, обращались за помощью к послу США в СССР В.Буллиту. В своем письме они объясняли свой поступок тем, что «единственный выход из положения нужды и голода, к которому привела население СССР гибельная политика большевиков, видели в возникновении войны и свержении большевизма»². Пять человек рабочих, подписавших письмо, были арестованы и доставлены на Лубянку. Их обвинили в том, что они в извращенном виде описали жизнь рабочих и крестьян Советского Союза.

Экспроприация и коллективизация сельского хозяйства сталински привели к голодомору 1932–1933 гг. Ослабление советской деревни сказалось на всей экономике СССР. Уничтожение значительной части наиболее работоспособного самостоятельного крестьянства — главного поставщика сельхозпродукции для промышленности и жителей городов — изменило не в лучшую сторону экономико-социальную структуру страны. Государство лишилось важнейшей опоры — стабильного и жизнеспособного аграрного комплекса. Колхозы, лишённые необходимой хозяйственной свободы, не могли восполнить потери.

Нередко доходило до того, что чиновные бюрократы, не являвшиеся специалистами сельского хозяйства и не имевшие никакого опыта выращивания хлеба, по своему усмотрению давали председателям колхозов плановые и сверхплановые задания по государственным заготовкам сельхозпродукции. Они же учили сельчан, какие культуры в какое время сеять и на каких площадях.

Отдача от индустриализации для колхозов и совхозов была явно недостаточной. В итоге накануне Второй мировой войны советский

¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 89. Д. 21. Л. 161–162 (обратная нумерация).

² Там же. Д. 23. Л. 515–519.

колхозный строй оказался в непростой аграрно-производственной ситуации: личная заинтересованность в труде оставалась недопустимо низкой, а социальная сфера советской деревни — непрестижной. В сельском хозяйстве нарастали проблемы, неблагоприятные для коллективной собственности и социалистического пути развития. Государственный нажим сковывал личную и общественную инициативу, тормозил внедрение современных научных технологий и методов. Из главного донора индустриализации деревня все больше превращалась в потребителя государственных дотаций.

Закрытое и обособленное от окружающего мира советское общество было приспособлено к деспотическому режиму. Конституция 1936 г., не действовавшая в стране, послужила прикрытием проводившихся массовых необоснованных репрессий 1937–1938 гг. Технология террора была разработана в недрах Политбюро ЦК ВКП(б).

Принятие новой Конституции и выборы в Верховный совет СССР в 1937 г. не случайно совпали с фальсифицированными «открытыми судебными» процессами над троцкистско-зиновьевской «оппозицией» и «правыми» коммунистами. В то время мало кто знал о масштабах политических репрессий в СССР, так как они были строго засекречены. Люди исчезали целыми семьями, а родственники не могли узнать правду об их участи. Под необоснованные политические репрессии попали десятки тысяч рабочих и крестьян, примерно треть из них была расстреляна. Вследствие политических интриг, организаторами и активными участниками которых были Сталин, Молотов, Каганович и др., были уничтожены лучшие партийные и советские кадры. При участии Сталина, Ежова, Ворошилова, Буденного и других было спровоцировано уничтожение высшего командного состава Красной Армии.

Когда размах репрессий стал неуправляемым, в Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение о смещении Ежова с поста секретаря ЦК и наркома НКВД СССР за «перегибы и нарушение социалистической законности». Репрессии возглавил новый нарком Л.П.Берия.

Последствия затянувшейся войны власти с народом в 1930-е гг. были неблагоприятны для внутреннего и внешнего положения СССР накануне Второй мировой войны. Стремление советского руководства укрепить оборону страны толкало Сталина на переговоры и «дружественные» соглашения с гитлеровской Германией. Такой внешнеполитический шаг подрывал доверие к СССР у стран будущей антигитлеровской коалиции и у мировой антифашистской общественности.

Уничтожение партийных и военных кадров накануне войны значительно снизило боеспособность руководящих органов командного состава Красной Армии. Под колесо репрессий попали высококвалифицированные организаторы военного ведомства, ученые и инженеры военного производства. Военно-стратегический сектор страны был отброшен на несколько лет назад. За год до нападения германских войск на Советский Союз власти вынуждены были в спешном порядке исправлять допущенные ошибки. Военную доктрину пришлось кардинально перестраивать под влиянием тяжелых поражений Красной Армии летом и осенью 1941 г.

В 30-е годы XX века монопартийная государственная власть в СССР, одержимая болезнью революционного фанатизма, творила беспрецедентное насилие над людьми. Таким способом у многих была парализована воля, самосознание, посеян страх в душе.

Трагические уроки прошлого цепко держат сознание нашего современника. По признанию очевидца С.Ф.Соловьева, «...чувство неясного страха меня всегда сковывало и преследовало. Безысходность, апатия... Ностальгия на родине — это ужасно»¹. Обращаясь к руководству страны, он говорил: «...Если вы поставили благородную задачу воссоздать Россию, то надо воссоздать Человека, которого топтали вожди 70 лет, передавая друг другу кровавую эстафету»².

¹ Центр реабилитации незаконно репрессированных ГУВД Московской области, текущий архив за 1997 г.

² Там же.

ПРИЛОЖЕНИЯ

И. ЦА ФСБ РФ. Дело Р 25091 Михайловского Александра Сергеевича
Дело взято на тематический учет

Государственное политическое управление

Дело № 25505

по обвинению Михайловского А.С.

Начало 14 / IV 1924 г.

Ордер № 3229

Выдан сотруднику оперативного отдела ОГПУ товарищу Камынину на производство ареста и обыска гражданина Михайловского А.С. по адресу: Тверская, д. 43

Примечание. Все должностные лица и граждане обязаны оказывать тому, на имя которого выписан ордер, полное содействие для успешного выполнения.

Печать

Зам. председателя ОГПУ, подпись — Г.Ягода

Начальник оперативного отдела — подпись (неразборчива)

* * *

Протокол

На основании ордера ОГПУ произведен обыск Михайловского в доме № 43, кв. 4 по ул.Тверской.

При обыске присутствовали: управдом Максимов С.Н. и понятые. Согласно данным указаниям задержан гр. Михайловский А.С.

Взято для доставления в ОГПУ следующее (подробная опись всего конфискованного или реквизируемого): разная переписка, документы, серебряный лом предметов домашнего обихода приблизительно 15 фунтов. Принадлежит со слов Михайловского приходской общине... для богослужения, но документов на это не имеется.

Обыск производил: комиссар активного отделения — Камынин.

При обыске заявлена жалоба от Михайловского.

Печать домового комитета.

Подпись председателя домового комитета — С.Максимов.

Кроме того подписали понятые — неразб.

* * *

Протокол допроса

1924 г. апреля мес. 14 дня, я уполномоченный секретного отдела Казанский допрашивал в качестве обвиняемого гр. Михайловского А.С. и на первоначально предложенные вопросы он показал: возраст — 37 лет, уроженец села Новоселки Бавыкинской волости Серпуховского уезда Московской губернии, сын дьячка.

Вопрос: род занятий (последнее место службы и должность).

Ответ: церковь Дмитрия Солунского у Тверских ворот, священник, бухгалтер Цекубу (центральной комиссии улучшения быта ученых).

Вопрос: семейное положение.

Ответ: жена Мария Павловна, сын Леонид (11 лет), отец Сергей Николаевич живет у детей, брат Виктор — учитель школы 1 ступени, три сестры (Лидия, Ольга, Варвара).

Вопрос: имущественное положение (до и после революции).

Ответ: отец владел сельхозинвентарем, имел лошадь и корову.

Вопрос: образовательный ценз.

Ответ: Московская духовная семинария. Окончил в 1916 г.

Вопрос: партийность и политические убеждения.

Ответ: считаю метод эволюции личности указанный христианством не состоятельным в деле социализма... В партиях не состоял и не состою.

Вопрос: где жил, служил, чем занимался.

Ответ: был учителем сельской школы, потом начальной школы (повышенного типа) в г. Москве. Совмещал учительство с должностью псаломщика в ц. Дмитрия Солунского. С 1914 г. до февральской революции 1917 г. — счетовод Всероссийского земского союза, помощник бухгалтера, затем бухгалтер там же.

Вопрос: где был, что делал в февральскую революцию.

Ответ: был в Москве, участие в революции не принимал.

Вопрос: где был, что делал в Октябрьскую революцию.

Ответ: в г. Москве, никакого участия в революции не принимал, против нее тоже не выступал.

Вопрос: с Октябрьской революции по настоящий день.

Ответ: до ликвидации земского союза работал контролером в московском продкомитете, затем в Наркомпроде бухгалтером. В 1921 г. в Помгол — бухгалтером. По ликвидации его в Цекубу.

Записано с моих слов верно, мною прочитано (подпись допрашиваемого).

* * *

Постановление

29 апреля 1924 г. был рассмотрен следственный материал по делу № 25505. Установлено, что проходящий по делу Михайловский А.С. являясь к мирянам с целью совершения церковных обрядов, вел агитацию против советской власти.

Михайловский А.С. достаточно изобличен в антисоветской деятельности. Постановили привлечь его в качестве обвиняемого по 69 ст. УК, содержанием под стражей на общих основаниях.

Подпись (неразб).

* * *

Начальнику 6-го секретного отдела ОГПУ
Тов. Тучкову
От Марии Павловны Михайловской

Заявление

12 апреля сего года на основании ордера ОГПУ был арестован мой муж А.С.Михайловский и в настоящее время находится в Бутырской тюрьме.

Так как мой муж болеет туберкулезом, прошу освободить его до суда, поскольку длительное пребывание в тюрьме губительно отзовется на его здоровье. Муж мой обвиняется по 69 ст. УК, но никогда и нигде он против советской власти не говорил и не делал. Агитацией против нее не занимался. В контрреволюционных собраниях не участвовал. По домам он ходил только по приглашению для исполнения церковных треб, и отказываться от них по своему положению священника не мог. Его разговоры с верующими, которые его приглашали, имели только религиозно-нравственное содержание. От суда и следствия он уклоняться не будет.

Прилагаю 2 медицинских удостоверения: проф. М.П.Кончаловского и С.Духовского.

16.05.1924

Подпись Михайловской.

* * *

Выписка из протокола заседания коллегии ОГПУ (судебное)
от 18 июня 1924 г.

Слушали: Дело № 25505 по обвинению гр. Михайловского А.С. по 69 ст. УК, арестованного и содержащегося в Бутырской тюрьме.

Постановили: Михайловского А.С. освободить под подписку о невыезде из г. Москвы. Дело следствием продолжить.

Секретарь коллегии ОГПУ

Подпись

Печать

* * *

Постановление

об изменении меры пресечения по делу № 25505
гр. Михайловского А.С., обвиняемого по 69 ст. УК.

11 июня 1924 г. я, уполномоченный 6-го отделения секретного отдела ОГПУ Казанский рассмотрев следственное производство по настоящему делу, нашел, что такое можно считать в главных чертах законченным и, что нахождение обвиняемого Михайловского А.С. на свободе, влияния на ход следствия оказать не может.

На основании вышеизложенного, а также принимая во внимание плохое состояние здоровья обвиняемого, полагал бы:

гр. Михайловского А.С. (37 лет) по профессии служителя культа, арестованного по ордеру №3229 12 апреля с.г. и содержащегося под стражей в Бутырской тюрьме — освободить из-под стражи под подписку о невыезде из г. Москвы. Дело следствием продолжить.

Уполномоченный 6 отд. СО ОГПУ

(Казанский)

Согласен: начальник 6 отд. СО ОГПУ

(Тучков)

Утверждаю: зам. начальника СО ОГПУ

(Андреева)

* * *

Выписка из протокола

заседания коллегии ОГПУ (судебное) от 1 декабря 1924г.

Слушали: Дело № 25505 по обвинению гр. Михайловского А.С. по 69 ст. УК, находящегося на свободе под подписку.

Постановили: Дело прекратить и сдать в архив. Подписку аннулировать.

Секретарь коллегии ОГПУ

Подпись

Печать

* * *

Утверждаю. Г. Ягода 29/XI. 24	Заключение По делу №25505 гр. Михайловского А.С., обвиненного 69 ст. УК, находящегося на свободе под подписку о невыезде из г. Москвы
-------------------------------------	---

11 ноября 1924 г., рассмотрев дело № 25505 по обвинению гр. Михайловского А.С., 37 лет, попа, проживавшего в Москве, Тверская, д. 43, кв. 4, окончившего духовную семинарию, ранее не судившегося, беспартийного, по 69 ст. УК, — нашла: дело возникло на основании поступивших в 6 отд. СО ОГПУ сведений о том, что гр. Михайловский среди верующих ведет антисоветскую агитацию.

На основании поступивших сведений гр. Михайловский был арестован. Произведенным по делу следствием, наличие инкриминируемого гр. Михайловскому обвинения не установлено.

Принимая во внимание все вышеизложенное, полагаю: дело следствием прекратить и сдать в архив, подписку о невыезде аннулировать.

Сотрудница 6 отд. СО ОГПУ	(Якимова)
Согласны:	(Тучков)
	(Андреева)

29.11.24

II. ЦА ФСБ РФ. Дело Р-8622. Т. 1. Амосова А.М.

Приговор

Именем Союза советских социалистических республик Военная коллегия Верховного суда Союза ССР в составе:

Председательствующего Армвоенюриста т. Ульрих В.В.

Членов: Диввоенюриста т. Никитченко И.Т.

и Бригвоенюриста т. Рутман Я.Я.

При секретаре военном юристе 2 ранга Л.Н.Кудрявцеве.

В закрытом судебном заседании, в г. Москве 25 ноября 1937 г., рассмотрено дело по обвинению Амосова Алексея Мефодьевича, 1896 г. рожд., бывшего начальника Калининской железной дороги, — в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-1а, 58-7, 58-8, 58-9, 58-11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что Амосов являлся членом руководящего центра антисоветской, право-троцкистской, террористической диверсионно-шпионской организации на железнодорожном транспорте и по заданию этой контрреволюционной организации проводил работу по созданию антисоветских организаций на железнодорожном транспорте и в профсоюзе железнодорожников.

Кроме того, Амосов организовал две террористические группы на Северной и Дзержинской железных дорогах для совершения терактов над товарищами Сталиным и Кагановичем.

Признавая Амосова виновным по ст. ст. 58-1а, 58-7, 58-8, 58-11 УК РСФСР и руководствуясь ст.ст. 319 и 320 УПК РСФСР Военная коллегия Верховного суда Союза ССР

Приговорила:

Амосова Алексея Мефодьевича к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего ему принадлежащего имущества.

Приговор окончательный и на основании Закона от 1.XII.34 г. приводится в исполнение немедленно.

Председатель:

Члены:

Ульрих

Никитченко

Рутман

Форма № 44
«Секретно»

Верховный суд Союза ССР
Определение № 4н-015985/56

Военная коллегия Верховного суда СССР

В составе: Председательствующего полковника юстиции Сенина
и членов: полковника юстиции Сирота

подполковника юстиции Ладина

рассмотрела в заседании от 10 ноября 1956 г.

заключение Главного военного прокурора в порядке ст. 378 УПК РСФСР по делу Амосова Алексея Мефодьевича 1896 г.рожд., уроженца с.Вшиги бывш. Западной области, члена КПСС с 1914 г., до ареста — начальника Калининской ж.д. осужденного 25 ноября 1937 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР по ст. ст. 58-1а, 58-8, 58-11 УК РСФСР к расстрелу с конфискацией имущества.

Заслушав доклад т. Сирота и заключение пом. Главного военного прокурора подполковника юстиции т. Лазуренко, —

Установила:

Амосов признан виновным в том, что являлся членом руководящего антисоветского, право-троцкистского центра на ж.д. транспорте и по его заданию проводил работу по созданию антисоветских организаций на железных дорогах и в профсоюзах железнодорожников.

В заключении предлагается приговор в отношении Амосова А.М. отменить, а дело о нем прекратить за отсутствием состава преступления, т.к. дополнительной проверкой установлены новые обстоятельства, свидетельствующие о том, что в результате применения незаконных методов допроса Амосов оговорил не только себя, но и Рудзутака Я.Э., Благонравова, Леппе и др. (всего 10 человек).

Показание Фомиченко о том, что Амосов являлся активным троцкистом с 1927 г. является вымышленным, т.к. в ЦК КПСС сведений о его принадлежности к троцкистской оппозиции в 1927 г. не имеется.

Амосов являлся членом КПСС с 1914 г., неоднократно избирался членом ВЦИК, ВУ ЦИК, ЦИК СССР, на XVI съезде ВКП(б) был избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б), являлся делегатом XVII съезда партии. В 1936 г. за успешную работу на железнодорожном транспорте Амосов был награжден орденом Ленина.

На основании изложенного Военная коллегия Верховного суда СССР, считая заключение правильным, определила:

Приговор Военной коллегии Верховного суда Союза ССР от 25 ноября 1937 г. в отношении Амосова А.М. по вновь открывшимся обстоятельствам отменить, а дело о нем по п. 5 ст. 4 УПК РСФСР прекратить.

Председательствующий:

Сенин

Члены:

Ладин

Сирота

Кузнец П.В.Дорожинский с супругой, урожденной К.И.Высоцкой. 1925 г.

П.В.Дорожинский под следствием по «делу» крестьянской трудовой партии. 1937. Расстрелян в том же году. Реабилитирован 21 ноября 1961 г.

К.Я.Марченко с дочерью и сыном в ссылке, в Коми области. 1934 г.

Семья спецпереселенцев Ефимовых. 1936 г.

Семья спецпереселенцев Федоровых. 1941 г.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамович 40, 41
Абрикосова А.И. 74
Авксентьев Н.Д. 19, 58
Агранов Я.С. 59
Аксельрод П.Б. 31
Акулов И.А. 106
Алексеев 72
Алексеев Н.Н. 67
Алкснис Я.И. 156
Алпатов А.Л. 48
Андреев А.А. 80, 87, 88, 123, 127,
128, 150
Андреев Г. 174, 179
Антонов А.С. 20
Апанасенко И.Р. 157
Аргунов А. 57
Аронсон Г. 40, 41
Артузов А.Х. 25, 26, 27, 67
Аустрин 85
Афанасьев 202
- Багиров 127
Бакаев 134
Баранский 165
Барков 207
Бахмутов П. 130
Барышников С.П. 196, 197
Белов И.П. 156
Белокрылов 163
Берзин Я.К. 151
Берия Л.П. 7, 9, 62, 188–190, 192,
194, 210–211, 216
Билик П.Б. 181
- Бирштейн М.Ф. 102
Бискупский В.В. 60
Бисмарк 155
Благонравов Г.И. 67
Блюхер В.К. 127, 147–151, 154, 156
Бобриков 163
Боголепов А.А. 48
Богуславский 137, 206
Бокий Г.И. 17, 85
Болдырев 208
Бонч-Бруевич В.Д. 68
Борисов Г.К. 197
Брешковская Е. 58
Бродский 166
Бруевич 171
Бруцкус Б.Д. 53, 54
Бубнов А.С. 89
Буденный С.М. 147, 152, 154, 155,
157, 216
Булганин Н.А. 122, 127
Булин 127
Буллит В. 215
Бухарин Н.И. 8, 62, 123, 125, 138–
141, 148–150, 172, 176, 177, 179
Быкин 126
- Важнов 207
Варейкис 126
Васильев П. 179
Васильев С.В. 90
Великанов В.И. 159
Великанов И.М. 159, 160
Велихов П.А. 48

- Вернадский В.И. 69
Виноградов В. 64
Винокуров 162
Винокуров А.П. 106
Винавер 53
Виола Л. 4, 6
Вишняк М.В. 19, 58
Владимиров Р.В. 16
Влас 23
Волков 58, 180
Волков А.Н. 199, 200
Волков О.В. 67
Волков Ф.Д. 156
Волгогонов Д.А. 212
Волконский 60
Воронин Д.И. 206
Воронович П. 58
Воронцов И.А. 65
Ворошилов К.Е. 73, 135, 139, 147,
149, 152–154, 157, 200, 213, 216
Врангель П.Н. 29
Вышинский А.Я. 95, 122, 186, 194,
198, 199, 200–202, 208, 213
- Галлер Л.М. 157
Гамарник Я.Б. 148, 149, 157
Гайлит Я.П. 207, 210
Гензи Ж. 149
Гесс 137, 138
Гернет 53
Гетти Дж.А. 6, 212
Гикало 126
Гитлер А. 137, 208
Глазенап П.В. 60
Глинский Ф.С. 9
Гоголь Н.В. 9
Годовиков О.И. 157
Головин Ф. 45
Голощекин Ф.И. 80
Голиков 200
Головкова Л. 212
Голяков И.Т. 121, 122
Горкин А. 130, 198
- Горнштейн 207
Горчаков 145
Горюнов 201
Гринько Г.Ф. 126
Гронский И.М. 57, 179
Гросскопф 208
Грядинский 126, 206
Гулевич В.С. 48
Гусихин И.Ф. 198
- Дан (Гурвич) Ф.И. 40, 146
Данилов В.П. 4, 6, 163
Дворжецкий-Богданович Н.М. 181
Дель О. 158
Демченко 126
Дергалева А.И. 214
Дерибас Т.Д. 21, 22, 24, 39, 67, 126
Дзержинский Ф.Э. 16, 17, 21, 28, 31,
44, 49, 62, 148
Дикгоф-Деренталь 25
Дмитрий Солунский 64
Довгалева И.В. 214
Дорожинский П.В. 161, 162
Достоевский А.А. 68
Дояренко А.Г. 53, 54
Дробнис 137
Духовской С. 64
Дыбенко П.Е. 154, 155, 156
- Евдокимов Е.Г. 85, 86, 87, 192
Егоров А.И. 147, 154, 156
Ежов Н.И. 7, 125, 128, 138–141,
144–146, 149, 154, 157, 159, 160,
163–165, 168, 169, 172–174, 176,
182, 184–186, 188–190, 192, 193,
206–211, 213, 216
Ежов-Цедербаум 144
Ежова Н.Н. 193
Елин 72
Ельяшевич В.Б. 56
Емшанов А.И. 181
Енукидзе А.С. 16, 66, 93, 148, 150
Еремин 126

- Ермакова П.И. 100
Есенин С.А. 214
Ефимович П. 203, 204
- Жариков 178
Жаховский К.И. 202, 203
Жаховская Ю.Н. 202, 203
Жбиковский 165
Жданов А.А. 130, 213
Журавлев В.П. 189
- Загорский С.О. 41
Зайцев И.Е. 207
Заковский Л.М. 87, 208
Запорожец И.В. 87, 92
Зеленин И.Е. 6, 164
Зелинский (Вакар) 58
Земский 126
Земсков В.Н. 212
Зиновьев Г.Е. 134, 136, 137, 207
- Иванов А.А. 48
Иванов В.И. 198
Иванов И. 100
Иванов Н.И. 195, 196
Иванов Я.И. 84
Иванович Ст. 41
Ивкин В.И. 156
Ивницкий Н.А. 6, 109
Игнатьев 166
Иконников 198
Икрамов 126
Ильин И.А. 53
Ильин А (Суворин) 23
Исаев 127
Исупов В.А. 109
Иуда 138
- Каврайский 206
Каганович Л.М. 8, 106, 135, 139, 178,
209, 213, 216
Кадацков И.Ф. 153
- Калинин М.И. 7, 9, 50, 64, 66, 67, 69,
70, 81, 98, 100, 101, 114, 118, 133,
195, 196, 199, 200, 202, 204
- Калычина 126
Каменев Л.Б. 134, 136, 137
Каменев С.С. 157
Карахан Л.М. 148, 149
Карамзин Н.М. 12
Кастальский А.Д. 113
Каширин Н.Ф. 156
Кейзман 145
Керенский А.Ф. 25
Киров С.М. 8, 74, 121, 134, 136, 150
Кишкин Н.М. 45
Князев 137
Кобулов Б.З. 211
Козырев 113
Коковцев В.Н. 55
Колотилов 206
Кольцов 196
Кондратьев Н.Д. 52, 53
Конквест Р. 6
Конопатчиков И. 108
Кончаловский М.П. 64
Корк А.И. 147, 148, 153
Косиор С.В. 135, 297, 210
Костицын В.А. 48
Красиков И. 163
Красиков П.А. 106
Крестинский Н.И. 50
Крылов 200
Кузовлев А.В. 145
Кулик Г.И. 147, 154
Кульков 127
Куликов Е.Ф. 139
Куманев Г.А. 156
Кучерук 201
Кучин Т.Н. 203
Кучина 184
Кучина А.В. 203
Кучинский Д.А. 153

- Лавров В.М. 6
Лавров П.Л. 22
Лапин А.Я. 157
Лазуренко В. 181
Лебедь Д.З. 126, 171
Левин З.Я. 143
Левицкий 32
Ленин В.И. 9, 16, 28, 31, 44, 50, 51,
61, 62, 110, 137
Лемешко 203
Лепа 126
Лесников А. 78
Ли И.М. 201, 202
Либер 144
Либет В.Я. 193
Либет Я.А. 193
Лившиц 148
Литошенко Л.Н. 53, 54
Лихачев 182
Лобачев П.П. 210
Лобачев Я.П. 210
Логановский 165
Лозовский 127
Луговой 172, 174
Лукин 48
Луначарский А.В. 68
Любченко 126
- Макаров 127
Маленков Г.М. 130
Мануйлов А.А. 53, 54
Марков 2-й 59
Маркс К. 148
Марочко В.И. 6
Мартов Ю.О. 31, 33, 40, 43
Маслов С. 52, 53, 54, 57
Масленников 59
Матвеев Н.Е. 162, 163
Матвеев Я.Е. 163
Мельничанский 172
Межлаук В.И. 208
Межлаук И.И. 208
Мейер 85
- Менжинский В.Р. 17, 28, 39, 59, 65
Мерецков К.А. 153, 157
Мессинг С.А. 85
Мехлис Л.З. 127, 154
Микоян А.И. 8, 139
Милюков П.Н. 47, 57
Минин А. 53, 54
Миронов И.М. 181
Миронов И.Н. 171, 177
Миронов Л.Г. 143
Михайлов 127
Михайлова З.И. 159, 160
Михайловская М.П. 64
Михайловский А.С. 63, 64
Михельсон А.М. 57
Молотов В.М. 8, 9, 69, 73, 90, 93, 103,
106, 113, 121, 139, 149, 154, 171,
183, 204, 213, 216
Москалев 178
Мороз В. 184, 185
Мороз Г.С. 184
Муклевич А. 165–167
Муклевич Р.А. 165
Муравьев 53
Мусиенко Н. 158
Муссолини Б. 29, 60
- Нагорный В.В. 69
Наполеон Б. 155
Нариманов М.А. 16
Натаров И.Г. 81
Наумов В. 163
Наумов О.В. 6, 212
Неве Евг. 74
Некрич А.М. 181
Николаев В.Н. 182
Николаев Н.Г. 207
- Овчинников 173, 174, 179
Огановский Н.П. 52, 54
Одинец Д. 25
Озерецковецкий (Озерецковский
В.С.?) 53

- Олсуфьев Ю.А. 64
Ольшанский 87
Опель А.К. 158
Орджоникидзе Г.К. 8, 72, 139
Орлова И. 193
Осадчий П.С. 48
Осколков Н.Е. 6
Осокина Е.А. 6, 109, 112
Осоргин М. 58
- Павлов Д.Г. 151
Павлов И.П. 10, 68
Павлова И.В. 130, 205
Павлуновский И.П. 153
Палетика В.П. 48
Паникаров И. 193
Панфиленко 202
Паукер К.В. 67
Пахомов Н.И. 210
Пергамент М.Я. 48
Петр Великий 146
Петерс Я.Х. 72
Петров Н.В. 6
Петровский Г.И. 208
Петруничев Н. 183
Печенкин А.А. 147, 157
Пилсудский Ю. 29, 164
Пильняк Б. 179
Полюдов 177
Пиляр Р.А. 28, 60
Пинзур 210
Пинчук А. 202
Пинчук И.С. 202
Пичуев 163
Плесков 145
Плеханов Г.В. 31
Плинер И. 186
Постников 177
Птуха 126
Поливин Н.Н. 113
Поляков 196
Полянский 53
Попов 23
- Постышев П.П. 87
Потресов А.Н. 31
Правдзик Б.Л. 48
Прамнек Э.К. 127, 210
Примаков В.М. 147, 153
Прокопович С. 45, 58
Прянишников Д.Н. 68
Путна В.К. 147, 153
Пыпин Н.А. 68, 69
Пятаков Г.Л. 135, 139
Пятницкий И.А. 126, 153
- Радек К.Б. 135, 138
Радченко 210
Разумов 141
Райнис Я. 208
Рацен Н.Н. 84
Репин В. 75
Рейтер 23
Римский-Корсаков 59
Рогинский Г. 180
Розанов 32
Розенгольц 126
Рокоссовский К.К. 157
Розовский Н. 200–202
Рубцова М.М. 206
Романов К.В. 59, 60
Романов Н.Н. 59
Рудзутак Я.Э. 16, 87, 148, 149, 171,
176, 177, 209, 210
Руднев 58
Рудой 171, 177
Рухимович 206
Рыков А.И. 8, 49, 62, 77, 79, 81, 103,
123–125, 139–141, 148–150, 172,
176, 177, 206
Рютин М.Н. 74
- Савельев 198, 200–202, 203
Савинков Б.В. 6, 19, 21, 25–31
Савинков В.В. 25
Саломатов 52
Сапрыкин 201

- Самсонов Т.П. 18, 31, 62
Саркисов 126
Сахаров А.Н. 5, 12
Свердлов Я.М. 204
Севостьянов Г.Н. 5
Севитов М.А. 69
Семенов 126
Семятицкая 23
Сергеевич Л.В. 70
Серебровский А.П. 92, 126
Серебряков Л.П. 138, 148
Сидельников 200
Скоркин К.В. 6
Смидович П.Г. 11, 68, 69
Смирнов А.П. 9, 74, 134, 137
Сморозин 127
Соболев С.М. 198
Соколов 52
Сокольников Г.Я. 138
Соловьев С.Ф. 217
Сосновский Л.С. 139
Сталин И.В. 2–9, 62, 74, 79–83, 94,
106, 110, 111, 117, 118, 123–125,
126–131, 136–142, 146–157,
160, 168, 172, 176–179, 184–185,
188–192, 194, 196–198, 201, 204,
205, 207, 211–213, 216
Сташевский 163
Степанова 184
Стратонов В.В. 48
Стецкий А.И. 141
Стрельцов 166
Стучка Д. 208
Сувалов 23
Сулимов Д.Е. 171, 177
Сурженко 163
Сучков А. 103
Сырцов С.И. 74, 143, 206
Тальберг 59
Тенисон 195, 196
Терехов Д. 181
Тимошенко С.К. 154, 157
Титов 195, 196
Тодорский А.И. 157
Толмачев В.Н. 9, 74
Томский М.П. 138
Тракман 206
Трегубов Т.С. 79
Третьяков 198
Третьяков С.Н. 57
Трофимова Н.Л. 113
Троцкий Л.Д. 8, 31, 50, 62, 73, 86,
136, 148, 149, 174, 197
Тучков Е.А. 64
Тухачевский М.Н. 147–150, 153–156
Тухачевская Н.Е. 157
Уборевич И.П. 147–150, 153
Угаров 127
Угланов Н.А. 74, 176, 177
Угримов 53
Уколов А.Т. 156
Уланов-Зиновьев Г.Д. 181
Ульмер 182
Ульрих В.В. 30, 180
Ульяницкий 25
Уншлихт И.С. 28, 59, 60, 163, 165
Урусов 59
Ушаков З.Н. 207
Федорова А.Ф. 73
Федько И.Ф. 154
Фельдман Б.М. 113, 147, 152, 153
Фельдштейн М.С. 53
Фейхтвангер Л. 135–138
Философов Д. 25
Фицпатрик Ш. 6
Фишман Я.М. 157
Фомин Е. 206
Фомиченко Е.М. 181
Фош 163
Фриновский М.П. 161, 171, 182, 183,
185, 192, 210, 211
Халатов 137

- Хатаевич М.М. 126, 141
Хиллиг Г. 6
Хрулев А.В. 157
Хрущев Н.С. 127, 154, 175, 181, 212
- Цесарский 141
- Чайковский Н.В. 57, 58
Чаянов А.В. 53
Чемберлин С. 11
Черепанов Ф. 77–79
Чернов В.М. 17, 19
Черный 177
Чернышова 172
Чернышевский Н.Г. 148
Черушев Н.С. 156
Черчилль У. 29
Чубарь В.Я. 135, 183, 210
Чудов М.С. 153
- Шамберг М. 130
Шанин А.М. 85
Шапошников Б.М. 157
Шаховской Д.И. 53, 54
Шевелев 181
Шестов 206
Шимкевич Б.М. 48
Ширинский З. 165
Ширинский-Шахматов 59
- Шленов 197
Шмидт 172
Штерн Г.М. 151
Шубриков 126
- Щаденко Е.А. 152–154, 157
Щебеко 59
Щелкунова Т.Т. 196
- Эдельман 207
Энгельс Ф. 148
Эйдман Р.П. 147, 148, 153
Эйманс 85
Эйсмонт Н.Б. 9, 74
Эйхе А.К. 205
Эйхе Р.И. 4, 80, 135, 204–211
Эйхе-Рубцова Е.Е. 205
- Юденич Н.Н. 60
Югов А.А. 146
Юрчук 201
- Яглом 172, 174
Ягода Г.Г. 7, 16–18, 31, 45, 60, 62, 63,
65, 71, 73, 74, 82–87, 89, 92, 93,
113, 141, 148, 149, 176, 177
Якир И.Э. 147–150, 153
Ясинский В.Я. 48
Ястребов Г.Г. 157

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Баракы	—	временные неприспособленные для проживания людей помещения, в которых содержались семьи спецпереселенцев
Беломорстрой	—	строительство Беломоро-Балтийского канала
ВКП (б)	—	Всероссийская коммунистическая партия (большевиков)
ВКПГ	—	Всероссийский комитет помощи голодающим во главе с Ф.Головиным (июль 1921 г.)
ВМН	—	высшая мера наказания (смертный приговор)
ВНСЗРС	—	Всероссийский народный союз защиты родины и свободы, возглавлявшийся Б.В.Савинковым
ВЦИК	—	Всероссийский центральный исполнительный комитет советов рабочих и крестьянских депутатов
ВЧК	—	Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (чрезвычайка)
ГА РФ	—	Государственный архив Российской Федерации
Генштаб	—	Генеральный штаб
Главморпром	—	Главное управление морской промышленности
Главцветметзолото	—	Главное управление предприятиями цветных металлов и золота
ГПУ	—	Государственное политическое управление
ГУВД	—	Главное управление внутренних дел
ГУГБ НКВД	—	Главное управление государственной безопасности НКВД
ГУЛАГ	—	Главное управление лагерей
Здравотдел	—	Отдел здравоохранения
Кавдивизия	—	Подразделение кавалерии
КГБ	—	Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР
КПСС	—	Коммунистическая партия Советского Союза
КРО ГПУ	—	Контрразведывательный отдел ГПУ

- «Кулак» — оскорбительное слово с политической окраской, которым называли крестьян, не вступивших в коллективные хозяйства (колхозы)
- Медпункт — место оказания первой медицинской помощи
- Нарком — Народный комиссар
- Наркомат — Народный комиссариат
- Наркомвнудел — Народный комиссариат внутренних дел
- Наркомзем — Народный комиссариат земледелия
- Наркомтяжпром — Народный комиссариат тяжелой промышленности
- НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
- НЭП — Новая экономическая политика
- ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
- Политкомитет — политический комитет
- Продотдел — продовольственный отдел
- Профдвижение — профсоюзное движение
- Раскулачивание — насильственное изъятие у крестьян, не вступивших в колхозы, домов, хозяйственных построек, имущества, скота и проч.
- РГА СПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
- РКСМ — Российский Коммунистический Союз Молодежи
- РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия
- РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая республика
- Сексот — секретный осведомитель
- СНК РСФСР, СССР — Совет народных комиссаров (Совнарком)
- Спецслужбы — специальные службы (ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД, КГБ)
- Спецпереселенцы — люди, высланные по специальному постановлению Советского правительства в необжитые районы, как политически неблагонадежные
- СССР — Союз советских социалистических республик
- «Тройка» — три представителя органов власти, наделенных внесудебными полномочиями выносить приговор подсудимому, вплоть до смертного
- УНКВД — Управление НКВД (областное, краевое)
- ЦА ФСБ — Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ

- ЦК РКП (б) — Центральный комитет Российской коммунистической партии (большевиков)
ЦКК ВКП (б) — Центральная контрольная комиссия ВКП (б)
ЦЧО — Центральная Черноземная область (Воронежская, Курская, Орловская и Тамбовская губернии)
Чекист — сотрудник ВЧК
Эсер — социалист-революционер (сокр. с-р)

*Приложение, именной указатель
и список сокращений подготовил
Ф.В.Зима*

Зима, Вениамин Федорович

362 Человек и власть в СССР в 1920–1930-е годы: политика репрессий / Ин-т рос. истории РАН. – М.: Собрание, 2010. – 240 с., ил. – ISBN 978-5-9606-0090-3

Монография посвящена актуальной проблеме неравного противодействия людей созданию сталинской империи насилия и страха. В ней показаны трагические события острой политической борьбы и физического уничтожения лучших представителей нации: видных государственных деятелей, интеллигенции, рабочих и крестьян.

В основу исследования положены рассекреченные нормативные акты и следственные дела из архива ФСБ России, документы из личного фонда И.В.Сталина (РГАСПИ), государственные постановления и распоряжения из ГАРФ и других архивохранилищ. Книга рассчитана на широкий круг читателей, равнодушных к трудным этапам нашей истории.

УДК 94(47).084.(3+5+6)

ББК 63.3(2)613

ОФОРЛЕНИЕ ОБЛОЖКИ

С.А. Стулов

Вениамин Федорович Зима

**Человек и власть
в СССР в 1920–1930-е годы:
политика репрессий**

Подписано в печать 15.12.2009 г.
Формат 60×90/16. Гарнитура NewBaskerville.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,00. Уч.-изд. л. 13,54.
Тираж 300 экз. Заказ № 815

Издательство «Собрание»
109559, Москва, Тихорецкий бульвар, 1, стр. 5
Тел. (495) 389 68 88

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел.: (4872) 47-08-71, тел./факс: (4872) 49-76-96
E-mail: grif-tula@mail.ru, <http://www.grif-tula.ru>